АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

XIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ имени Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

XIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1946 Ленинград

ПОСВЯЩАЕТСЯ
СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ АРХЕОЛОГОВ,
ПОГИБШИХ В ОСАЖДЕННОМ
ЛЕНИНГРАДЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
вып. XIII ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1946 год

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

О РОЛИ МЕЖПЛЕМЕННЫХ СНОШЕНИЙ В ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

(Тезисы доклада)

1. Одной из наиболее положительных сторон советских историко-археологических исследований является решительная борьба с теориями заимствований и миграций, столь распространенными в зарубежной археологии. Успехами в этой области советская историческая наука более всего обязана трудам Н. Я. Марра.

Марксистская концепция одинаковости основных законов исторического развития первобытного человечества, вне зависимости от территории или расы, принадлежит к числу важнейших предпосылок советских археологических и этнографических исследований.

Однако в последние годы наметились некоторые опасные тенденции, ведущие к упрощенным и вульгарным представлениям об историческом процессе. Условно их можно назвать «гипертрофированным автохтонизмом». В отдельных случаях они приводили к поверхностным и даже неправильным выводам. Исследователи как бы освобождали себя от широких и глубоких обобщений, от анализа одновременных явлений на смежных территориях, от изучения исторической реальности.

Основой этих ошибочных тенденций являлось и является до конца еще не преодоленное теоретическое отставание в области изучения истории первобытного общества.

2. Одной из предпосылок «гипертрофированного автохтонизма» явилось некритическое отношение к буржуазному эволюционизму в этнографии и археологии. Эволюция, как ее понимал, например, Тейлор, не имеет ничего общего с материалистической диалектикой. Правда, Тейлор полагал, что «однообразие, так широко проявляющееся в цивилизации, в значительной мере может быть приписано однообразному действию однообразных причин, а с другой стороны, различные ступени ее могут считаться стадиями постепенного развития, из которых каждая является продуктом предшествующего и в свою очередь будет играть известную роль в образовании истории будущего»[1]. Эти и им подобные утверждения составляют прогрессивную сторону эволюционизма. Но как раскрываются основные причины стадиального «однообразия» на отдельных территориях?

Доходящее до деталей сходство в материальной или духовной культуре у различных племен Тейлор объяснял психическим единством человеческого рода. Только эта идеалистическая установка позволила

[1] Тейлор. Первобытная культура, стр. 1.

ему «не придавать большого значения исторической эпохе или географическому положению». Причины большего или меньшего сходства культуры у различных племен, как и причины различий между ними не интересовали Тейлора.

Упрощенное, однолинейное толкование исторического процесса, искусственная изоляция явлений и сторон культуры, полное игнорирование исторических связей в значительной мере обесценивали труды Тейлора и других буржуазных эволюционистов.

К сожалению, в ряде последних советских исследований изолируются отдельные племена («культуры»), а их история рассматривается как простая «автохтонная» эволюция; материалистическая диалектика на деле подменяется буржуазным эволюционизмом.

Когда серьезно думают, что полное сходство в деталях, не связанное с материалом или функцией предмета, всегда объясняется независимыми друг от друга стадиальными совпадениями, то тут вновь оживают идеализм и фатализм буржуазных эволюционистов.

3. Ограниченность и антиисторизм эволюционистов облегчили критику их недостатков со стороны антропогеографии и реакционной «культурно-исторической школы».

Основным пороком учения Гребнера является, конечно, не признание важности роли конкретно-исторических культурных связей, а отрицание всякой закономерности исторического развития.

«Культурные круги» от Гребнера до Менгина были и есть механическими, случайными комплексами разнородных культурных элементов. Неизвестно где и когда появившиеся, они были постоянны и неизменны в сочетании составляющих их элементов, превращались в мертвые, застывшие субстанции. Порочность культурно-исторических построений состояла не в том, что ими учитывались взаимные связи племен, а в том, что делалось это до крайности метафизично и культурные связи не рассматривались как проявление основной закономерности исторического процесса.

4. Н. Я. Марр впервые сформулировал применительно к лингвистике и археологии учение о стадиальном развитии. Непременным компонентом марровского понимания стадиальности было положение о скрещениях.

Стадиальность объясняет сходство культур и языков на самых отдаленных территориях; разнообразные пути и формы скрещений обусловливают сложение различных систем языков.

«Более живой интерес могли бы вызвать такие положения яфетического языкознания, как то, что различные виды языков возникают от скрещения различных племен, что самое зарождение человеческой речи имеет предпосылкой скрещение различных племенных видов, что от скрещения возникали не только новые формально виды одной и той же семьи языков, но и новые типологически по природе своей структуры языки, особые, казалось бы, так называемые расовые семьи языков» [1]. Все современные языки — результат многосторонних скрещений.

«Скрещение племен и скрещение их языков является необходимым условием общественной жизни человечества, неизбежным условием ее начала и совершенствования на заре истории; это единственный залог развития языка, но никак не последствие мистического рока» [2].

Культурные связи и скрещения племен — необходимое условие общественной жизни на заре истории. Эти мысли Н. Я. Марра показывают, как понимал основатель нового учения об языке проблему ста-

---

[1] Н. Я. Марр. Избр. работы, т. II, стр. 8.
[2] Н. Я. Марр. Избр. работы, т. I, стр. 189.

диальности. Стадиальное единство не есть «последствие мистического рока», а результат непрерывных и многосторонних скрещений племен, стоящих на одном уровне исторического развития. Стадиальность означает не всеобщую независимость, а всеобщую связанность и взаимную обусловленность.

5. В этой связи не можем пройти мимо вопроса о том, каковы методологические предпосылки рукописи Энгельса «К истории древних германцев». Энгельс доказывает смешанность современного населения Германии, восходящую к глубокой древности. Тезис о смешанности всех современных наций и народов — одно из важнейших положений марксизма-ленинизма в борьбе с расистскими теориями.

В противоположность этому расистские лжетеоретики больше всего пытались доказать «чистоту» рас, вывести на корню «чистые расовые типы», связав их с теорией предопределения господства некоторых современных государств и прежде всего Германии.

В западной археологической литературе нередко появлялись такие статьи, как, например, об «Автохтонном развитии Средней Германии от палеолита до исторических времен». На археологических и антропологических материалах доказывалась «чистота» расы и культуры, отсутствие всяких примесей, всяких миграций и чуждых влияний в истории изучаемого народа. Наш тезис прямо противоположен: всякая раса и всякая культура с древнейших времен — результат многосторонних скрещений и смешений, которые, конечно, не ограничиваются одними миграциями.

В глубоком подполье М. Торез вел борьбу с расистскими выродками из Виши. Крайне поучительна аргументация Тореза: «Как будто бы вообще существует «французская раса»: французский народ формировался на протяжении веков из двадцати народов, рассеянных некогда на нынешней территории нашей страны. Начиная от человека из кроманьонских пещер, сколько рас наслоилось, смешалось и переплавилось, чтобы дать нынешнего француза: лигуры, галлы, иберы, романцы, франки и другие германские племена; сарацины, затем норманны, англичане, затем испанцы и евреи — все они плавились в этом горне. В результате переселения, войн и революций весь этот сплав создавал французскую нацию» [1].

К сожалению, нередко «гипертрофированный автохтонизм»—одна из предпосылок расистских «теорий» — у нас почему-то не получает должного отпора.

6. Во многих последних работах признается самое наличие влияний и заимствований в древние, даже первобытные времена, но им отводится крайне незначительное место, они считаются случайными, внешними и второстепенными факторами. Они противопоставляются «внутренним причинам» и «местным основаниям» развития каждого изучаемого общества, как несоизмеримо более существенным факторам исторического процесса. С нашей точки зрения подобное противопоставление антидиалектично.

Сношения или связи между племенами уже в древнейшие времена имеют постоянный, а не случайный характер и являются не «внешними» и посторонними факторами, а представляют внутреннюю закономерность развития первобытного общества. Материалистическая диалектика никогда не отрывает изучения явлений «с точки зрения развития» от изучения явлений «с точки зрения взаимной связи и обусловленности». «Диалектика рассматривает природу не как случайное скопление предметов, явлений, оторванных друг от друга, изолированных друг от

[1] Журн. «Коммунистический интернационал», 1941, № 5, стр. 23.

друга и не зависимых друг от друга,— а как связное, единое целое, где предметы, явления органически связаны друг с другом, зависят друг от друга и обусловливают друг друга.

Поэтому диалектический метод считает, что ни одно явление в природе не может быть понято, если взять его в изолированном виде, вне связи с окружающими явлениями, ибо любое явление в любой области природы может быть превращено в бессмыслицу, если его рассматривать вне связи с окружающими условиями, в отрыве от них, и, наоборот, любое явление может быть понято и обосновано, если оно рассматривается в его неразрывной связи с окружающими явлениями, в его обусловленности от окружающих его явлений» [1].

«Если связь явлений природы и взаимная их обусловленность представляют закономерности развития природы, то из этого вытекает, что связь и взаимная обусловленность явлений общественной жизни — представляют также не случайное дело, а закономерности развития общества» [2].

Первобытное общество на довольно ранних стадиях своего развития перестает быть случайным сцеплением изолированных, оторванных и независимых друг от друга племен. В эпоху верхнего палеолита впервые прослеживаются такие черты сходства в культуре первобытных племен на определенных, достаточно обширных и точно ограниченных территориях, которые могли создаться только в результате постоянных взаимных сношений (ср., например, особенности сибирского палеолита и его отличия от европейского, не объяснимые характером географической среды). Неизмеримо бóльшее значение взаимные сношения между племенами получают в эпоху неолита.

Любая культура эпохи неолита, как и более поздних эпох, превращается в бессмыслицу, если ее рассматривать вне связи с окружающими культурами, и, наоборот, может быть понята и обоснована, если рассматривается в неразрывной связи с окружающими культурами, в ее обусловленности от окружающих культур.

Сношения и связи между племенами представляют не случайное дело, а закономерность развития первобытного общества.

7. В настоящей статье уместно снова поднять вопрос о понятии «культура» в применении к археологическим памятникам (Фатьяновская, Трипольская, культура ямочно-гребенчатой керамики и др.).

В свое время на этот вопрос пытались ответить следующим образом: культура есть «конкретный вариант одной стадии и одной социально-экономической формации».

Этот схематический ответ, может быть, объясняет сходство между отдельными культурами, но не в силах объяснить их отличия. Ссылка на роль географической среды ничем не может помочь, поскольку в однородных природных условиях часто складываются различные культуры.

Чем же объясняются своеобразные этнографические особенности смежных культур?

Историческая среда — такова одна из основных причин. Культура в археологическом смысле этого слова не есть абстракция. Она имеет вполне реальное содержание, она охватывает обширную группу племен, наиболее тесно связанных друг с другом постоянными взаимными сношениями, выработавших многие общие этнографические черты (например, в искусстве, культе, языке) и более или менее отчетливо отделяющихся от окружающих культур.

---

[1] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 101.
[2] Там же, стр. 109.

Территориальный охват той или другой культуры, степень ее выделения из окружающих зависит от путей и средств сношений между племенами, от характера хозяйства и образа жизни. Как ни одно племя, так и ни одна культура не развивались в безвоздушном пространстве. Археологические исследования показывают, что каждая культура носит переходный характер не только во времени, но и в пространстве. Каждая культура имеет черты, общие, например, с ее восточными (или северными) соседями, этих черт становится все меньше по направлению на запад (или на юг); но в этом же направлении постепенно вырастают новые особые признаки, присущие племенам, расположенным западнее (или южнее).

Имеются ли отчетливые границы у той или другой культуры, или она почти незаметно переходит в соседнюю — это зависит от характера сношений между племенами. Следует подчеркнуть, что вопросы о причинах и характере выделения различных культур, об их территориальном охвате, о переходных или пограничных образованиях не могут быть решены тривиальными ссылками на стадиальное единство — последнее является фактором необходимым, но далеко не достаточным.

8. Основным содержанием сношений между племенами был междуплеменной обмен. Локальные группы австралийцев (даже если взять наиболее примитивные племена) еще до европейской колонизации находились между собой в постоянных сношениях, имеющих глубокое экономическое значение. Это выразилось в групповой специализации по выработке различных предметов, в быстром распространении предметов обмена на громадные расстояния, постоянном характере сделок, установившихся формах организации обмена. Сообщения этнографов показывают, что подавляющее большинство предметов обихода является так или иначе объектами обмена. Результатом этих сношений являются точные совпадения в материальной культуре, обычаях, магических приемах и пр. у наиболее тесно связанных друг с другом австралийских племен.

На Новой Гвинее междуплеменной обмен глубоко проникает в экономику туземных общин, затрагивая их самые жизненные интересы, особенно поскольку объектами обмена являются не только предметы обихода или украшения, но и съестные припасы. В условиях каменного века здесь складывается сложная локальная специализация, выделяются «общины-посредники», организуются длительные «торговые экспедиции», когда, например, одновременно везется на целой флотилии лодок до 20 тысяч штук горшков и т. д.

Этими сношениями во многом объясняются, например, индонезийские элементы в культуре западных папуасов, «меланезийский» характер культуры на востоке острова, папуасско-меланезийское влияние на северные племена Австралии и пр.

Культура каждой этнографической группы имеет переходный характер. Междуплеменной обмен и междуплеменное разделение труда составляют одну из наиболее существенных черт первобытно-общинного способа производства.

9. В противоположность связям и сношениям между племенами, имеющим постоянный и закономерный характер, передвижения племен, особенно на ранних этапах истории, не обязательны и спорадичны. Значение миграций в историческом процессе принципиально отлично от значения культурных связей. К сожалению, во многих последних работах как миграциям, так и культурным связям не придается должного значения.

Сношения между племенами осуществляются постоянно, но степень и характер воздействия этих сношений на культуру каждого отдель-

ного племени зависит от многих разнообразных причин. Сношения между племенами, стоящими на одном и том же уровне культурного развития, приводят к выработке общей культуры. При сношениях же между племенами, стоящими на разных уровнях культурного развития, связи получают характер влияний и заимствований.

Заимствование может произойти только в том случае, если племя в результате предшествующего развития уже подготовлено к усвоению достижений чуждой культуры. Заимствование почти никогда не бывает односторонним усвоением, чаще всего это двусторонний процесс: влияние почти всегда предполагает взаимодействие.

10. Исключительную важность для конкретных исследований имеет методика установления на археологическом материале фактов влияний и заимствований.

а) Если в поселении или могиле встречаются единичные привозные вещи — это еще ничего не говорит о направлении и характере сношений и влияний. Но если в поселениях или могилах одной культуры систематически появляются различные серии вещей из другого района, то это может говорить о существовании постоянных сношений, как основного условия для сложения единой культуры или для передачи новых культурных достижений.

б) Если устанавливается заимствование культурных растений, домашних животных или навыков металлургии, то это также свидетельствует не о случайном обмене, а о постоянном культурном общении, способном воздействовать на самые основы первобытного хозяйства.

в) Если на более или менее отдаленных территориях появляются схожие вещи, то это само по себе еще не говорит о связях или влияниях, ибо может вполне объясняться стадиальной повторяемостью. Реальное значение имеет только близкое и неповторимое сходство во второстепенных деталях, не зависящих от материала или функции предмета, да и в том только случае, если доказана одновременность сопоставляемых предметов и наличие их на смежных территориях.

г) Очень показательно также одновременное появление в культуре нескольких смежных племен разнородных предметов, органически здесь друг с другом не связанных, особенно если удастся доказать, что эти сочетания вполне закономерны у их соседей.

д) Если удастся проследить весь путь постепенного распространения культурного явления и показать, где, когда и как оно возникает, как передается от племени к племени и, взаимодействуя с местной культурой, прививается в новой среде, тогда есть все основания говорить об определенном направлении сношений и влияний. Особое значение может иметь картографирование.

Если удастся показать, что определенные культурные явления встречаются на ограниченной территории, связанной с наиболее удобными путями сношений (реки, морские побережья, горные перевалы), и отсутствуют в районах, от них более удаленных, то это, конечно, не объясняется обычными ссылками на стадиальные совпадения.

11. Все вышесказанное, если оно правильно, настоятельно требует пересмотра некоторых установившихся взглядов на древнейшие периоды всемирной истории.

Если сношения, по крайней мере начиная с неолита, становятся постоянными и закономерными, то тем бóльшее значение имеет неравномерность в темпах исторического развития на смежных территориях. Благодаря этому культурные связи во многих случаях получают характер влияний, с одной стороны, и заимствований, с другой.

В последние годы очень многое в этом отношении сделано в работах

известного археолога, профессора Эдинбургского университета Гордона Чайльда.

Когда в Передней Азии и Северной Африке произошел переход к неолиту, возникло земледелие и скотоводство, Европа еще находилась на стадии эпипалеолита.

Сношения древних цивилизаций Египта и Двуречья с племенами Средиземноморья имели решающее значение для древнейшей истории Европы.

Основные предпосылки, конечно, создавались на месте; земледелие и скотоводство возникли бы в Европе и самостоятельно, но не в такие сроки и не в таком виде, как это произошло на деле, в результате постоянных сношений древневосточных цивилизаций с средиземноморскими племенами и средиземноморских племен с населением юго-восточной, средней и западной Европы.

Первобытно-общинный строй во всемирно-историческом плане заканчивает свое существование в конце IV тысячелетия до н. э., когда возникают первые государства на Древнем Востоке. С этого времени первобытная Европа становится более или менее отсталой периферией передовых рабовладельческих государств.

В эпоху неолита, например, Средиземноморье было ближайшей периферией Древнего Востока; Западная, Средняя и Юго-восточная Европа была периферией Средиземноморья и в свою очередь была окружена с севера и востока огромным количеством охотничье-рыболовческих племен.

Сходную картину представляла Азия. В северной Индии и Китае примерно в IV—III тысячелетии до н. э. возникло передовое земледельческое хозяйство.

Земледельческая культура развивалась также в Средней Азии и, возможно, в центрально-азиатских степях. На периферии — в Сибири, на Дальнем Востоке и Японских островах, в Южном Китае, Южной Индии и Индонезии — жили более или менее отсталые охотничье-рыболовческие племена. Непосредственные сношения земледельческих племен Центральной и Передней Азии вполне вероятны. Переход к земледелию в Индонезии (I тысячелетие до н. э.) был несомненно связан с развитием древних государств Индостана, а с Индонезией были тесно связаны океанийские племена. Это показывает, как создается стадиальное единство в процессе постоянных сношений между племенами, и раскрывает общую закономерность развития первобытного общества.

Аналогичную картину представляла Америка; Мексика и Перу были центрами туземного земледелия, там впервые в западном полушарии возникает развитая неолитическая культура.

В начале нашей эры, в результате непосредственных сношений древних цивилизаций Мексики и Перу с окружающей их отсталой периферией, на север и на восток постепенно проникают навыки земледелия, шлифовки камня и пр.

По характеру географической среды, культуры и по значению для истории всего западного материка Мексику, Перу и некоторые прилегающие к ним территории можно назвать Американским Древним Востоком и Американским Средиземноморьем.

Е. Ю. Кричевский

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
вып. XIII ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1946 год

РАСКОПКИ ФРАНЦУЗСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В БЕГРАМЕ (АФГАНИСТАН)

Господин Алмазов, представитель ВОКС в Афганистане, любезно предложил мне написать статью о деятельности Французской археологической делегации в Афганистане. Отвечая на это предложение, я надеюсь на установление в будущем более тесного контакта между представителями советской археологии и их французскими коллегами. Я думаю, что результат последних раскопок Делегации явится наиболее интересным материалом для советских специалистов, особенно после ряда новейших открытий, сделанных ими в долине Зеравшана.

Остатки древнего города, который известен теперь под именем Беграма, находятся в 60 км к северу от Кабула, в 300—400 м от берега Пянджшира, близ места слияния этой реки с Горбандом. В 10—12 км к северу по прямой линии возвышается величественная цепь Гиндукуша.

Первоначальная форма города представляла собою прямоугольник, вытянутый с юга на север; линия южной стены, длиною в 450 м, видна полностью; от западной и восточной сохранились лишь части длиною в 100 и 120 м; от северной следа не осталось, большая часть города исчезла под пахотными полями. Перед южной стеной отчетливо видны два параллельных рва, входивших в систему обороны города, указывающие на крупную роль города в прошлом. Обычно эллинистические города окружались одним рвом; два встречаются сравнительно редко, и из городов с тремя рвами известен, если не ошибаюсь, только один — Сиракузы.

Судя по расположению южных ворот в центре стены, и улицы, идущей от них к северу, город делился на четыре главные части двумя магистральными артериями, пересекавшимися в центре под прямым углом. Таким образом, город был распланирован согласно классическому принципу планировки эллинистических городов.

Раскопки Беграма были начаты в 1936 г., вдоль улицы, идущей от южных ворот, по обеим сторонам которой тянулись, как предполагалось, базары. В следующем году директор Делегации г-н J. Hackin начал работы в восточной части, и здесь его розыски увенчались редким в жизни археолога успехом. За три кампании, 1937, 1939 и 1940 гг., из ряда комнат, по всей вероятности дворца, были извлечены сотни изделий из резной слоновой кости (рис. 3), художественные вещи, привезенные из Индии. Рядом с ними находились десятки ваз из прозрачного стекла, украшенные великолепной росписью красками (рис. 1); вазы из бронзы; статуэтки из того же металла (рис. 2), изображающие Зевса, Диониса, либо Гарпократа; целый ряд медальонов из гипса, изображающих либо портреты, либо сцены из греко-римской мифологии.

Не было никакого сомнения, что эти вещи прибыли с далеких рынков Сирии, Александрии и, может быть, Греции и Рима. Не исключается, однако, возможность видеть в некоторых из них произведения мастеров греко-бактрийских центров. В тех же комнатах были найдены остатки коробочек и чашек китайского лака, судя по работе и декоровке принадлежащих к эпохе Хань.

Беграм, который французские ученые Foucher и Hackin идентифицируют с древней Капис — городом, впервые упомянутым в истории в

Рис. 1. Беграм I. Фрагмент стеклянной вазы с росписью, изображающий бой гладиаторов. Выс. 17.5 см. Раскопки J. Hackin.

связи с восточными завоеваниями Кира Великого, представлял собою крупнейший узел, через который проходили три главнейших торговых пути древности: на запад — в сторону Средиземного моря, на восток — в Китай и на юго-восток — в Индию.

Находки 1937 и 1939 гг. частично опубликованы J. Hackin [1]. В начале 1941 г. этот крупный французский ученый и патриот, отправляясь со специальной миссией Сражающейся Франции, погиб на корабле, потопленном немецкой подводной лодкой на пути из Англии на Восток.

---

[1] J. Hackin. Recherches à Begram, Paris, Geuthner 1939 (в двух томах). Его же. Recherches archéologiques à Begram (1939), опубликованные Исторической секцией департамента прессы. Кабул, 1940.

Летом того же года Французская Академия просила меня приостановить мои работы в Иране и взять на себя руководство Делегацией. Руководители Сражающейся Франции одобрили это назначение, и в сентябре 1941 г. мною были возобновлены раскопки Беграма.

Первой задачей для нас было установить точную стратиграфию культурных слоев города. С этой целью мною было выбрано наиболее возвышенное место в западной, еще не тронутой раскопками части Беграма. Попутно с этой работой были предприняты раскопки вдоль городской стены.

Рис. 2. Беграм I. Бронзовая статуэтка. Выс. 10.3 см. Раскопки автора.

Фортификация

Внешние стены города, выявленные на протяжении около 250 м, охватывают части южной и западной стен с юго-западным углом города. Характеристика их следующая: на материке был выведен фундамент из камня высотою в 0.50—0.70 м, на котором возвышалась стена из сырцового кирпича, размером в 40 × × 40 × 10 см. На каждом кирпиче, повидимому, пальцем, была начертана греческая буква θ. В тех местах (часть западной стены), где материком служила известковая скала, фундамент из камня не выкладывали, и кирпичная кладка возводилась прямо на материке.

Стена имеет равномерные выступы через каждые 17 м, образуя, вероятно, прямоугольные башни, выдающиеся на 7 м вперед, в сторону рвов. Общий характер формы, и архитектурного принципа очень близок к городским стенам эллинистического периода города Дура-Европос на Ефрате.

Слои города

Беграм I. Начало самых старых построек находится на глубине между 3.20 и 4.40 м от поверхности. Стены их сложены из мелкого, плоского камня и выведены на фундаменте из сырцового кирпича тех же размеров, что и на городской стене. Местами этот фундамент образует погреба, где были найдены большие глиняные пифосы для хранения припасов. Стены сохранились местами высотою более 2 метров, внутри штукатурка была белого цвета.

В этом слое были найдены многочисленные монеты греко-бактрийских царей, правителей скифо-парфянского периода, который, судя по очень редким экземплярам, был здесь очень коротким и длился до правления Гондофареса, монеты которого обильны; кончается этот слой

монетами двух царей 1-й кушанской династии, Кужула Кадфизес и Вима Кадфизес. Первый слой датируется, таким образом, периодом времени от II в. до н. э. и до второй половины I в. н. э. По сравнению с культурными наслоениями Тали-Барзу близ Самарканда, Беграм I соответствует концу Тали-Барзу III и началу Тали-Барзу IV [1].

Среди находок в этом слое следует упомянуть: терракотовый обнаженный торс мужчины; терракотовую женскую головку очень тонкой работы с волосами, намеченными черной и красной краской, и с головным убором; статуэтку, изображающую воина с длинным овальным щитом, характерным для римской армии начала императорского периода.

Рядом с этими произведениями, вероятно привозными, были найдены изделия местных коропластов. Среди последних вещей наиболее интересной является статуэтка сидящей на троне богини, вылепленная от руки, довольно простой и даже грубой работы, которая по характеру приближается к парфянским статуэткам Месопотамии и находкам в Дура-Европос.

Керамика первого слоя характеризуется вазами красного цвета, с украшениями в виде волнообразных линий, начертанных острым орудием, либо мелким и простым налепным орнаментом, главным образом на ручках; одновременно найдено много фрагментов серо-черной посуды в форме чаш, являющихся, вероятно, имитацией металлических изделий.

Беграм II. Второй слой залегает на глубине не ниже 2.20 м в зависимости от места. В нем найдены золотые и медные монеты трех правителей второй кушанской династии: Канишка, Хувишка и Васу Дева; длился этот период значительно меньше, чем первый, и обнимает время, идущее от конца I в н. э. и до начала III в. н. э. Соответствует он «четвертому кушанскому периоду» Тали-Барзу.

В архитектурном отношении в этот период либо использовались остатки старых зданий, на которых возводились новые стены — глинобитные или из сырцового кирпича, либо строили на фундаменте из камня. В последнем случае кладка получалась очень правильная, с крупными камнями в центре, окруженными более мелкими. Внутренняя штукатурка — светлозеленого цвета.

В керамике второго слоя наблюдаются некоторые изменения: серочерная посуда исчезает, красная с нацарапанным узором продолжает встречаться, и рядом с ней появляется другая красная керамика с крашеным украшением черно-фиолетового оттенка. Эти рисунки краской очень простые — круговые линии, либо треугольники — встречаются исключительно на высоких стаканообразных вазах, с низкой ножкой в форме диска.

Среди других предметов этого периода нужно упомянуть грибообразный инструмент горшечников из обожженной глины, с выцарапанной иногда подписью на карошти.

Ювелирные изделия представлены золотыми серьгами шарообразной формы, с бирюзой, идентичными серьгам греко-буддийских статуй Бодисатвы, золотым массивным браслетом, сплошь украшенным плоскими четырехугольными рубинами, вероятно из бадахшанских копей. Браслет носит характер ювелирных изделий евро-азиатских народов начала нашей эры, отличительные черты которых можно наблюдать в старейших ювелирных изделиях сасанидской эпохи.

Беграм III. Глубина третьего и последнего слоя не превышает

---

[1] А. Ю. Якубовский. Зеравшанская экспедиция 1939 г. ТОВ, II, Л., 1940, стр. 65. Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу, там же, стр. 87—104.

1.80 м от поверхности. Постройки (38 × 38 × 8 см) выведены из сырцового кирпича на фундаменте из камня небрежной кладки, с частым использованием булыжника, чего не встречалось в предыдущих слоях.

Дома расположены вокруг небольшой площади, либо большого двора, и состоят из двух, трех или нескольких комнат. Специфическая особенность этих жилищ заключается в последней, расположенной в глубине дома комнате, без выхода наружу. На стене вылеплено из глины нечто вроде камина, но без дымоходов; видны следы копоти, повидимому от светильников. На полу у этих «каминов» были найдены многочисленные лампочки из обожженной глины, очень простого типа, с приплюснутым бортиком для фитиля, а также статуэтки из терракоты, изображающие всадников либо слоников с чашечкой на спине. В одном доме на том же месте найден кусок греко-буддийского барельефа, тщательно отрезанный от большого панно, изображающий мужское божество; в другом доме найдена небольшая каменная статуя богини Ордохшо. Вдоль стен тянутся лавки из глины. Судя по всему, это были комнаты-часовенки (домового буддийского культа) с нишами, где хранились изображения богов и святых, перед которыми горели лампочки. Семья собиралась вокруг, и для этой цели были сделаны скамьи.

В этом слое констатируются новые изменения керамики. Если связь с прошлыми периодами еще поддерживается вещами из красной глины с нацарапанными линиями, то, напротив, украшения краской исчезают. Характерная особенность эпохи — это оттиски на вазах звезд, растительных орнаментов, зверей и даже целых композиций. Подобная керамика была найдена в Тали-Барзу V, и советские ученые определили ее сасанидское происхождение. Это объяснение вполне подтверждается находками в Бегграме таких сюжетов, как две крылатые лошади в геральдическом расположении. Эта керамика пользовалась очень большим успехом, и ее производство известно на протяжении нескольких веков. Обломки ее мною были найдены на руинах древних городов не только кабульской области, но даже значительно южнее, в районе Кандагара. Такого же рода посуда была недавно найдена известным английским ученым Aurel Stein'ом в долине высохшей реки Сарасвати в западной Индии[1].

Этот слой Беграма дал несколько десятков медных монет, принадлежащих к двум сериям. Более старая из них имитирует монеты последнего правителя предыдущего периода Васу Дева, с изображением стоящего царя на аверсе и с Шивой и быком на реверсе, но с той разницей, что эти монеты меньше по размерам, толще, грубее по работе и не имеют подписей. Вторая серия, более поздняя, имеет тот же аверс, но реверс изображает богиню Ордохшо, сидящую на троне и держащую в левой руке рог изобилия, а в правой — венец с лентами. Обе группы принадлежат третьей династии кушанов, так называемых К у ш а н о п у т р а. Вторая серия не исчезает бесследно с последними правителями этой линии: ее сюжет полностью воспроизводится на старейших выпусках монет индийской национальной династии Гупта (IV в. н. э.).

И т о г и

Новейшие исследования Беграма показали, что город, обнесенный еще видимой крепостной стеной, был основан греко-бактрийскими царями в эпоху экспансии этого государства в сторону Индии. Беграм находился на главной дороге, которая соединяла две столицы этой, мож-

[1] S i r A u r e l S t e i n. A Survey of ancient cites along the «lost» Sarasvati river, The Geographical Journal., т. XCIX, № 4, апрель 1942, стр. 177.

но сказать, империи, из которых одна была Балх — на западе и другая Сагала (теперешний Сиалкот) — на востоке. Этот политический, стратегический и торговый путь (не исчезнувший еще и сейчас, несмотря на крупнейшие изменения в связи с гибелью старых и появлением новых городов) после гиндукушских перевалов поворачивал на восток и шел по левому берегу Пянджшира до Дионисополя, теперешнего Джелалабада, и вдоль течения Кабула до Инда и Таксилы, откуда продолжался дальше на восток.

Беграм просуществовал без перерыва до второй половины IV в. н. э. Каковы были причины его исчезновения? Этот вопрос остается еще не разрешенным. Раскопки кварталов третьего города показывают, что жизнь этого периода длилась не намного больше полутора веков. С другой стороны, те части города, которых коснулись раскопки, не дали картины истребления или систематического разрушения, либо пожаров. Дома оставляют впечатление покинутых впопыхах жилищ, откуда не успели вынести даже священных изображений. Жители, очевидно, бежали перед нашествием врага. Но со стороны какого народа пришла угроза?

Эфталиты появляются в этой части Центральной Азии лишь три поколения спустя, во второй половине V в. н. э. Обычно считают, что кидариты, эти близкие родственники кушанов, прошли через эту область незадолго до эфталитов, которые, быть может, их вытеснили из Бактрии, если их передвижение на юг от Гиндукуша не явилось последствием несчастной для них войны с сасанидским царем Перозом. Но наши сведения по истории этого угла Средней Азии во вторую половину IV в. чрезвычайно скудны; при попытках разрешить затронутый вопрос мы должны исходить из того, что можно извлечь из данных римского писателя Аммиана Марцеллина. Этот историк-солдат говорит, что в 358 г. сасанидский царь Шапур II был занят в своих восточных владениях, оказавшихся под угрозой нового народа — хионитов. Что произошло там — неизвестно; но в 359 г. Шапур II появляется под стенами римской крепости Амида, и рядом с ним находится хионитский царь Грюмпатес со своими войсками и боевыми слонами.

Этот факт показывает, что между персидским царем и предводителем гуннов был заключен союз и что ценою его, может быть, была достигнута свобода действий, предоставленная Шапуром хионитам в Бактрии и, вероятно, к югу от Гиндукуша, где, как кажется, роль сасанидов сводилась скорее к культурному влиянию, чем к явно политическому господству. Возвращаясь к вопросу о конце Беграма, трудно еще сказать, был ли он вызван нашествием хионитов, либо другим народом, сдвинутым с севера нашествием гуннов [1].

Беграм не является единственным древним городом Средней Азии, историю которого археология вывела из области забвения. Благодаря английским раскопкам другой город, Таксила, с подобной же историей, выявил свое прошлое. Новейшие работы советских ученых в долине Зеравшана сделали достоянием науки прошлое городища Тали-Барзу. Каждый из указанных городов все же представляет свою собственную, если так можно сказать, индивидуальную картину. Тали-Барзу с его шестью слоями в течение около полутора тысяч лет (с первой половины I тысячелетия до н. э. и до VII—VIII вв. н. э.) нарастал в высоту, не

[1] Затруднения, перед которыми мы оказались, сглаживаются в большей степени, если мы примем новую теорию Martin, согласно которой кидариты прошли к югу от Гиндукуша во второй половине IV в. и эфталиты около 400 г. Кидариты идентифицируются им с народом кузени, упомянутым Аммианом Марцеллином рядом с хионитами. См. F. C. Martin. Coins of Kidara and the Little Kushans, Journ. Royal Asiat. Soc. Bengal, т. III, 1937, Numismatic number, стр. 23—50.

перемещаясь. Он не был покинут, кроме двух столетий, в III и IV вв. н. э.— именно в период, соответствующий третьему слою Беграма. Иная судьба Таксилы. Этот город менял неоднократно свое место: так, холм I-й Бхир — содержит культурные слои вплоть до времени Александра Македонского и династии Мория; холм 2-й Сиркап, основанный греко-бактрийцами приблизительно в ту же эпоху, что и Беграм, был покинут уже во время второй кушанской династии, которая построила новый город; 3-й — Сирсух, от которого, к сожалению, почти ничего не осталось. Судьба Беграма более близка Таксиле, чем Тали-Барзу. Но город, раскопки которого производились Французской Делегацией, не существовал еще во время завоевания этой области Киром Великим, он не является той столицей Каписи, которую посетил китайский монах Хюан-Циан около 630 г. н. э. И более старый и более молодой города находятся в окрестностях, изобилующих холмами. В сторону именно этих окрестностей, будем надеяться, будут направлены розыски Делегации.

Р. Гиршман

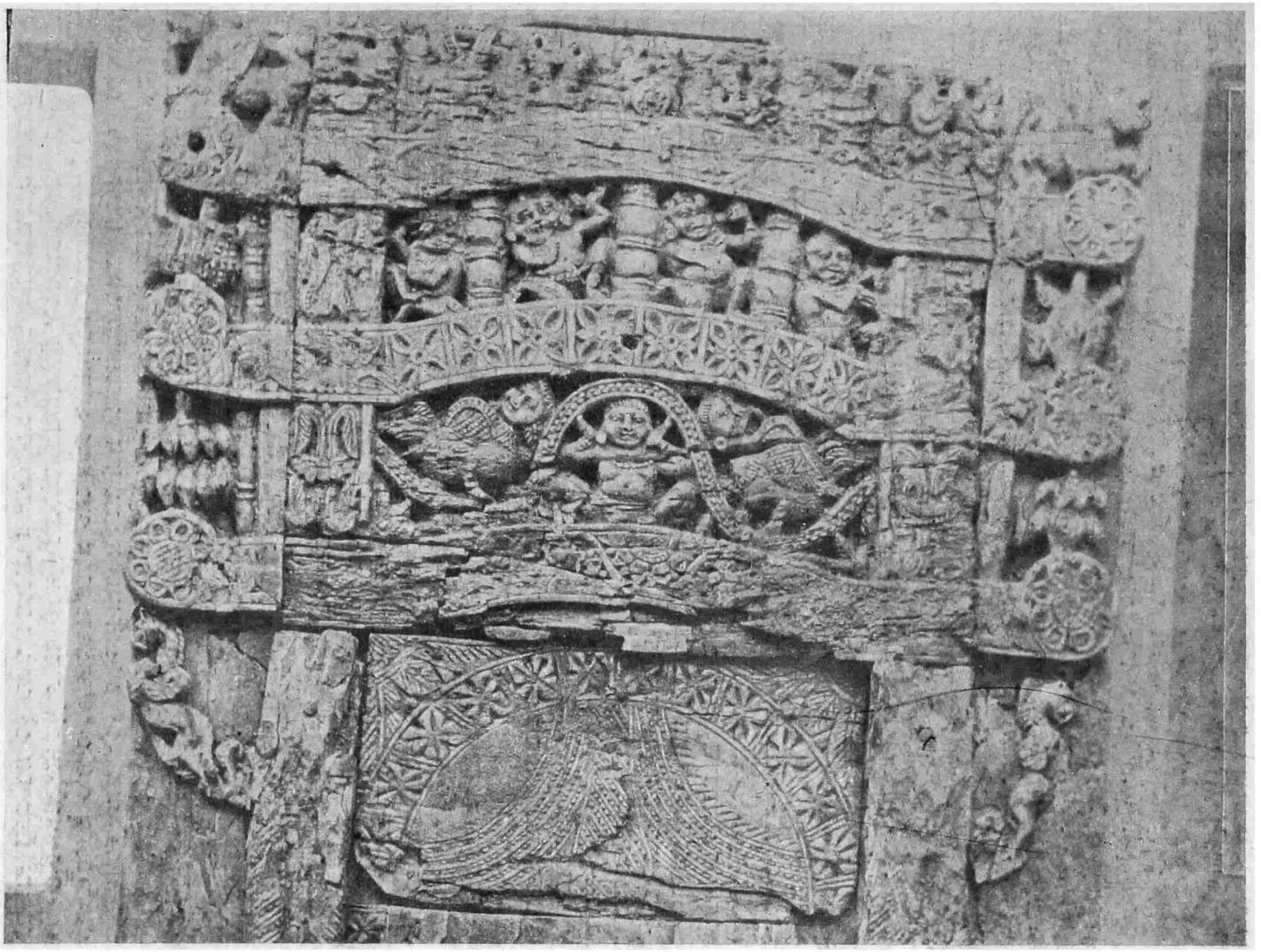


Рис. 3. Беграм I. Часть резного ларца (?) из слоновой кости. Раскопки J. Hackin

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
вып. XIII ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1946 год

БУРТАСЫ

Торговые сношения, возникшие в конце I тысячелетия н. э. между мусульманским Востоком и восточной Европой, вовлекли в поле зрения истории ряд племен и народов Поволжья. В известиях арабских писателей и путешественников не раз упоминается имя буртасов; иногда приводятся сведения об их хозяйстве, социальном строе и пр. Наиболее подробное описание буртасов дает Ибн-Русте, писатель начала X в.: «Земля буртасов лежит между хазарской и булгарскою землями, на расстоянии пятнадцатидневного пути от первой. Буртасы подчиняются царю хазар и выставляют в поле 10 тысяч всадников. Нет у них верховного главы, который бы управлял ими и власть которого признавалась бы законной; есть у них в каждом селении только по одному или по два старшины, к которым обращаются они за судом в своих распрях. Настоящим образом подчиняются они царю хазар. Земля их просторна и изобилует лесистыми местами. На булгар и печенегов, будучи сильны и храбры, производят они набеги. Вера их похожа на веру гузов.

Собою они стройны, красивы и дородны. Если один из них обидит другого или оскорбит, или поранит ударом или уколом, соглашения и примирения между ними не бывает, прежде чем понесший вред не отомстит обидчику. Девица у них, когда войдет в лета, перестает повиноваться отцу и сама по желанию своему выбирает себе кого-либо из мужчин (для сожития с ним), пока не явится к ее отцу жених, который сватается за нее и, если нравится отцу, получает от него дочь в замужество. Буртасы имеют верблюдов, рогатый скот и много меду; главное же богатство их состоит в куньих мехах. Одни из буртасов сжигают покойников, другие хоронят. Земля ими обитаемая ровна, а из деревьев чаще всего встречается в ней хелендж. Занимаются они и землепашеством, но главное их богатство составляют мед, меха куньи и мех вообще. Страна их как в ширину, так и в длину простирается на 17 дней пути» [1].

Довольно подробные сведения содержатся также и в компиляции Аль-Бекри, который, по мнению его переводчика и комментатора В. Розена, пользовался теми же источниками, что и Ибн-Русте [2]. Но поскольку текст Аль-Бекри, хотя и более краткий, несколько отличается от вышеприведенного, помещаем его полностью: «Что же касается

[1] Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 19—21.

[2] А. Куник и В. Розен. Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1878, стр. 17.

земли Фрдас-ов [1], то она лежит между хазарами и блкр. Между ней и землей хазар — 15 дней пути. Они [буртасы] воюют с блкарами и печенегами и вера их сходна с верою гузов. Они имеют обширную страну и много торговых мест; земля их имеет в длину $1^1/_2$ месяца пути и в ширину столько же. Число их доходит приблизительно до 10.000 всадников. Большая часть их деревьев — хелендж и главное их богатство — мед и куний мех. И имеют они большие стада рогатого скота и овец и обширные пашни. Одно из их племен сжигает своих убитых, а другое хоронит их. И когда у них девушка достигнет совершеннолетия, то у отца ее нет больше власти над ней: она избирает себе мужем кого захочет» [2].

Остальные известия восточных писателей о буртасах обычно более кратки и лишь изредка дают какие-нибудь новые сведения. Так, Масуди, писавший в первой половине X в., говорит о реке Буртас, по которой плавают суда хазар и булгар, а также о походе на Каспийское побережье русов, остатки которых после неудачного для них сражения с хазарскими мусульманами были окончательно истреблены в земле буртасов [3]. Истахри (середина X в.) упоминает о земле буртасов, описывая течение Волги, которая «проходит по булгару, затем по буртасу, пока не впадает в хазарское море» [4]. Сведения, сообщаемые Ибн-Хаукалем, кратки, но весьма существенны: «Язык булгар сходен с языком хазар, буртасы же имеют, другой язык, также язык русов различен от языка хазар и буртасов» [5].

Нельзя не обратить внимания, что Ибн-Фадлан, который, в противоположность большинству восточных авторов, был сам в Булгарах, ничего не говорит о буртасах. Как могло произойти, что Ибн-Фадлан, так подробно описавший даже племена, встреченные им по дороге в Булгар, игнорировал такое крупное этническое образование, как буртасы — южные соседи булгар? Возможно, что причиной этого был не совсем обычный для восточных путешественников путь, которым Ибн-Фадлан ехал в Булгары — не по Волге, а через закаспийские и заволжские степи, путь, которым он, предположительно, и возвращался [6] В этом случае он не проезжал землю буртасов, и они могли выпасть из его поля зрения. Могла иметь место и другая причина — фрагментарность дошедшего до нас текста, иначе говоря — утрата той части рукописи, где могли быть сведения о буртасах. Недавно изданная мешхедская рукопись обрывается на рассказе о русах и хазарах, и нет ничего невероятного, что следом за ним могли быть известия о буртасах.

Вопрос об этногонии буртасов занимал многих авторов работ по истории народов Поволжья, и заключения их сильно расходятся между собой. Одни были склонны видеть в буртасах одно из булгарских племен, другие утверждали, что буртасы были предками чувашей, третьи были склонны роднить их с мещерой, четвертые — с мордвой и т. д. Безуспешность этих попыток кроется в односторонности использованных источников. Обычно авторы гипотез о народности буртасов не шли далее толкования одних и тех же немногочисленных исторических сведений, лишь иногда пользуясь данными топонимики. Поэтому даже

---

[1] По объяснению В. Розена, это написание представляет «графическое недоразумение: ф и б едва можно различить друг от друга в магрибинском почерке».

[2] А. Куник и В. Розен, ук. соч., стр. 61—62.

[3] А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, СПб., 1870, стр. 132—133.

[4] Там же, стр. 193.

[5] А. Я. Гаркави, ук. соч., стр. 219.

[6] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарии под ред. акад. И. Ю. Крачковского, М.-Л., 1939, стр. 30.

в тех случаях, когда заключения были в основном близки к истине, они не могли быть вынесены за пределы гипотезы и не могли быть прочно обоснованы и утверждены. Особенно винить авторов, пытавшихся в прошлом столетии разрешить буртасский вопрос, не приходится: в их распоряжении мало было тех материалов, которые могут сыграть в данном случае решающую роль — материалов археологических. Археологические исследования последних десятилетий в Поволжье открывают источник новый и в достаточной мере достоверный для проверки, подтверждения или опровержения данных восточных писателей о буртасах.

Одним из спорных пунктов в нашей старой литературе был вопрос о месте нахождения земли буртасов: на правом или левом берегу Волги жили буртасы? И. Н. Смирнов, автор большой монографии «Мордва» [1], опровергая возможность отождествления буртасов с мордвой, старается доказать, что буртасы жили на левом берегу Волги. Аргументация его заключается в довольно произвольном толковании арабских известий или основана на догадках. Ссылаясь на Ибн-Русте, он пишет: «Земля буртасов примыкала с севера... к земле булгар,— говорит он (т. е. Ибн-Русте.— *В. Г.*), а булгары, как известно, занимали левобережье Волги... На левом же берегу Волги помещает Ибн-Даст и хазар, с которыми буртасы соприкасались на юге» [2]. Так толкуется единственная фраза Ибн-Русте о месте обитания буртасов: «Земли буртасов лежат между хазарской и булгарской землями, на расстоянии пятнадцатидневного пути от первой». Что касается хазарской земли, лежащей якобы на левом берегу Волги, то об этом у того же автора нет ни слова. Ибн-Русте пишет: «От земли печенегов до земли хазар десять дней пути по степным и лесистым местам... Хазарская же земля — страна обширная, одною стороною прилегающая к Великим горам, тем самым, в отдаленнейших окраинах которых живут тулас и лугар и которые простираются до Тифлисской стороны» [3]. Где же в этих словах можно усмотреть указание на нахождение хазарской земли на левом берегу Волги? Если к этому прибавить, что булгары, т. е. Волжская Булгария, занимали не только левый, но и правый берег Волги, то становится ясным, насколько шатки доказательства И. Н. Смирнова. Другим основанием для помещения буртасской земли на левом берегу Волги у Смирнова является ссылка на известия Масуди о походе русов в прикаспийские страны в 913—914 гг. Утверждая, что битва русов с хазарскими мусульманами произошла на правом берегу, Смирнов заставляет остатки потерпевших поражение русов переправиться на другой (следовательно, левый) берег Волги, где они были уничтожены буртасами, и делает из этого вывод, что буртасы жили на левом берегу [4]. Однако в тексте Масуди таких указаний не имеется. Когда русы возвращались с награбленной добычей из похода, они вошли из Каспийского моря в Хазарскую реку (Волгу), и хазарские мусульмане, желая отомстить за своих прикаспийских единоверцев, напали на русов. У Масуди сказано: «Мусульмане же собрались и вышли искать их при входе в Итиль по воде. Когда же они увидели друг друга, русы вышли из своих судов. Мусульман было около 15 тысяч с конями и вооружением, с ними были также многие из христиан, живших в Итиле. Три дня продолжалось между ними сражение. Бог помог мусульманам против русов, и меч истребил их — кто был убит, а кто утоплен. Около же 5 тысяч из них спаслись и отправились

[1] И. Н. Смирнов. Мордва. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те, т. X, XI и XII, 1892—1894.
[2] И. Н. Смирнов, ук. соч., т. X, стр. 302.
[3] Д. А. Хвольсон, ук. соч., стр. 16.
[4] И. Н. Смирнов, ук. соч., стр. 302—303.

на судах в страну, примыкающую к стране буртас, где они оставили свои суда и стали на суше; но из них — кто был убит жителями Буртаса, а кто попался к мусульманам в стране булгар и те убили их» [1].

Ни о месте сражения, ни о переправе на другой берег, как видно из приведенного текста, у Масуди нет и речи. Объяснение такому произвольному толкованию его можно видеть в пользовании И. Н. Смирновым неправильным пересказом Масуди ориенталиста Григорьева в его «России и Азии». С данными топонимики, противоречащими его концепции, И. Н. Смирнов поступает очень просто, подыскивая какое-либо объяснение, хотя бы и необоснованное. Так, наличие на волжском правобережье ряда урочищ, сел и рек, имеющих в основе корень «буртас», он объясняет тем, что буртасы были увлечены в более позднее время с левого на правый берег половцами при их передвижении на запад.

Мы остановились на рассмотрении доказательств И. Н. Смирнова, помещающего буртасов на левом берегу Волги лишь потому, что автор, считающийся компетентным историком Поволжья, может ввести и даже вводил в заблуждение пользующихся его трудами. Не приводя ряда доказательств противного, которые можно извлечь из письменных источников, как например, сведения Ибн-Фадлана о племенах, обитавших в степях Заволжья, не имеющих ничего общего с буртасами и др., для решения вопроса о месте нахождения буртасской земли обратимся к данным археологии.

Известия восточных писателей рисуют буртасов как оседлое земледельческо-скотоводческое население, в хозяйстве которого большое значение имела пушная охота. Культура такого населения, как правило, запечатлевается на месте его обитания и бесследно исчезнуть не может. В настоящее время все левобережье Нижней и Средней Волги является достаточно археологически изученным, и сменяемость культур, и их характерные особенности хорошо известны. С полной уверенностью можно утверждать, что в степной части Заволжья оседлость, существовавшая в эпоху бронзы, исчезает в начале I тысячелетия до н. э. После на много веков вплоть до русской колонизации (если не считать золотоордынских поселений в южной части) указанная территория переходит во владение кочевых племен, сначала скифо-сарматских, позже тюркских. Никаких признаков оседлости здесь нет, и единственными археологическими памятниками этого периода является громадное количество ранне- и позднекочевнических курганов. Один этот факт отсутствия следов оседлого населения в степях Заволжья в IX—X вв. между землями хазар и булгар достаточно красноречиво свидетельствует о том, что не здесь следует искать буртасскую землю.

Совершенно иначе обстоит дело на волжском правобережье, где имеется большое число памятников оседлого населения, среди которых можно выделить комплексы, относящиеся к IX—X вв., т. е. такие, которые могут быть связаны с населением, известным восточным жителям под именем буртасов. По правому берегу Волги, в частности на Самарской луке, по течению рек Суры, Цны и верховью Мокши, известно значительное число древних поселений типа открытых селищ, часто занимающих большую площадь. Доказательством их принадлежности к интересующему нас времени является наличие в составе их культурного слоя керамики булгарского типа, составляющей примесь к основной массе грубой, лепной керамики. Рядом с этими селищами обычно расположены одновременные им городища, которые отличаются мощными укреплениями: высокими валами и глубокими рвами, иногда

[1] А. Я. Гаркави, ук. соч., стр. 133.

двойными. Часто эти городища имеют весьма слабый культурный слой, что, учитывая характер их защитных сооружений, позволяет видеть в них временные убежища, обслуживавшие в минуты опасности обитателей незащищенных поселений. Кроме этих городищ есть городища с культурным слоем более насыщенным остатками, что указывает на постоянное обитание их. Подобные поселения изучены еще далеко не достаточно, но все же дают керамический и иной вещественный материал, устанавливающий их однокультурность с могильниками того же времени. Из числа могильников можно назвать: могильник у Пензы, в верховьях Суры, Краснослободский и Зубаревский в верховьях Мокши, Лядинский на Цне, далее по ее течению Крюковский, Елизавет-Михайловский и Томниковский. Нам уже приходилось отмечать, что часть данной территории при наличии поселений указанных типов отличается отсутствием могильников, и высказывать взгляд на возможность существования здесь формы надземных погребений [1]. Все перечисленные памятники, известные под общим именем «финских» или «восточнофинских», бесспорно оставлены коренным, автохтонным населением. Указанием на это служит их генетическая связь с более ранними памятниками той же территории, как поселениями, так и могильниками. Среди последних можно, например, указать: Арамеевский V—VII вв., находящийся на р. Узе, Иваньковский IV—VI вв. в низовьях Суры близ г. Ядрина, Сергачский III—VI вв. в низовьях р. Пьяны (левый приток Суры). Все они однокультурны с вышеназванными памятниками IX—X вв. Не менее ясно выступает связь между ними и более поздними — XI, XII, XIII и следующих веков. Таким образом, изучение археологических памятников восточного Волго-Окского междуречья дает полное представление об его древнем оседлом населении. Чтобы убедиться в тождестве его с буртасами арабских географов, необходимо сопоставить их известия с данными археологии.

Кроме разобранных выше сведений о местоположении буртасской земли, в письменных известиях содержатся и указания на размеры ее. Ибн-Русте упоминает, что «страна их как в ширину, так и в длину простирается на 17 дней пути»; у Аль-Бекри приводится другая цифра — $1^1/_2$ месяца пути. Если считать «день пути» равным в среднем 25 км, то площадь земли буртасов, по Ибн-Русте, простиралась на 425 км в длину и столько же в ширину. Судя по распространению археологических памятников по указанной территории, следует признать, что данные Ибн-Русте близки к действительности: по прямому направлению восток — запад от волжского берега до Цны расстояние составляет около 450 км; по направлению север — юг от Волги до водоразделов Сура — Хопер и Цна — Воронеж расстояние приблизительно то же. На площади же, указываемой Аль-Бекри, могли бы поместиться не только буртасская земля, но и вся Волжская Булгария, и Хазария, и обширные пространства степей, занятых различными кочевыми племенами.

Среди остальных известий восточных писателей о буртасской земле можно отметить еще упоминание Масуди о реке Буртас, по которой плавают суда хазар и булгар. Трудно сказать, о какой реке идет речь. Так мог называться и соответствующий отрезок Волги, которая фигурирует у разных восточных писателей не только под распространенным именем Итиль; иногда часть ее течения носит название по имени народа, жившего по ее берегам, как, например, Хазарская река или Славянская река. Во всяком случае, было бы неправильно подразумевать под этим названием сохранившую до настоящего времени название Буртас небольшую речку, приток Выши, впадающей в Цну. Речка Буртас на-

[1] КС ИИМК. 1940, вып. V, стр. 56—58.

столько невелика, что даже в древности не могла быть судоходной. Для нас она интересна лишь как доказательство обитания в бассейне Цны буртасов, поскольку, по замечанию Н. Я. Марра, на реки переносилось имя жившего на ней племени, а не наоборот.

В известиях восточных писателей отмечается лесистый характер буртасской земли. Это вполне совпадает с данными о древнем ландшафте Волго-Окского междуречья. До сравнительно позднего времени здесь сохранились обширные массивы лесов, и это в полной мере соответствует производственной деятельности буртасов.

Сведения о хозяйственной деятельности буртасов, содержащиеся в письменных источниках, нисколько не противоречат данным археологии. Если сопоставить известия одних и тех же авторов о земледелии у буртасов и у булгар, то получается, что у последних оно имело более высокий удельный вес, чем у первых. Однако, хотя у буртасов земледелие и не являлось ведущим производством, все же оно было и в дальнейшем получило широкое развитие. «Занимаются они и землепашеством, но главное их богатство составляют мед, меха...» и т. д. (Ибн-Русте); «имеют они большие стада рогатого скота, овец и обширные пашни» (Аль-Бекри). Находки на селищах и городищах серпов формы, близкой к современной, и круглых ручных жерновов, а также, в несколько более поздних памятниках, частей плуга — свидетельствуют о знакомстве населения с пашенным земледелием. Оно было распространено, повидимому, больше в долинах рек и вообще в открытых местах. В глухих лесных пространствах оно носило более экстенсивный характер и играло менее значительную роль в хозяйстве.

О скотоводстве буртасов восточные авторы сообщают: «Буртасы имеют верблюдов, рогатый скот» (Ибн-Русте); «имеют они большие стада рогатого скота и овец» (Аль-Бекри). Костный материал из древних поселений позволяет определить состав стада: крупный и мелкий рогатый скот, лошадь и свинья. Может показаться странным, что в арабских известиях в перечне домашних животных отсутствует лошадь, занимавшая в хозяйстве, по археологическим данным, одно из первых мест. Кроме находимых при раскопке поселений костей лошадей, употребленных в пищу, имеются данные о значении коня и как средства передвижения: это частые находки в могильниках принадлежностей конской сбруи и седловки, что не оставляет сомнения в широком использовании коня под верх. Но если лошадь отсутствует в перечне домашних животных, все же на развитое коневодство указывают слова Ибн-Русте на возможность буртасов выставить в поле 10 тысяч всадников, т. е. вооруженных конных воинов, а Аль-Бекри определяет даже численность буртасов, употребляя выражение «10 тысяч всадников», т. е. применяя обычный для конных народов способ исчисления. Некоторых историков Поволжья смущает упоминание о верблюдах, имевшихся якобы у буртасов. Это указание иногда даже служит аргументом для утверждения о кочевом образе жизни буртасов и для помещения их в степях Заволжья. Однако нельзя не обратить внимания на то, что верблюдов упоминает один лишь Ибн-Русте, в то время как пользовавшийся, повидимому, тем же источником Аль-Бекри при перечислении видов скота у буртасов о верблюдах ничего не говорит. Уже это одно заставляет отнестись с осторожностью к словам Ибн-Русте. Та часть буртасов, которая могла быть предметом непосредственного наблюдения восточных путешественников, обитала в южной лесостепной полосе, здесь они близко соприкасались со степными кочевниками — печенегами, позже с половцами. Следами близкого соседства буртасов с кочевыми племенами являются позднекочевнические курганы, имеющиеся в южной части буртасской земли. Между

теми и другими племенами безусловно существовали культурные связи, получившие свое отражение, например, в некоторых могильниках, где встречаются предметы вооружения, части конского убора, одежды и прочие предметы близкие, а иногда и тождественные с позднекочевническими. Здесь буртасы могли не только видеть верблюдов, но в единичных случаях их и получать. Во всяком случае, верблюд Ибн-Русте — это та единственная ласточка, которая не делает весны.

Особенно упорно восточные авторы говорят о лесных промыслах буртасов: «Главное богатство их составляют мед, меха куньи и меха вообще» (Ибн-Русте); «бóльшая часть их деревьев — хелендж, и главное их богатство — мед и куний мех» (Аль-Бекри). Значимость пушного промысла в экономике буртасов была несомненно велика. Недаром лучшие меха, повидимому, чернобурых лисиц, ценившиеся исключительно высоко на мусульманском Востоке, носили название «буртасских». Пушная охота по вполне понятным причинам не могла получить прямого отражения в памятниках. Указанием на существование в интересующее нас время широкого обмена с Востоком являются находки в могильниках значительного числа предметов импортного характера. Таковы серебряная и бронзовая посуда, иногда с арабскими надписями, поясные наборы с серебряными бляхами и разнообразные личные украшения восточного происхождения.

При этом надо иметь в виду, что могильники сохранили до нашего времени, по всей вероятности, лишь незначительную часть предметов иноземного происхождения. Во-первых, многие предметы, изготовленные из малоустойчивых материалов, например, ткани, не могли сохраниться в земле, и, во-вторых, у местного населения существовали культовые воззрения, заставлявшие избегать сопровождения умершего вещами чужеземного происхождения, и это делалось лишь в редких случаях. Об этом можно судить по следующему факту: в то время как на поселениях рядом с местной грубой лепной посудой находится большое количество остатков гончарной посуды булгарского происхождения, в могильниках погребения сопровождаются исключительно лепными сосудами своей выработки. Даже при наличии в быту большого числа привозных изделий в могилу клались предпочтительно предметы своего изготовления. На основании этого наблюдения следует допустить значительно более широкое бытование привозных вещей, получавшихся в обмен на пушнину, чем это может казаться при учете наличных находок в погребениях. Нельзя не обратить внимания на один факт, определяющий характер торговли буртасов. Как известно, результатом торговли с мусульманским Востоком было распространение по Европе в большом количестве арабских серебряных монет. Их находки отмечены по всем речным торговым путям — Волго-Камскому, Волго-Окскому, Днепровскому и др.; местами же, например, на территории Волжской Булгарии, Прибалтики, Верхней Волги и др., находки особенно многочисленны. Но восточное Волго-Окское междуречье, несмотря на близость к Волжскому торговому пути — главному проводнику серебряной арабской монеты, отличается почти полным ее отсутствием. На этой территории, в пределах буртасской земли, находки эти единичны, причем часть их является имитацией арабских монет. Из этого можно заключить, что буртасы стояли в стороне от той формы денежного обращения, которая существовала, например, между Востоком и славяно-русским миром, и что их торговля носила чисто меновой характер. Трудно отнестись с доверием к словам Аль-Бекри, писавшему, что в стране буртасов «много торговых мест». Наоборот, ничтожное количество восточных монет может служить указанием на отсутствие непосредственных сношений этих охотников за пушным

зверем с приезжавшими с Востока купцами. Большинство импортных предметов, находимых в могильниках и поселениях,— это изделия булгарских ремесленников, булгары же были и посредниками в передаче буртасам в обмен на их пушнину привозимых предметов восточного производства. При таком положении арабская серебряная монета оседала в Булгарии, а буртасы за свои меха получали от булгар натурой глиняную и металлическую посуду, ткани, серебряные украшения, поясные наборы и т. п.

Как можно видеть из изложенного, известия восточных писателей о хозяйственной жизни буртасов почти полностью подтверждаются археологическими данными о населении буртасской земли. Также не расходятся эти источники и в отношении социального строя буртасов. Сведения об отсутствии у них «верховного главы», о старшинах, творящих суд над своими родичами, об обычае мести за обиду, о свободе девиц — все это определяет буртасов как не вышедших еще за пределы первобытно-общинного строя. Могильники их представляют типичные родовые кладбища, где однако наблюдается уже далеко зашедший распад родовых отношений, выразившийся в отличии могильного инвентаря в погребениях более или менее имущественно обеспеченных родичей.

Подчиненность буртасов царю хазар, о чем упоминают восточные авторы, могла иметь характер даннических отношений, обычных для племен, соседивших с такими раннефеодальными государствами, каким была Хазария. В силу этих отношений буртасы могли быть принуждаемы выставлять по требованию хазар известное количество воинов, возможно конных. Количество этих всадников (по известиям восточных писателей — 10 тысяч), а также обширность буртасской земли заставляют думать, что под именем «буртас» нельзя понимать одно племя. Вернее предположить, что под этим именем существовало объединение нескольких родственных племен, быть может — союз племен. Это как будто подтверждается теми небольшими локальными различиями, которые наблюдаются в могильниках разных частей буртасской земли. Даже могильники, расположенные недалеко один от другого, например, по Цне — Лядинский (близ Тамбова) и Крюковский (близ Моршанска), будучи безусловно однокультурными, дают различия, например, в форме женского головного убора, отдельных украшений и пр., что можно рассматривать как признак племенных различий.

Установив тождество населения восточного Волго-Окского междуречья IX—X—XI вв. с буртасами восточных авторов, нетрудно найти правильное решение вопроса этногонии буртасов. Генетическая связь археологических памятников этого времени с более поздними приводит нас к эпохе, которая достаточно исторически освещена.

В XIII в. В. Рубрук об интересующей нас местности сделал следующую запись: «Эта страна за Танаидом очень красива и имеет реки и леса. К северу находятся огромные леса, в которых живут два рода людей, именно: Моксель, не имеющие никакого закона, чистые язычники. Города у них нет, а живут они в маленьких хижинах в лесах... В изобилии имеются у них свиньи, мед и воск, драгоценные меха и соколы. Сзади них живут другие, именуемые Мердас, которых Лангины называют Мердинис»[1]. Эти сведения вполне подтверждаются более поздними, определяющими территорию восточного Волго-Окского междуречья как мордовскую землю. Ее большая юго-восточная часть была занята одной ветвью мордовского народа — мокшей, северо-западная

[1] В. Рубрук. Путешествие в восточные страны, пер. А. Малеина, СПб., 1911, стр. 88.

часть — другой — эрзей. К XIII—XIV вв. относится значительное количество мордовских памятников, среди которых особенно показательными являются могильники. В них четко определяются черты, характерные для мокшанской и эрзянской разновидностей одной мордовской культуры. Районы распространения могильников того или иного типа достаточно ясно разграничены, причем территория, занятая мокшанскими памятниками, почти полностью совпадает с буртасской землей.

Русские летописи не знают имен ни мокши, ни эрзи, и называют их общим именем — мордва; восточные же писатели мокшу называли буртасами, а эрзю — артой. Повидимому, и мокша и эрзя составляли хотя и родственные, но различные племенные группировки; в частности, в образовании мокши приняли участие несколько более мелких племен, и одно из них, быть может, носило имя буртасов, которое было перенесено ее восточными соседями на всю группу племен. Здесь уместно вспомнить слова Ибн-Хаукаля: «Язык булгар сходен с языком хазар, буртасы же имеют другой язык, также язык русов различен от языка хазар и буртасов». Вполне понятно, что язык буртасов, будучи одним из мордовских наречий, должен был существенно отличаться от хазарского и булгарского, а также от языка русов.

Так решается вопрос о буртасах — вопрос, бесплодно дебатировавшийся в течение ряда десятилетий. Следует отметить, что один из первых русских комментаторов известий восточных писателей, П. С. Савельев, почти сто лет тому назад выдвинул гипотезу о тождестве буртасов с мордвой-мокшей [1]. Однако последующие авторы не приняли выводов П. С. Савельева и внесли в буртасский вопрос много путаницы. Лишь в свете археологических открытий, сделанных в советское время в Поволжье, стало возможным, оставив путь бесплодных блужданий вокруг известий восточных писателей и проверив их на конкретном археологическом материале, разрешить буртасский вопрос.

В. В. Гольмстен

---

[1] П. С. Савельев. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1846, стр. XIV — XVII.

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
вып. XIII ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1946 год

РЕКОНСТРУКЦИЯ БУЛГАРСКОЙ БАНИ XIV в.

(Из материалов Куйбышевской экспедиции 1940 г.)

В 1938 г.[1] при исследовании развалин столицы государства волжских булгар «Великие Болгары» на городской площади с постройками середины XIV в. была открыта часть бани, названной по окраске Красной палатой. Эта баня по плану напоминает другую булгарскую баню того же времени, известную путешественникам XVIII—XIX вв. под именем Белой палаты. Оба эти здания состояли из центрального крестообразного зала с небольшими угловыми комнатами, прилегающими помещениями для отдыха и служебными пристройками.

В 1940 г. исследование Красной палаты завершилось открытием двух угловых комнат, восточной части центрального крестообразного зала, служебных помещений и более поздней северной пристройки, сильно разрушенной кладоискательскими раскопками в XIX в.

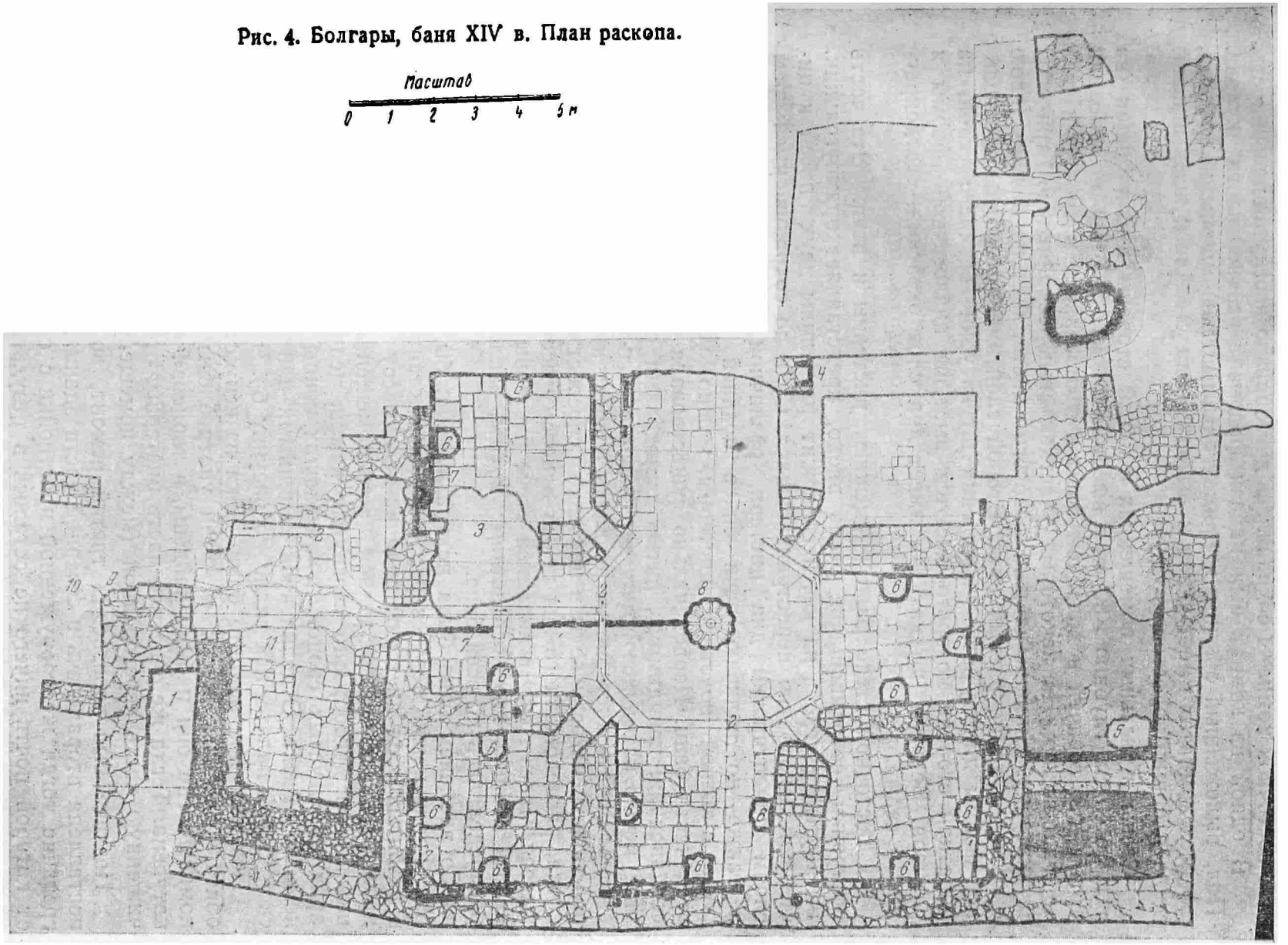
Исследованная баня (рис. 4) имеет прямоугольную форму, ориентирована с запада на восток и открывалась с запада аркой, повидимому стрельчатой формы, от которой сохранилось основание в виде небольших кирпичных площадок прямоугольной формы. Этот вход вел в небольшую комнату для отдыха с широкими лежанками вдоль трех стен и с водостоком, шедшим из мыльного помещения вдоль северной стены. Из этой комнаты узкий проход в восточной стене вел в центральный крестообразной формы зал с фонтаном двенадцатилепестковой формы в центре и с четырьмя угловыми комнатами. Вдоль стены этого зала стояли небольшие водоемы различной формы, в которых с трудом мог уместиться взрослый человек. Часть водоемов разбита, часть уничтожена при кладоискательских раскопках. Пол комнаты вымощен плитами прямоугольной формы разного размера и имеет наклон к центру, к восьмигранной площадке с фонтаном, обрамленной водостоком, по которому грязная вода отводилась через предбанник наружу.

В этой комнате были исследованы упавшие своды, сохранившиеся в виде крупных фрагментов, описанных ниже.

Неширокие входы, обрамленные полуциркульными арками, вели в четыре небольшие угловые комнаты. Эти входы расположены по углам, несколько в стороне от основной оси, что объясняется желанием архитектора не ослаблять основных конструкций, несущих купол. В комнатах вдоль стен помещались небольшие водоемы той же формы, что и в центральном зале. Из числа существовавших 22 водоемов сохранилось 14.

[1] См. КС ИИМК, VI, 1940, стр. 82.

Рис. 4. Болгары, баня XIV в. План раскопа.



Форма комнат приближается к квадрату. На высоте 1.90 м сохранились карнизы в виде выступающего ряда кирпича, а выше в углу юго-восточной комнаты сохранилась дугообразно изогнутая поверхность. В одной из комнат был найден фрагмент верхней части купола. Пол, выложенный обычными прямоугольными разномерными плитами, во всех комнатах имеет уклон к выходу; вода стекала к нему и попадала в общий водосток.

Стены в мыльных помещениях с одной стороны имели ниши (на высоте 40 см, глубиною 30 см и высотой 50 см), в которые выходили трубы для горячей и холодной воды и дымогарные, по которым шел горячий воздух. На некоторых участках стен сохранились три слоя штукатурки. Нижний из них, розового цвета, был по белому слою окрашен в темнокрасный цвет. Второй слой имеет выбоины треугольной формы для лучшего укрепления штукатурки верхнего слоя, на обратной стороне которого имеются выступы аналогичной формы и размера. Верхняя штукатурка имеет два слоя окраски — светлокрасный и серый.

К восточной стене бани примыкают цистерны и печи. Эта часть постройки, сохранившаяся очень плохо, представляет прямоугольник, вытянутый с севера на юг, и содержит развалины двух печей и цистерн, неоднократно перестраивавшихся. Судя по сохранившимся трем слоям цементировки дна цистерн, различной сохранности кирпича, а также по наличию печи более поздней постановки и перегородки в южной половине цистерны, можно установить три ремонта этой части бани. Первоначально существовала одна центральная печь, соединенная, повидимому, пятью дымоходами с подпольем бани. Над этой печью находился котел для нагрева воды, помещавшейся в цистерне. Вода в цистерне нагревалась посредством системы дымоходов под полом; нагреву воды в цистерне способствовали и стенки самого котла, расположенного над печью и потому особенно сильно нагревавшегося. Через трубу в западной стене цистерны подогретая вода подавалась в баню, где посредством муфты, заключенной в стене ниши, распределялась по всей бане.

Со временем баня была полуразрушена; был разрушен и водопровод, проводивший воду сверху вниз, вследствие чего просачивавшаяся в разбитый свод цистерны вода намыла массу песка, отложившегося правильными слоями в южной части помещения. В результате разрушения два дугообразно изогнутых камня, служившие обрамлением арки стрельчатых сводов, покрывавших концы креста, оказались в комнате отдыха. Отделка арок каменными плитами известна в булгарской Белой палате, как видно по рисунку бр. Чернецовых.

Позднее при ремонте бани арка из искусственного камня была обита, отдельные куски ее были употреблены при ремонте первой комнаты, где они и были найдены, а торцовая часть арок была оштукатурена. Тогда же очистили часть цистерны, отгородив южную, нерасчищенную часть перегородкой (между помещениями F и G).

Позднее был произведен третий ремонт, во время которого была поставлена вторая печь в северной части здания, рассчитанная на обогревание тогда же сооруженной пристройки с северной стороны бани, от которой почти ничего не осталось в результате кладоискательских раскопок прошлого столетия.

Эти три ремонта были установлены по трем слоям пола цистерн, налегающим один на другой, по разновременности печей и по трем слоям штукатурки в мыльном помещении бани.

В конце XIV — начале XV вв. баня была разрушена окончательно;

тогда же рухнул центральный купол, куски которого найдены в виде отдельных фрагментов дугообразной формы к северу от здания. Обмер этих частей указывает на два диаметра свода, равные длине и ширине центральной площади. Это свидетельствует об овальном основании купола. Там же был найден кусок верхней части паруса с орнаментальной фресковой росписью. На этом же участке был обнаружен ряд маловыразительных кусков фрески. Эти находки дают основание полагать, что купол и паруса в отличие от гладких стен были расписаны.

Вещи из раскопок здания и стратиграфические данные подтвердили датировку бани временем от середины XIV в. до конца XIV — начала XV в. Среди отдельных вещей можно отметить часть кубка с растительным орнаментом, характерным для XIV—XV вв., аналогии чему можно указать в материале Кавказа. Этой дате не противоречат и некоторые архитектурные детали, как, например, пояс арок треугольной формы, украшающих водоем у северной стенки восточного конца крестообразного зала, напоминающих сталактиты, обычные в орнаментике парусов зданий этого времени. На то же время указывает и стилизованный растительный орнамент парусов, напоминающий узоры металлических поделок XIV в.

Интересна находка 20 черепов рядом с печью в полуразрушенном дымоходе. Условия находки позволяют отнести черепа ко времени разрушения бани, т. е. к концу XIV — началу XV в.

Исследования 1940 г. полностью подтвердили предварительные выводы, сделанные на материале раскопок 1939 г. [1]

Баня выстроена по плану, обычному на мусульманском Востоке, и состоит из ряда замкнутых помещений, отделенных толстыми стенами от центрального крестообразного помещения, в середине которого строитель поместил фонтан из белого камня — наиболее нарядную часть всей бани. Аналогичные постройки можно встретить в Турции, Иране, Закавказье и Крыму (Биюк-хамам в Карасу-базаре), с той же системой отопления, водоснабжения и нагрева воды.

Хорошая сохранность здания и найденные части покрытия дают возможность реконструировать первоначальный вид бани (рис. 5).

Схема плана главного помещения — мыльни — строилась следующим образом: из центра, где поставлен был бассейн фонтана, радиусом, равным 5.6 м, описан круг. Касательные к нему образуют северную, восточную и южную стены (12—11—12.44 м). Четвертая стена отодвинута от круга к западу на 0.8 м, вследствие чего здание несколько вытянулось по главной оси. Удлиненность подчеркнута внутренними перегородками, отсекающими в углах большого квадрата четыре малых и образующими род узкого коридора вдоль главной оси с далекой перспективой. Ветви крестообразного зала неодинакового размера: левый и правый (от входа) шире средних. Стены легко реконструируются по сохранившимся частям. Толщина наружных стен — 0.8—1.0 м, внутренних — 0.8—1.0 м. Карниз простого профиля из тесаных известковых плит и кирпича (0.12—0.13 м) проходит на высоте 1.9 м от пола. О перекрытии комнаты отдыха (А) можно судить по обнаруженным на полу этого помещения пластам плоской потолочной штукатурки, лицевой стороной к полу, и остаткам горелого дерева (стропил), расположенным поперек комнаты с востока на запад. Крыша над ней была деревянной односкатной, с уклоном к западу. На месте стыка с поднимавшимся на западном фасаде порта-

[1] См. КС ИИМК, VI 1940, стр. 87.

лом она имела, вероятно, водосливы. Высота крыши и потолка определяется высотой соседних помещений мыльни.

О коробовых сводах цистерны свидетельствуют остатки кирпичной кладки, сохранившейся на южной, восточной и западной стенах помещений. Пяты свода находились на высоте 1.7 м, вершина его — на высоте около 3 м над полом. Подъем свода — 1.3 м. Ширина его основания определяется размерами южной стены — 3.1 м. Форма свода, следовательно, была почти полуцилиндрической, несколько пониженной, с радиусами 1.55—1.30 м. Боковые стены в своих верхних частях имели легкую дугообразную кривизну.

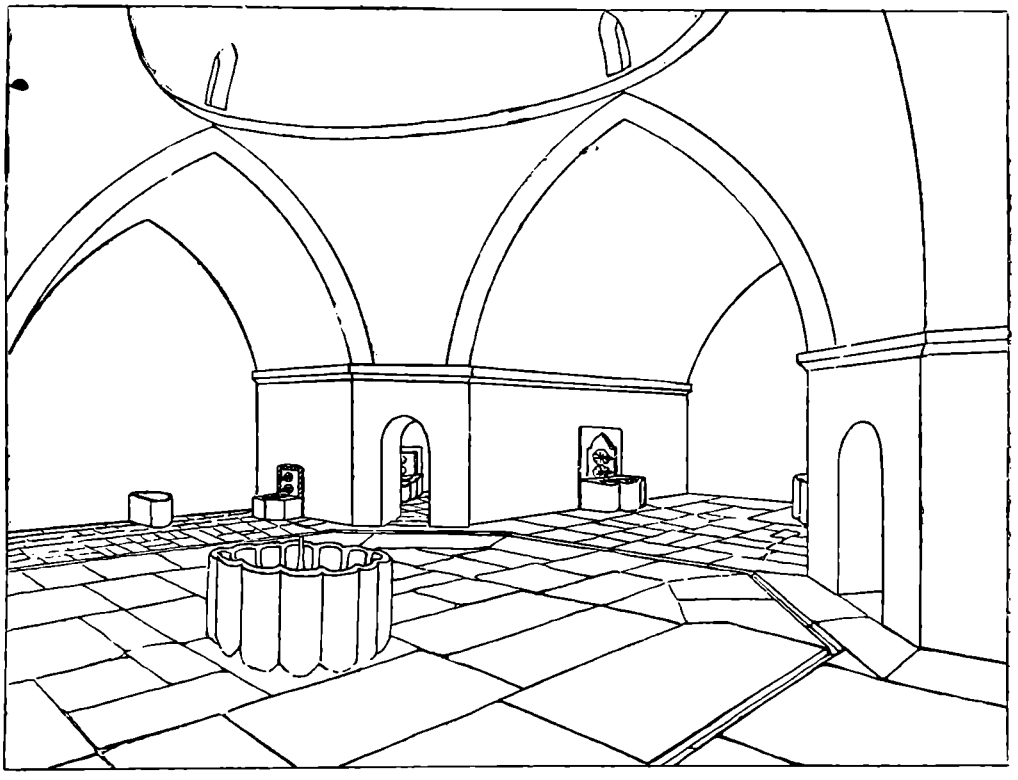


Рис. 5. Болгары, баня XIV в. Реконструкция.

Для реконструкции сводов ветвей крестообразного зала имеются следующие данные: 1) фрагмент архивольта арки одного из этих сводов; радиус его дуги = 2.97 м; 2) фрагменты сводов, найденные в северном и восточном концах зала, имеющие такой же профиль и радиальную кладку в два кирпича; 3) ширина основания сводов, которая определяется по плану: для западного конца — 3.0 м, для восточного — 3.2 м, для южного — 3.6 м. Эти данные исключают возможность наличия полуциркульных сводов. Исключается также килевидная форма. Остается предположить стрельчатость сводов.

Отношения между основанием и высотой сводов соответствуют простым пропорциям «египетского треугольника»: для восточного свода 4 : 3, для южного 3 : 2, для западного 5 4.

Покрытия угловых комнат представляли обычный в восточной архитектуре прием постановки купола на квадрат при помощи тромпов; ближайшие по территории и времени примеры мы имеем в булгарских Черной и Белой палатах, ханской усыпальнице, тюрбе бывшей церкви Николая и бывшем монастырском погребе. В юго-восточной комна-

те (Е) сохранились остатки юго-западного тромпа в виде дугообразной кирпичной кладки, поднимающейся над карнизом на высоту 0.5 м и имеющей радиус 2.24 м. Наибольшая ширина тромпа определяется вертикальной впадиной для облицовочных плит арки тромпа, находящейся на расстоянии 1.05 м от угла. Стрельчатая арка тромпа давала переход от четырехугольника к 12-угольнику, близкому к овальному основанию купола этого помещения. Десять сторон этого 12-гранника имеют длину около 0.8 м. Высота пояса тромпов определена, исходя из соотношений во многих аналогичных памятниках, где высота тромпов выражается числами 3—2 при длине половины основного четырехугольника, принятой за 4. Для более ранних памятников это отношение равно 3 : 4; для более поздних, примыкающих по времени к постройке Красной палаты, оно близко к 2 : 4. В данном примере высота тромпов помещений равнялась, таким образом, приблизительно 0.8 м. При данной высоте арки тромпов могли быть полуциркульными или килевидными. На прилагаемом чертеже показана килевидная арка, хотя не исключена возможность полуциркульной. Купол помещения реконструируется, исходя из выясненного плана его основания, представляющего овал с диаметром 3.40—2.92 м, и на основе фрагмента от верхней части купола, обнаруженного в помещении Е. Фрагмент позволяет реконструировать три самых верхних ряда кладки. Нижний из них состоял из 9 кирпичей, образующих правильный девятиугольник, средний образует восьмиугольник и верхний — шестиугольник, оставляющий в замке шестиугольное отверстие шириной в 34 см, соответствующее размерам оконного стекла, здесь найденного. Радиус этого фрагмента по вертикали равен 56 м, что доказывает наличие овального, повышенного профиля купола помещений. Овоидальная форма куполов издавна применялась в восточном зодчестве. Подъем свода помещения Е определен в 2.4 м, отношение его к основанию 3 : 4. Общая высота от пола, включая высоту стен, карниза и тромпов, равная 5.2 м, незначительна по сравнению с высотой соседних стрельчатых сводов зала, поднимаясь над ними лишь на 0.8 м. Очевидно, что купола были возведены не непосредственно на поясе тромпов, а на втором многограннике (как, например, в Черной палате), имевшем высоту, равную ширине пояса тромпов. В этом случае высота помещения приближалась к 6 м.

Центральный купол здания был поставлен на кирпичные столбы, образованные срезанными углами помещений. Срезанность углов делала излишними применение тромпов; здесь свод держался на сферических парусах. План дает как бы горизонтальную проекцию парусов. Высота их должна была равняться высоте стрельчатых сводов, так как основание купола везде лежало в одной горизонтальной плоскости. Основание его в виде овала с диаметром 4.8 и 5.4 м. Профиль свода реконструируется по аналогии с куполами помещений и с теми же пропорциями. Высота подъема свода — 4.05 м, а общая его высота от пола — 8.45 м. Оконные проемы в куполе расположены нами по аналогии с Белой палатой и по данным фрагмента из юго-восточной комнаты. Так как стенных окон в мыльне не обнаружено, то освещение бани было, очевидно, только верхнее; следовательно, над куполами крыши не было. Пять куполов Красной палаты образовывали гармоничную группу, в чем убеждает вертикальный разрез здания в пределах основного четырехугольника, сделанный по его диагоналям.

Западный портал реконструируется на основании сохранившихся баз пилонов (с пролетом в 4 м) и по установленному выше профилю стрельчатых сводов зала (ширина 3.2 м, высота 4.4 м). Разница в 80 см между шириной пролета пилонов и шириной свода может быть объяс-

нена наличием малых ниш в щековых стенках портала, обычных в архитектуре XI—XIII вв.

Рассматривая здание в целом, мы замечаем, с какой последовательностью строители этого булгарского здания применяли столь необходимый в архитектуре закон пропорций. Путем изучения этих пропорций удалось установить и те единицы измерения, которыми, очевидно, пользовались в г. Болгарах в XIV в. Длина кирпича (24×20 см) соответствует длине ступни (футу), толщина его (4.5—5 см) — вершку. Но основным модулем строителю служил третий эталон — локоть, длиной около 40 см. Действительно, эта величина укладывается в целое число раз во всех основных размерах частей здания. Так, $R = 14$ локтям, $R_1 = 16$, диаметр большого купола равен 12—13½ локтям, высота стен — 5 локтям, высота парусов, стрельчатых сводов и куполов кабин — 6 локтям и т. д. [1].

И. Ф. Калинин и А. П. Смирнов

---

[1] Все эти расчеты выполнены Н. Ф. Калининым.

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
вып. XIII ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1946 год

ИЗ ИСТОРИИ АРМЯНСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ЗОДЧЕСТВА

За последнее время все более и более становится несомненной теснейшая связь, часто непосредственная зависимость, армянской культовой архитектуры и архитектуры гражданской, светской. Значение этой проблемы уже было отмечено акад. Н. Я. Марром [1]. Эту связь можно проследить, начиная с ранне-средневекового зодчества (на примере базилик сирийского типа) [2] и кончая армянским зодчеством XVII в. При этом все в бо́льшей степени выступает значение крестьянского жилища в сложении форм монументальной архитектуры [3], особенно во вторую половину средневековья. Наиболее наглядно эта связь с гражданской архитектурой ощущается в XII—XIII вв.— в период, столь насыщенный художественным творчеством и поражающий богатством архитектурных форм.

О некоторых композициях, возникших и развитых в сфере гражданского зодчества XII—XIII вв., а затем перенесенных в сферу архитектуры культовой, шла речь в другой нашей статье из этой же серии [4]. Настоящая заметка имеет целью обратить внимание на другой и притом своеобразный пример, характеризующий это явление в тот же период.

Речь идет об одном неизданном памятнике — церкви Аствацацин в маленьком селении Дыгер, расположившемся высоко в горах, на южном склоне Арагаца [5].

Здание состоит из собственно церкви, построенной в 1211 г. (дату содержит остаток надписи на барабане), и жаматуна (притвора), пристроенного к церкви в 1232 г. согласно строительной надписи над западным входом (рис. 6). Церковь представляет собой типичный образец крестовокупольной композиции в том виде, в котором она в основном сложилась к XI в. и с тех пор почти без изменений вошла в архитектурный репертуар армянских зодчих XII—XIII вв. в качестве наиболее распространенной формы церковного строительства. Это слегка продолговатое здание с вписанным крестом. Широкие и короткие боковые ветви этого креста выделяют центральное подкупольное простран-

[1] Н. Я. Марр. Ани, Л., 1934, стр. 110.

[2] Важнейшим источником в сложении этой композиции являлись, по всей вероятности, дворцы сасанидского времени. См. F. Bussing. Der persische Palast und die Turmbasilika, «Festschrift für Strzygowski», Wien, 1923.

[3] См. статьи С. Д. Лисициана в Изв. КИАИ, т. III, 1925, стр. 98, 108 и т. IV, 1926, стр. 67—69.

[4] Ежегодник Института истории искусств АН СССР, 1, 1946.

[5] Издана лишь фотография в изд. «Исторические памятники Армянской ССР», вып. IV, Аштаракский район, Ереван, 1940, стр. 40—41, рис. 38. Публикуемый историко-архитектурный материал собран мной во время поездки в Армению летом 1936 г.

ство, господствующее в здании и увенчанное высоким куполом на барабане. Узкие угловые компартименты занимают четыре маленьких хорана. В наружной композиции эти угловые части соответственно понижены, выделяя ветви креста, выступающие на фасады в виде острых

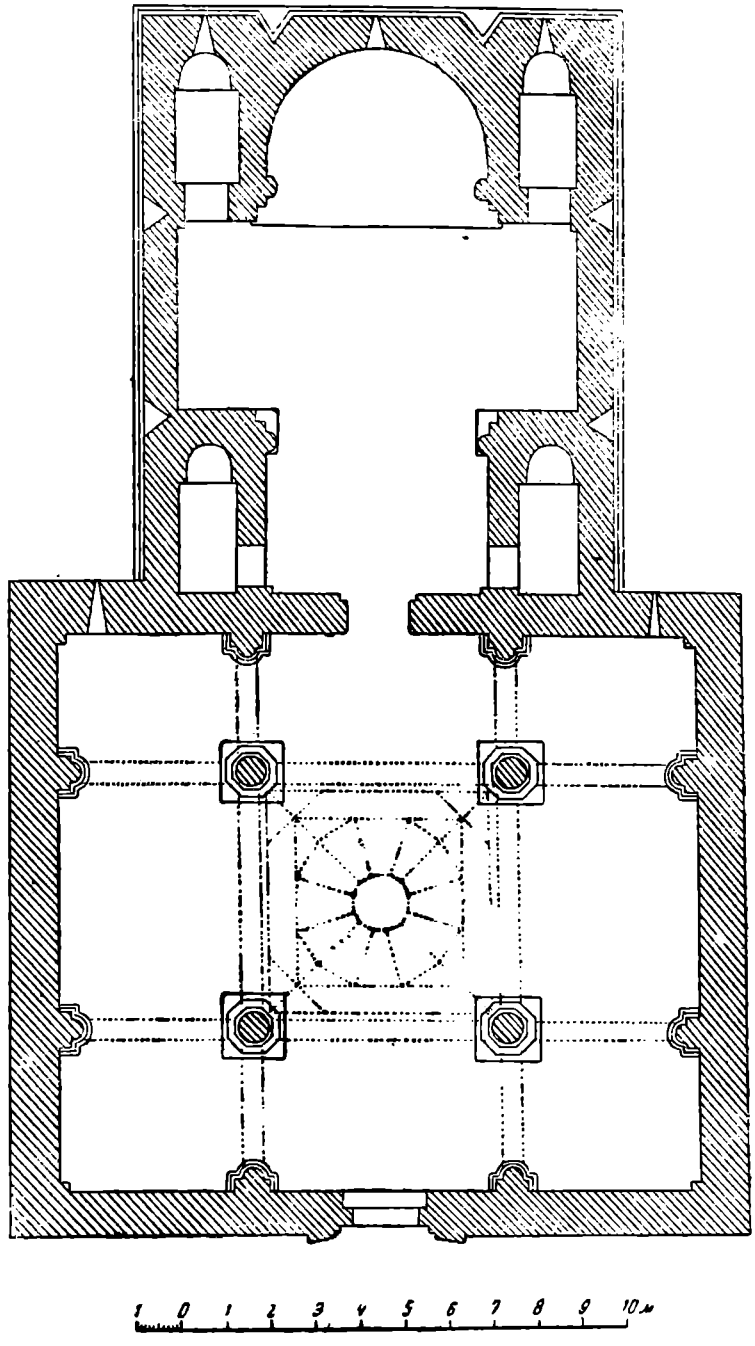


Рис. 6. Дыгер. План церкви Аствацацин 1211 г. и жаматуна (притвора) 1232 г.

фронтонов; над средокрестьем возвышается высокий круглый барабан с вытянутым коническим покрытием. Повышенные пропорции масс здания столь же характерны для армянского (равно и грузинского) зодчества этой эпохи, как и вся его композиция в целом [1]. Декорировка — как внутри, так и снаружи — почти отсутствует. Здание ни композицион-

[1] См. многочисленные примеры в МАК, XIII, 1916.

но, ни декоративно ничем не выделялось среди множества ему подобных церковных построек Армении XII—XIII вв.; оно принадлежит к числу наиболее скромных образцов, если не сказать провинциальных.

Прямоугольный притвор в своих основных частях также ничем не выделяется среди множества других совершенно подобных притворов Армении XIII в. Это большая крестовокупольная зала с 4 массивными круглыми столбами, соединенными со стенами арками, членящими пространство на 9 компартиментов, из которых центральный увенчан открытым 12-гранным конусом с круглым отверстием в середине (снаружи над ним поставлена миниатюрная 4-столбная ротонда). Примыкающие

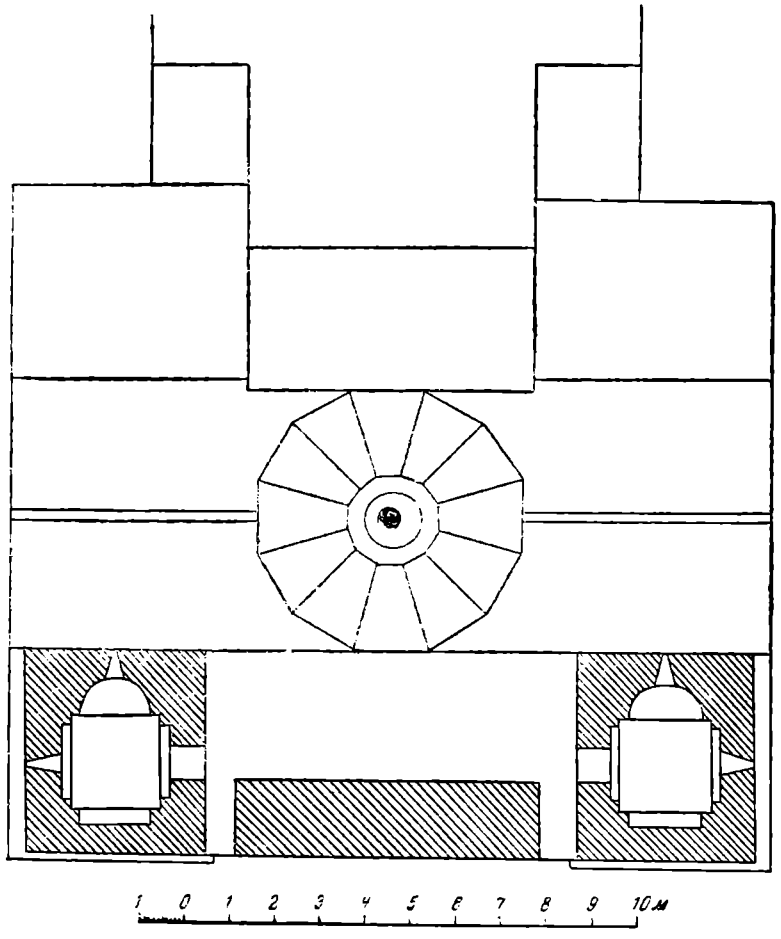


Рис. 7. Дыгер. План кровли и верхних часовен жаматуна.

к центральному квадрату ветви креста перекрыты уплощенными коробовыми сводами, а угловые компартименты имеют плоские перекрытия с выложенными в них из камня крестами.

В декоративном отношении притвор также очень скромен; лишь углы капителей столбов и пилястр украшены мелкими сталактитами, а понизу — «сельджукской цепью». Ею же обрамлен простой портал с двойной стрельчатой аркой. Вот и все, если не считать вставных резных хачкаров над порталом.

Зато композиция западной части притвора совершенно своеобразна; именно это и придает памятнику большое значение для истории средневековой армянской архитектуры.

Северная и южная ветви креста притвора перекрыты, как обычно, довольно покатыми двускатными кровлями, кровли западной и восточной ветви — почти плоские. Кровля двух восточных компартиментов —

односкатная, а над двумя западными угловыми компартиментами, т. е. по углам западного фасада, поставлены две прямоугольные маленькие часовни вытянутых пропорций, завершенные с каждой стороны фронтонами и увенчанные куполом на высоком круглом барабане (рис. 7, 8). Внутри часовни имеют по маленькой полукруглой апсиде, обращенной на восток, и плоские ниши вдоль стен. Входы в часовни обращены к продольной оси здания (как это видно на плане, рис. 7) и выходят на кровлю, куда можно попасть из притвора по деревянной приставной лестнице через отверстие в кровле; каменной лестницы снизу наверх нет. Часовни эти, вынесенные наверх, несомненно связаны с погребениями в самом притворе — в его западных углах.

Рис. 8. Дыгер. Общий вид церкви с юго-западной стороны.

Между часовнями поставлен парапет с фронтоном, сильно выступающий над кровлей притвора.

Таким образом, западный фасад скомпанован в виде двух башнеобразных часовен с острым коническим верхом, фланкирующих центральную часть фасада — портал и фронтон парапета над ним.

В таком виде эта композиция невольно напоминает знаменитые башенные базилики Сирии V—VI вв., хорошо известные и в Армении того же времени, куда они распространились из Сирии вместе с христианством. Выдающимися образцами таких базилик на почве Армении являются Ереруйская и Текорская базилики.

На первый взгляд может показаться, что именно эту ранне-средневековую композицию имел в виду воскресить армянский зодчий XIII в., переосмыслив ее (башни для всхода на хоры он превратил в поминальные часовни) и стилистически переоформив, усилив вертикализм этих башнеобразных выступов.

Но в этом случае осталось бы совершенно непонятным, необъясненным и, главное, беспрецедентным обращение зрелого, глубоко своеобраз-

ного искусства поздне-средневековой Армении к образцам совершенно иной эпохи, столь отличной по своей художественной культуре и отстоящей вглубь более чем на *семь* веков; при этом речь идет не об отдельных архитектурных деталях, часто удерживавшихся в армянском зодчестве на протяжении тысячелетия почти без изменений (например, бровки над окнами, имеющиеся и в Дыгерской церкви), а об определенном и важном композиционном решении. Развитое армянское зодчество XII—XIII вв. не дает, повторяю, ни одного примера такого непосредственного переноса форм глубокой древности, ибо промежуточных по времени форм также не известно. Такое объяснение было бы тем менее убедительно, что аналогичное композиционное решение в виде

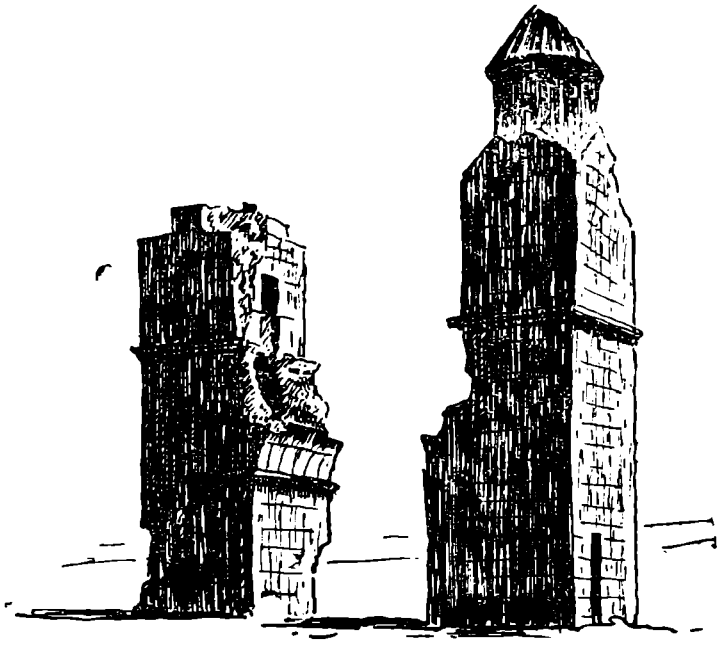


Рис. 9. Ани. Триумфальные ворота (рис. по фот. Н. Я. Марра).

двух башен, фланкирующих вход или проезд, мы имеем на почве Армении в ту же эпоху XIII в. и помимо Дыгера, но в сфере не культовой монастырской архитектуры, а крепостной.

Имею в виду так называемые Триумфальные ворота в Ани XIII в. (рис. 9) [1]. По сторонам ворот высятся две квадратные в плане башни, завершенные, точно так же как в Дыгаре, круглыми барабанами с коническим покрытием. Эти завершения функционально не связаны с башнями, как оборонительными сооружениями, и имеют, несомненно, значение крепостных часовен, включение которых в башни средневековых крепостей не редкость.

Достаточно просто сравнить анийские ворота с притвором Дыгерской церкви, чтобы убедиться в полном совпадении форм. Близка не только архитектурная композиция, т. е. форма, но и самая мысль, лежащая в ее основе: и тут и там эта композиция завершается двумя часовнями, фланкирующими и как бы освящающими вход — в город или в здание.

Вряд ли эта композиция возникла в сфере церковного зодчества: во-первых, среди культовых построек Армении того времени она исклю-

[1] Н. Я. Марр, Ани, Л., 1934, табл. VI, 17а. Ср. M. Brosset. Ruines d'Ani, capitale de l'Arménie, S.-P., 1860, стр. 60—61, табл. XXIX.

чительна и пока известна только в Дыгере; во-вторых, надстроенные сверху часовни органически не слились здесь с основным архитектурным массивом церковного здания и выглядят как дополнение к общей его композиции, в противоположность анийским триумфальным воротам, где часовни логически завершают массивные пилоны.

Разумеется, привлеченный памятник — городские ворота в Ани — нет оснований трактовать, как непосредственный источник форм Дыгерского притвора. Речь идет лишь о том круге архитектурных источников, из которого черпали новые композиционные решения армянские зодчие XIII в.— строители монастырей [1].

Предложенное объяснение более согласно и со всей суммой других фактов, свидетельствующих о сильном влиянии гражданской светской архитектуры Армении, по преимуществу городской, на монастырское церковное зодчество XII—XIII вв. Именно с современной армянской городской культурой, блестящий расцвет которой относится как раз к этому времени, а не с глубокой древностью связаны были те новшества в культовой архитектуре Армении XIII в., интереснейший пример которых рассмотрен выше.

А. Л. Якобсон

---

[1] Мы здесь совершенно не касаемся хорошо всем известной композиции двух башен на западном фасаде храма в западноевропейском романском зодчестве. Аналогия эта чисто внешняя и что-либо объяснить в армянском зодчестве не может.

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
вып. XIII ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1946 год

ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

I

Вопросы этнологии и древней истории восточного славянства являются одной из центральных тем, разрабатываемых ИИМК в течение двадцати пяти лет его деятельности. Среди других тем, посвященных древней истории нашей страны, эта тема выделяется как самая заслуженная, имеющая длительную историю в русской науке. Ее актуальность в наши дни продиктована выдающейся ролью славянских народов в величайших событиях современности. Эта тема составляет первую главу истории славянских народов нашей родины — русского, украинского и белорусского.

Подводя итоги проведенным в этой области за последние годы исследованиям, нужно указать на следующие основные моменты:

1. В результате этих исследований, проведенных с привлечением обширного нового материала и с новых методологических позиций, стала вполне очевидна правильность старого тезиса, a priori высказанного некоторыми русскими историками XIX в., обоснованного русскими, чешскими и некоторыми польскими археологами и по-новому утвержденного историко-лингвистической школой Н. Я. Марра,— тезиса об автохтонности славян в области Среднего Поднепровья [1].

2. Был выдвинут новый тезис, утверждающий, что основная территория этногенеза восточно-славянских племен охватывала не только Среднее Поднепровье и смежные территории, но и простиралась далее к северу в область бассейна Верхнего Днепра и его ближайшей периферии. При этом были обрисованы археологические памятники древних племен этой территории, явившихся предками северных восточно-славянских племен [2].

3. Было выяснено далее, что следует различать два этапа процесса этногенеза славянства, в частности и славянства восточного. Первый этап протекал в обстановке римской эпохи и «великого переселения народов» и привел к консолидации южных славянских племен, к этому

[1] П. Н. Третьяков. Некоторые вопросы этнологии восточного славянства. КС ИИМК, V, 1940, стр. 10—12; П. Н. Третьяков. Северные восточно-славянские племена. МИА СССР, вып. 6, 1941, стр. 9—11; А. Д. Удальцов. Начальный период восточно-славянского этногенеза. Исторический журнал, 1943, № 11—12; Б. А. Рыбаков. Ранняя культура восточных славян. Исторический журнал, 1943, № 11—12.

[2] П. Н. Третьяков. Археологические памятники восточно-славянских племен в связи с проблемой этногенеза. КС ИИМК, II, 1939, П. Н. Третьяков. Некоторые вопросы этногонии восточного славянства. КС ИИМК. V, 1940; П. Н. Третьяков. Северные восточно-славянские племена. МИА СССР, вып. 6, 1941.

времени достигших последних ступеней своей первобытной истории. На этом этапе, который археологически представлен «полями погребений», сложился тот относительно однородный массив древнего славянства, которое выступило на арене европейской истории в конце V и VI вв. под именем антов и склавинов. В условиях этого активного включения внутренне окрепших славянских племен в политическую жизнь Европы развернулся второй этап этногенеза славянства. Он охватил племена и более далекой территории и привел к консолидации северных и южных племен, к оформлению этнической карты славянства, известной по «Повести временных лет» [1].

4. Наконец, на основании массового археологического материала составилась карта восточно-славянских племен второй половины I тысячелетия н. э. Эта карта выявила основные группы племен, подтвердила и уточнила сведения Начальной летописи и показала, что эти группы ведут свое начало с середины I тысячелетия н. э. [2]. Были выявлены основные движения восточно-славянских племен на север и северо-восток [3], а также передвижение северных и юго-восточных племен на юг [4]. Другими словами, были сделаны первые шаги в области изучения конкретной истории восточно-славянских племен в эпоху, предшествующую возникновению древней русской государственности.

II

Одним из наименее исследованных вопросов древней истории восточного славянства являлась судьба южной группы племен, археологические памятники которых оставались не только не изученными, но и почти совсем не известными. Внимание археологов на Украине целиком поглощалось замечательными памятниками материальной культуры Киевской Руси; можно назвать лишь очень немного исследований, посвященных славянским памятникам более древнего периода.

В 1938—1940 гг. в области Среднего Поднепровья были начаты археологические исследования, имевшие целью выявление и изучение памятников восточно-славянских племен I тысячелетия н. э. Работы производились в области Левобережья по среднему течению Ворсклы. В Правобережье было обследовано течение рек Ирпеня, Звизжа, среднее и нижнее течение Тетерева и некоторые другие места [5].

В эти же и предыдущие годы изучались древнеславянские памятники на Десне в районе Трубчевска и Новгород-Северска [6]. Еще раньше были изучены древние славянские городища на Дону, как в верхнем, так и в нижнем его течении [7]. Эти работы уже на первом их этапе по-

---

[1] См. указ. выше работы.

[2] Указ. выше работы. Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. МИА СССР, вып. 6, 1941.

[3] Указ. выше работы. Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе Ярославского Поволжья в IX—X вв. МИА СССР, вып. 6, 1941; И. А. Сухов. Славянское городище IX—X ст. в Южном Белозерье. МИА СССР, вып. 6, 1941.

[4] П. Н. Третьяков. Северные восточно-славянские племена. МИА СССР, вып. 6, 1941, стр. 53; П. Н. Третьяков. Славянская (Днепровская) экспедиция 1940 г. КС ИИМК, X, 1941; И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани. МИА СССР, вып. 6, 1941.

[5] П. Н. Третьяков. Экспедиция по изучению памятников р. Ворсклы. КС ИИМК, I, 1939; П. Н. Третьяков. Славянская (Днепровская) экспедиция 1940 г. КС ИИМК, X, 1941.

[6] В. П. Левенок. Археологические работы Трубчевского музея. КС ИИМК, X, 1941.

[7] П. П. Ефименко. Раннеславянские поселения на Среднем Дону. Сообщения ГАИМК, 1931, № 2.

зволили сделать чрезвычайно ценные наблюдения, влекущие за собой далеко идущие выводы.

До недавнего времени предполагалось, что памятниками славянских племен, характерными для Среднего Поднепровья второй половины I тысячелетия н. э., являются так называемые роменские городища, впервые изученные Н. Е. Макаренко в области верхнего течения Сулы. Предполагалось, что роменские городища — это остатки культуры антов, и на этом основании вводились коррективы в известия Маврикия Стратега, который изображал поселения и жилища антов несколько иными чертами [1].

Одним из самых существенных итогов исследований в области правых притоков Среднего Днепра является то, что никаких следов роменских городищ в Правобережье встречено не было. Памятниками второй половины I тысячелетия н. э. на всем протяжении обследованной территории оказались остатки небольших открытых поселков, разбросанных по берегам рек, преимущественно по краю невысоких террас. На этих селищах обнаружены части углубленных в землю жилищ и вещественные остатки, которые близко напоминают принадлежащие людям «полей погребений» с поселений первой половины I тысячелетия н. э., но имеют и свои особенности.

Чтобы уточнить вопрос о времени этих селищ и об отношении их обитателей к древнерусским племенам, были предприняты исследования ряда древнерусских городищ того же района, относящихся к времени Киевской Руси. Были обследованы городища древнего Искоростеня на р. Уж, городище у г. Малин на р. Ирше, городища в с. Городск, в г. Радомышль, в г. Иваньков, в с. Подол и др. Во всех указанных пунктах в основании культурных слоев IX—X в. были встречены в небольшом числе более древние культурные остатки, относящиеся к VIII—IX в. и совпадающие с остатками культуры, происходящими с упомянутых выше селищ.

Разительную картину в этом отношении дал разрез культурных наслоений древнего городища «Киселевки» в пределах Киева. Наслоения «Киселевки» охватывают длительную эпоху, приблизительно от I — II до XVI—XVII вв., причем внизу лежат остатки культуры «полей погребений», а выше то, что было встречено на обследованных в 1940 г. селищах; еще выше остатки культуры IX—X и последующих столетий. Как теперь хорошо известно благодаря работам М. К. Каргера, культурные остатки VIII—IX в. имеются и на древнем Киевском городище, около Десятинной церкви, где была обаружена и землянка этого времени [2]. Эти остатки древнейшего Киева и синхроничный им могильник, состоящий из погребений в гробовищах или обширных деревянных камерах, являются опять-таки отнюдь не роменскими, они не повторяют того, что дают роменские городища Левобережья.

Таким образом, работы в Правобережье полностью подтвердили наблюдения В. В. Хвойко, утверждавшего, что население начала н. э., оставившее в Поднепровье «поля погребений», является предком восточно-славянских племен конца I тысячелетия н. э. [3]. Эти работы показали также, что славянские племена Правобережья и Левобережья в ту эпоху отличались друг от друга рядом признаков. Различие племен этих двух частей Среднего Поднепровья было полностью подтверждено и работами в Левобережье.

---

[1] Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, I, стр. 319 и сл.

[2] М. К. Каргер. К вопросу о Киеве в VIII — IX вв. КС ИИМК, VI, 1940.

[3] В. В. Хвойко. Поля погребений в Среднем Поднепровье. ЗРАО, XII, Новая серия, 1901, стр. 189.

III

На основании результатов исследований последних лет о славянских племенах Левобережья Среднего Днепра можно сказать следующее.

Как известно, племена «полей погребений» в начале н. э. обитали не только к западу, но и к востоку от Днепра, доходя до современной Полтавщины. В 1940 г. были обнаружены новые памятники этих племен около Кантемировки, восточнее Полтавы.

Однако в дальнейшем, в середине и второй половине I тысячелетия н. э., этих племен, точнее — их потомков, в Левобережье за исключением, повидимому, некоторых районов, непосредственно примыкающих к Днепру, уже не было. Их сменили в области Левобережья другие древнеславянские племена, генетически не связанные с племенами «полей погребений». Остатками новых племен и являются роменские городища и могильники с трупосожжением. Время исчезновения здесь племен «полей погребений» — IV—V вв.; время появления роменских племен — VI—VII вв.

Оставление племенами «полей погребений» лесостепных пространств Левобережья, несомненно, следует поставить в связь с движением гунно-болгарских племен. Именно в эти столетия, в IV—V вв., земледельческие племена должны были покинуть периферию степного Причерноморья. Они отошли, вероятно, на запад, причем и там — на Днепре и к западу от него — они, как и другое местное население, подверглись жестоким испытаниям.

Племена роменских городищ продвинулись в бассейн Сулы, Псла, Ворсклы из более северных районов, из области бассейна Десны и Сейма.

Археологические работы последних лет показали, что если на Суле, Псле и Ворскле роменские городища, как правило, относятся к IX — X в. и лишь некоторые к предыдущим одному-двум столетиям, то на городищах Десны и Сейма роменские культурные остатки постоянно подстилаются более древними напластованиями, восходящими не только к началу н. э., но и к более раннему времени. Несомненно, что именно здесь лежит центр роменских племен, здесь они сложились в процессе автохтонного разбития, отсюда они начали расширять свою территорию на юг.

Таким образом, во второй половине I тысячелетия н. э. в области Среднего Поднепровья обитали две группы славянских племен, разделенные Днепром. В области Правобережья обитали древние местные племена, потомки массива племен «полей погребений». Это были племена, наследовавшие древнее скифское пашенное земледелие, племена, сложившиеся в обстановке периферии римской провинции; они выдержали тяжелые испытания в эпоху «переселения народов», в конце V и VI в. они выступили на Дунае и Балканах как могучая сила европейского масштаба. В среде этих племен выросли первые побеги восточно-славянской государственности.

Другие племена обитали в Левобережье. Они сложились и в течение столетий жили рядом с первыми, были исторически связаны с ними с глубокой древности. Это были племена, очень близкие правобережным, но все же далеко не тождественные. Они обитали в другой обстановке, за пределами территории римской провинции, вне магистральных путей и грозных событий эпохи «великого переселения народов». Очень может быть, что в какой-либо степени племена бассейна Десны и Сейма также принимали участие в этих событиях, как и в балканских войнах VI в., но это не наложило существенного отпечатка на их жизнь. Их

общественный строй и экономика были более примитивны. Они расстались с подсечным земледелием лишь в конце I тысячелетия н. э. Тех, кто производил раскопки на роменских городищах и видел остатки землянок, соединенных переходами, грубую посуду, многочисленные костяные изделия при бедности металлом, обилие костей диких животных среди кухонных отбросов,— тех всегда поражал отпечаток архаики в жизни обитателей роменских городищ.

IV

В связи с выявлением в области Среднего Поднепровья двух групп восточно-славянских племен следует поставить вопрос: какие же племена, строго говоря, должны быть называемы антами?

Академик А. А. Шахматов видел в антах единых предков восточного славянства, которые лишь впоследствии распались на племена, известные по Начальной летописи. М. С. Грушевский отождествлял антов с южными племенами восточной ветви славянства. Л. Нидерле точно так же видел в антах южные восточно-славянские племена, но ограничивал их территорию на востоке течением Днепра. И. И. Срезневский и Н. И. Барсов еще более ограничивали антов; их потомками они считали лишь уличей и тиверцев, т. е. наиболее юго-западные племена.

Все указанные исследователи и другие, здесь не упомянутые, строили свои концепции, исходя из совершенно иных представлений на процесс этнологии, чем те, из которых исходит современная историческая наука. Но следует подчеркнуть, что в свете фактических данных многие исследователи ограничивали антскую землю, приурочивали ее к юго-западной части восточно-славянской территории. Приведенные выше новые данные показывают, что антами следует называть лишь племена Правобережья, генетически связанные с древними племенами «полей погребений». Известное место из Прокопья, где он указывает на бесчисленные антские племена, живущие к северу от утургуров, не может служить основанием для распространения имени антов на племена бассейна Десны и Сейма, которые во времена Прокопья лишь только начали свое движение на юг.

Нельзя согласиться также с компромиссной формулировкой ответа на этот вопрос, предложенной недавно Б. А. Рыбаковым. Он определил роменскую культуру как «периферийную, провинциальную культуру восточных окраин антской земли» [1]. Такое определение нельзя признать правильным. Бассейн Десны и Сейма — это не глухой угол, не окраина. Племена этой области представляли собой несомненно особую локальную группу восточного славянства, имевшую свое имя. Эта группа восточных славян в конце I тысячелетия н. э.— позже, чем ее юго-западные соседи, достигла последних ступеней своей первобытной истории и самостоятельно вступила в политическую жизнь Причерноморья, причем вступила не менее грозно, чем в конце V — начале VI в. вступили в активную политическую жизнь антские племена.

Обрисованное выше движение юго-восточных славянских племен на юг не остановилось в области бассейна левых притоков Среднего Днепра, оно распространилось в бассейн Донца, где находится известное Донецкое городище, нижние горизонты которого представляют собой характерный роменский памятник IX—X в. Это движение славянских племен на юг и юго-восток захватило верхнее течение Дона, о чем

---

[1] Б. А. Рыбаков. Ранняя культура восточных славян. Исторический журнал, 1943, № 11—12, стр. 78.

говорят городища, исследованные П. П. Ефименко в районе Воронежа, и закончилось на нижнем Дону и Тамани, о чем свидетельствуют остатки многочисленных городищ и селений, исследованных М. И. Артамоновым и И. И. Ляпушкиным. Движение восточных славян нашло яркое отражение в политической жизни юга Восточной Европы. В Византийской империи и других странах юго-востока оно было отмечено появлением народа *рос — русь*.

Здесь нет необходимости приводить общеизвестные данные о первом выступлении русов на исторической арене. Но следует напомнить, что все наиболее древние редакции имени рос — русь связываются именно с восточным, а не с западным Поднепровьем. Здесь обитали некогда роксаланы, здесь где-то жили росы или рокосы, известные Иордану. Гвидо Равеннский и Географ Баварский помещают росов между уличами и хазарами, т. е. опять-таки на востоке.

В последнее время в кругах советских историков распространилась тенденция рассматривать Киевскую Русь, как непосредственное продолжение эпохи и культуры антов. Указывают, что и в области экономической жизни, социальных отношений и в области политической Киевская Русь является прямым наследием антского общества, что даже военные походы Руси являются непосредственным продолжением походов антов и т. д.

В свете сказанного выше становится ясным, что этот взгляд нуждается в коррективах, и не только археологические памятники приводят к такому выводу. Ведь не случайно же, что росов — русов никто из современников никогда не отождествлял с антами. Более того, не случайно, что в Византии антов никогда не называли скифами. Анты — это геты, споры, венеты, но отнюдь не скифы. В то же время, повинуясь старой традиции, в Византии называли скифами готов, в частности это делал Иордан. Приск и другие называли скифами гуннов. В дальнейшем скифами именовались гунно-болгарские племена Северного Причерноморья, хазары и даже печенеги. Знаменательно, что если анты никогда не включались в состав «скифских народов», т. е. обитателей Северного Причерноморья, то росы — русы, напротив, сразу же были определены в Византии в качестве скифов. Так их называли современники событий 860 г., так их называли Никита Хониат, Лев Диакон и многие другие.

Таким образом, в представлении греков анты и росы являлись как будто народами не только различного времени и не связанными между собой, но и обитателями различных областей: первые — областей более западных, вторые восточных. Так оно в действительности и было: анты выступали в области северо-западного Причерноморья, росы — на Днепре, Дону, Азовском море, на Волге.

Если анты являлись одним из слагаемых Киевской Руси и, вероятно, главнейшим, то огромное значение в процессе возникновения древней русской государственности на Днепре имели и восточные племена, представшие как новая могучая сила в политической жизни Причерноморья VIII—IX ст. и давшие восточно-славянским племенам свое древнее имя рос — русь.

П. Н. Третьяков

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
вып. XIII ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1946 год

О ТЕХНИКЕ ТИСНЕНИЯ И ПЕРЕГОРОДЧАТОЙ ЭМАЛИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ X—XII вв.

I

В 1897 г. Е. Н. Мельник при исследовании Пересопницкого могильника на Волыни (б. Ровенского уезда) было вскрыто одно очень интересное погребение (№ 29). Курган, самый крупный в могильнике, заключал в себе большой деревянный сруб. На дне его на деревянном помосте стоял деревянный гроб и лежали железные части деревянного ведерка. Скелет принадлежал молодому мужчине. При нем — серебряный перстень со связанными концами; серебряный медальон (разрушился); бронзовые украшения пояса с привешенными ключом, ножом и кинжалом; двое весов — маленькие с бронзовыми чашками и большие с железным стержнем. Рядом с последними стоял маленький ящик с железной оковкой, в котором лежали: небольшой железный молоток, маленькая железная наковальня, девять маленьких бронзовых предметов в кожаном мешочке и девять железных вещиц, бо́льшая часть которых представляла собой шарики, в двух случаях соединенные по три вместе «в виде пирамидки». Е. Н. Мельник пришла к выводу, что вскрытое ею погребение принадлежит купцу. Бронзовые и железные вещицы, уложенные в коробочку, рассматривались ею как весовые единицы, гирьки [1].

Однако такая аттрибуция этого погребения неправильна. Весы не являются принадлежностью только купца, а наличие в инвентаре погребения маленьких молоточка и наковальни указывает на причастность погребенного скорее к ремеслу. Бронзовые и железные мелкие вещицы, мало похожие на гирьки, скорее следует рассматривать как штампы. Повидимому, мы имеем дело с погребением ювелира, похороненного со своим инструментарием.

В 1939 г. в Киевском Центральном историческом музее нами была осмотрена сохранившаяся часть инвентаря этого погребения: молоточек, обручи от ведра и восемь бронзовых штампов — три овальных, один дугообразный и четыре пятичастных.

I. Три овальных штампа (рис. 10, *а — в*) различны по величине; они округлы с одной стороны и плоски с другой. На штампе средней величины выпуклая поверхность — не гладкая, как у двух остальных, а с широким продольным ребром (рис. 10, *б*). Все три штампа предназначались для изготовления бус. Овальные серебряные бусы, спаянные из двух полых половинок, бытовали в древней Руси с X по XIII в. включи-

[1] Е. Н. Мельник. Раскопки в земле лучан. Труды XI Археолог. съезда, т. I, К., 1901, стр. 506—511 и 540—542, табл. VIII.

тельно и известны в литературе под названием «дутых» бус или «репьев». Поверхность их украшалась узорами из зерни, напаянными валиками, полушариками и позднее (в XII—XIII вв.) сплошной обмоткой сканной нитью по концам бусины.

II. Один дугообразно изогнутый штамп служил для изготовления отдельных частей бус, в литературе не имеющих особого названия, так как они редки. Е. Н. Мельник называет их «лопастными». При помощи этого штампа изготовлялись лопасти или дужки, которые по три или

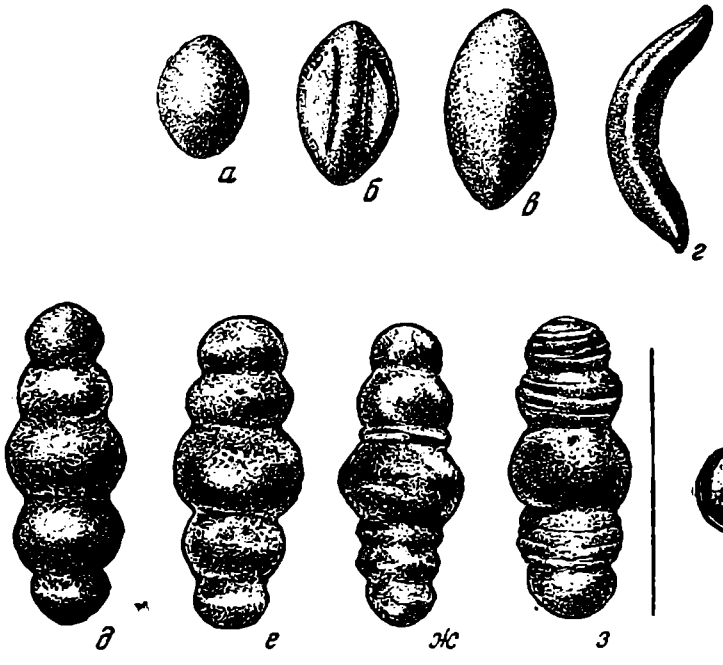


Рис. 10. Пересопницкий могильник на Волыни (раскопки Е. Мельник).

Штампы из погребения ювелира: *а*, *б*, *в* — штампы для овальных бус; *г* — штампы для лопастных бус; *д*, *е*, *ж*, *з* — штампы для подвесок к серьгам; *и* — штампы для деталей лунниц.

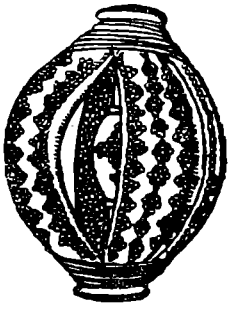


Рис. 11. Лопастная бусина, X в.

четыре штуки припаивались концами к основе бусины — трубочке или маленькой бусинке, заключенной между лопастями, через которую проходил шнурок (рис. 10, *г* и 11).

В кладах и могильниках X — начала XI вв. северо-восточной и северо-западной областей древней Руси такие бусы встречаются крайне редко.

Бусы подобной формы найдены в следующих местах:

1. В Гнездовском кладе 1868 г. второй половины X в. среди множества серебряных бус (47 штук) имеются три лопастные бусы. Они представляют ту, повидимому, наиболее раннюю их разновидность, когда лопасти сильно выгнуты [1].

2. В Гнездовском могильнике на большое количество раскопанных курганов, по словам В. И. Сизова, встречена всего одна лопастная бусина [2].

3. Две сильно деградировавшие бусины, которые вполне нельзя

---

[1] А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. М.-Л., 1936, табл. II. *1*.

[2] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. Вып. I. Гнездовский могильник близ Смоленска. МАР, № 28, СПб., 1902, стр. 54.

назвать «лопастными», найдены в Ленинградской области, в кургане, датируемом, примерно, XII в. [1].

4. Одна, аналогичная предыдущим двум, происходит из Владимирских курганов [2].

Возможно, что овальный реберчатый штамп средней величины (рис. 11) служил для изготовления подобных бус.

Гораздо чаще встречаются лопастные бусы в Поднепровье, но и там не везде, а преимущественно к западу от Днепра. На Левобережье известны лишь единичные находки.

5. В с. Липовом (б. Роменский уезд Полтавской губ.) две бусы в двух курганах конца X — начала XI в.; одна сильно упрощена [3]. Напротив, на правом берегу Днепра и далеко вглубь на запад найдено большое количество лопастных бус в кладах и погребениях.

6. Юрковецкий клад 1864 г. (б. Липовецкий уезд Киевской губ.) второй половины X в.; шесть бус отличной работы, с сильно выгнутыми дужками, как у бус Гнездовского клада 1868 г. [4].

7. Копиевский клад 1928 г. (Дашевский район Винницкого округа) второй половины X в., три бусы с сильно выгнутыми дужками, как у бус Гнездовского и Юрковецкого кладов [5].

8. Мироновский клад 1883 г. (б. Каневский уезд Киевской губ.) конца XI — начала XII в., четыре большие овальные бусины с лопастями, вплотную прилегающими к середине бусины [6].

9. Житомирский могильник (б. Волынской губ.), четыре бусины в четырех погребениях (№ 17 и 27 раскопки В. Б. Антоновича, № 20 и 37 раск. С. С. Гамченко) [7].

10. Белевский могильник (б. Ровенский уезд Волынской губ.), одна бусина (погребение № 29) [8].

11. Пересопницкий могильник (б. Ровенский уезд Волынской губ.), пять бус в четырех погребениях (№ 8, 16, 23 и 33) [9].

12. Могильник у с. Крупы (б. Луцкий уезд Волынской губ.), одна бусина (погребение № 2) [10].

13. Есть глухое упоминание о находке серебряных лопастных бус и лунниц в разграбленных курганах у с. Теремна (б. Луцкий уезд Волынской губ.) [11].

Проникновение лопастных бус в земли западных славян проследить пока не удалось. Однако в Венгрии они также встречаются.

14. Так, они присутствуют в одном из венгерских кладов наряду с другими вещами, исполненными в технике тиснения и украшенными зернью [12]. Клад этот по своему составу имеет много общего с русскими

---

[1] А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии. МАР, № 20, СПб., 1890, кург. № 320, табл. XXV, 5 и 8.

[2] А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, рис. 166. стр. 115.

[3] Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г., ИАК, вып. 22, СПб., 1907, кург. № 1 и 2, рис. 7 и 8 на стр. 39.

[4] А. С. Гущин, ук. соч., рис. 3 на стр. 33.

[5] Клад не издан; хранится в Киевском Центр. истор. музее.

[6] А. С. Гущин, ук. соч., табл. X. *10.*

[7] В. Б. Антонович. Раскопки в стране древлян. МАР, № 11, СПб., 1893, стр. 68—69; С. С. Гамченко. Житомирский могильник, Житомир, 1888, табл. XLV, 12, 34.

[8] Е. Н. Мельник, ук. соч., стр. 530—531.

[9] Там же, стр. 536—543.

[10] Там же, стр. 562.

[11] Там же, стр. 563, прим. 1.

[12] Archaeologiai Ertesito, т. XXIV, Budapest, 1904, Kugler alajos, Darufaivi ezüstlelet, рис. 1 на стр. 42.

кладами X — начала XI вв., в частности с Гнездовским 1868 г. и Витебским [1].

Таким образом, погребение Пересопницкого ювелира найдено в том районе, где находки лопастных бус наиболее многочисленны. Пять лопастных бус найдено в том же могильнике.

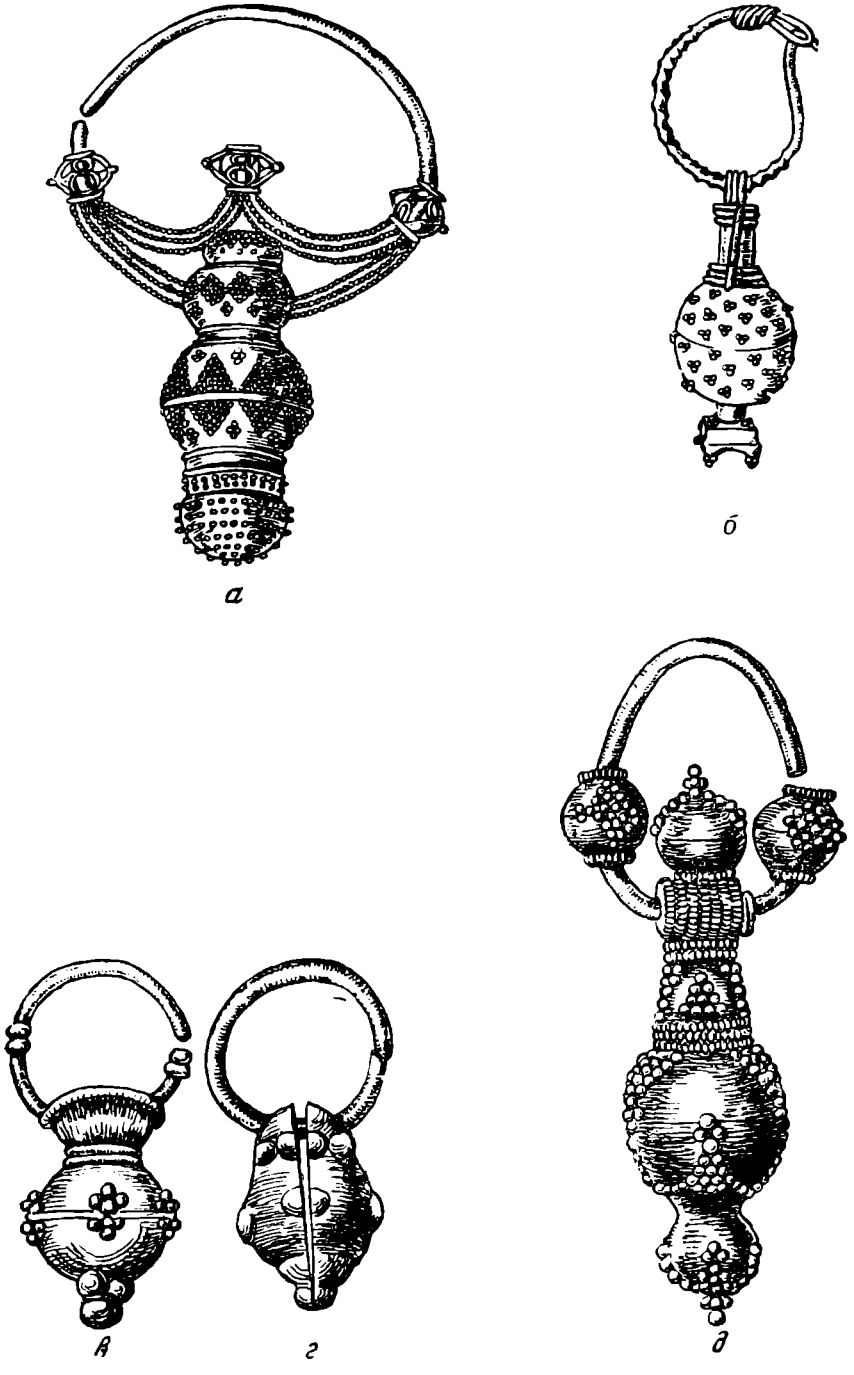


Рис. 12. Серьги.

а — среднее Поднепровье, X в.; *б* — Причерноморье, конец I тысячелетия до н. э.; *в, г* — городище Пастерское (ур. Галушино) VI—VII в.; *д* — Прикамье, X в.

III. Четыре самых крупных штампа сходны между собой по величине, по форме разнятся лишь в деталях. У всех одна сторона округ-

[1] Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. VI, К., 1907, табл. XXXV.

лая, другая плоская (рис. 10, *д*—*з*). Эти штампы служили для изготовления подвески к серьге так называемого «волынского типа», т. е. серьге в виде кольца с длинной сложной подвеской (тип — на рис. 12, *а*). Этот тип серьги известен в основном в двух вариантах.

Первый вариант. На гладкое проволочное кольцо насажена полая подвеска, спаянная из двух штампованных половинок. Подвеска всегда пятичастная, средняя часть имеет наибольший диаметр. Поверхность усыпана зернами. На кольце и над вершиной подвески, на стыке двух дужек, пересекающих кольцо, помещаются три бусины. Для изготовления серег первого варианта необходимы были штампы, подобные штампам пересопницкого ювелира. Этот вариант представлен следующими находками:

1. Борщевский клад 1883 г. (б. Дубенский уезд Волынской губ.) второй половины X в., шесть сережек [1].

2. Коллекция Черниговского музея, две серьги неизвестного происхождения (рис. 12, *а*).

3. Коллекция ГИМ, две серьги неизвестного происхождения.

Второй вариант. Отличается от варианта I формой подвески и оформлением кольца. Подвеска составляется из множества полых крупных и мелких шариков. На нижнюю половину кольца насажены четыре розетчатые бусинки из литых шариков. Серьги варианта II встречаются гораздо чаще серег варианта I. Они представлены в следующих находках:

4. Юрковецкий клад 1864 г., пять сережек.

5. Копиевский клад 1928 г., двадцать семь сережек.

6. Борщевский клад 1883 г., две сережки [2].

7. Денисовский клад 1912 г. (б. Полтавская губ.), пять сережек [3].

8. Киевский могильник № 1 (на Горе), три серьги из погребения 1936 г. (несколько иной тип);

9. Киевский могильник № 2 (на Щекавице), две серьги.

10. Пересопницкий могильник (курганы № 3, 8 и 33), четыре серьги [4].

11. Урочище Галущино (близ с. Жастерского, б. Чигиринского уезда Киевской губ.), одна серьга.

12. С. Шабельники (б. Чигиринский уезд Киевской губ.), одна серьга) [5].

13. Елисаветградский уезд Херсонской губ., три пары сережек [6].

14. Старошведская колония Херсонской губ. и уезда, две серьги.

15. Токайский клад 1897 г. в Венгрии, десять сережек [7].

В северо-западных областях Киевской Руси их встречено мало:

16. Гнездовский могильник, одна серьга (сильно разрушилась; возможно, принадлежит первому варианту).

17. Речицкий могильник (б. ~~Речицкий уезд Минской~~ губ., курган № 15), одна серьга [8].

---

[1] А. С. Гущин, ук. соч., табл. XI, *2, 5, 6, 8—10*.

[2] А. С. Гущин, ук. соч., табл. XI, *1, 3*.

[3] ОАК за 1912 г., СПб., 1916, стр. 85—86.

[4] Е. Н. Мельник, ук. соч., стр. 535, 536 и 542, табл. VI. 10.

[5] Каталог выставки XI Археологического съезда, К., 1899, стр. 113.

[6] Отчет Российского исторического музея за 1914 г., М., 1916, стр. 10, рис. 4—6.

[7] J. Hampel. Altertühmer der frühen Mittelalters in Ungarn, Braunschweig, 1905, т. II, стр. 489—494. В этом кладе, найденном в бассейне Тиссы, были обнаружены византийские монеты 920—964 гг. Венгрия богата подобными находками.

[8] Я. В. Яроцкий. Краткий отчет о раскопке курганов Речицкого могильника Труды Общ. исслед. Волыни, I, Житомир, 1902, табл. 1, *5*

18. М. Есьмены (Есмен, б. Борисовский уезд Могилевской губ., курган № 3), одна серьга (упрощена) [1].

За пределами Киевской Руси серьги типа кольца с подвеской изредка встречаются в Швеции, Пруссии, Силезии, Польше, но все они имеют специфические особенности как в форме подвески, так и в оформлении ее и кольца. Часты находки их в Пермском крае (см. ниже).

Если расположить на карте места находок серег типа кольца с подвеской, то получим ту же картину, что и с лопастными бусами: основ-

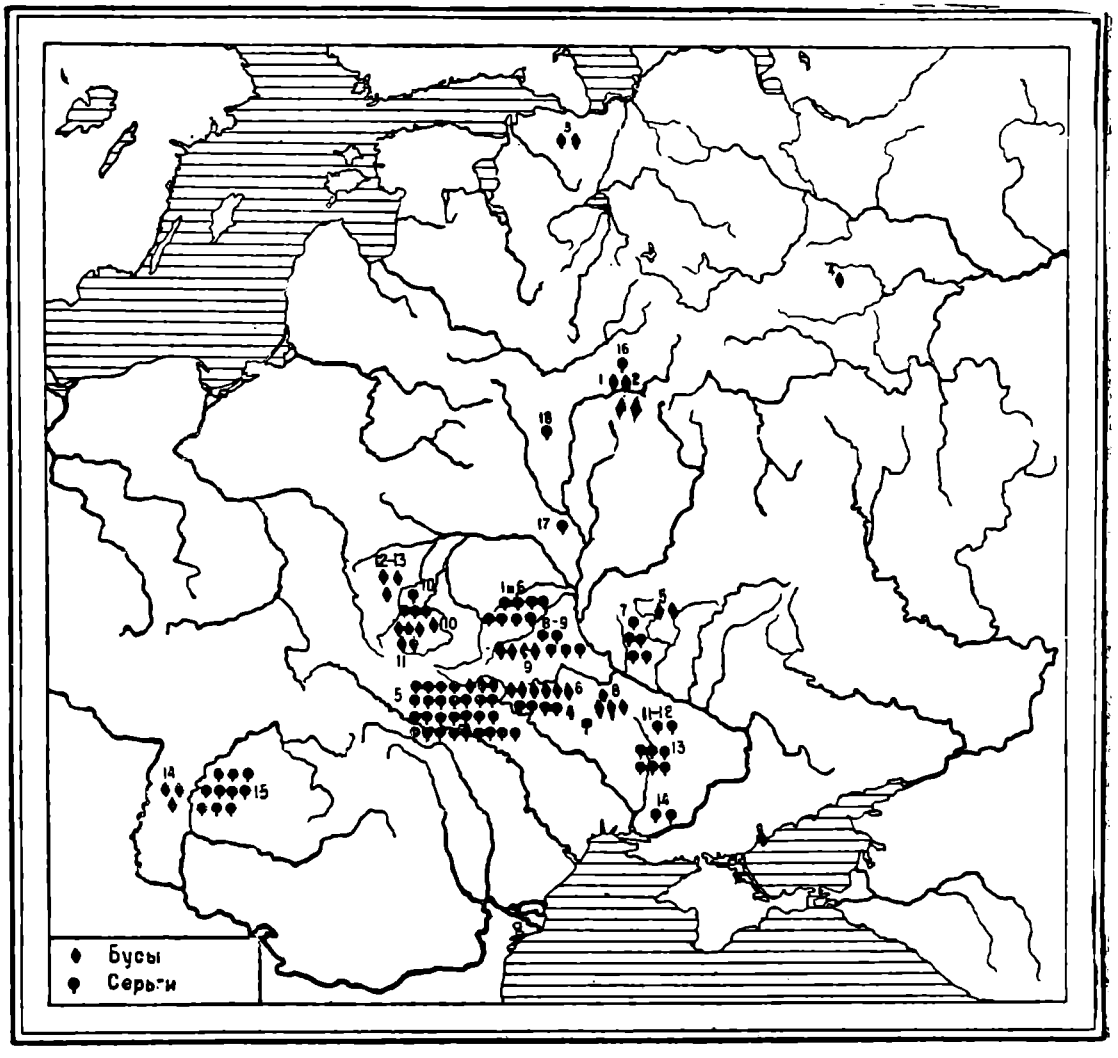


Рис. 13. Карта распространения находок лопастных бус и сережек со штампованной подвеской X в. (номера соответствуют нумерации находок в тексте).

ная масса их группируется в том же районе, что и лопастные бусы, т. е. на правом берегу Днепра, и заходит далеко на запад (рис. 13).

Серьги, состоящие из двух постоянных элементов — кольца и подвески, то свободно передвигающейся по кольцу, то неподвижно укрепленной на нем, известны уже в I тысячелетии до н. э. в колониях Северного Причерноморья. Кроме зоо- и антропоморфных подвесок, существуют подвески в виде амфорки (рис. 12, *б*), подвески, составленные из крупных и мелких шариков, которые обычно считают подражаниями виноградной грозди, и многие другие. Ольвия, Керчь, Херсонес дали большое количество серег этого типа. Крым, Северный Кавказ, Подонье, Поднепровье, Подунавье, Прикамье — каждый по-своему переработали античный тип серьги.

[1] ОАК за 1889 г., стр. 48, рис. 14.

На урочище Галущино (Пастерское городище, Чигиринский уезд Киевской губ.) найдены серьги этого типа, датируемые V—VII вв. Одни из них имеют округлые полые подвески, состоящие из двух штампованных половинок; у других подвески отлиты вместе с кольцом [1]. У тех и других на кольце сохраняются шишечки, сдерживающие передвижение подвески по кольцу (у литых — чисто декоративные).

Древнерусские серьги X в. генетически связаны с античными серьгами, имея в качестве промежуточного звена Галущинские серьги V—VII вв. Русские серьги X в. ближе всего к античным серьгам, имеющим на кольце подвеску-амфорку. В одной из Галущинских сережек (рис. 12, *в*) еще сохраняется форма амфорки, тогда как другая (рис. 12, *г*) уже слегка напоминает подвески серег Борщевского клада с их пятичастным делением.

Особенно ярко выступает связь между серьгами X в. и их античными прототипами в Пермском крае. Пермская линия ювелирного искусства имела свое собственное, независимое от Поднепровья развитие. В кладах Пермской губернии находят серьги и подвески, которые отчетливо передают форму амфорки (рис. 12, *д*). С другой стороны, те же серьги имеют много общего с серьгами Поднепровья, отличаясь от последних своими размерами (пермские гораздо крупнее) и грубостью зерни и скани [2].

IV. Последние штампы, которые предстоит рассмотреть, мы знаем только по изданию их Е. Н. Мельник, поэтому мы можем высказывать только предположение о их назначении.

По словам Е. Н. Мельник, это «шарики», сделанные из железа, одиночные и строенные в виде треугольника («пирамидки»). Вокруг каждого шарика по линии диаметра идет узкая полочка (рис. 10 *и*) [3].

Серебряные лунницы X в., в особенности большие, неизменно имеют под ушком и на рожках выпуклые, напаянные полушария, одиночные и строенные, с пояском зерни вокруг. Возможно, что «шарики» из погребения Пересопницкого ювелира служили для изготовления деталей к лунницам. На это указывает, с одной стороны, комбинирование «шариков» (один и три), с другой — узкая полочка по линии диаметра для зернового пояска. Удивляет лишь материал — железо, необычный для штампов Поднепровья, а также форма их в виде «шарика». Возможно, что в описание Е. Н. Мельник вкралась ошибка, следовало сказать «полушарие»; также ошибочно Е. Н. Мельник называет группу из трех шариков «пирамидкой».

Таким образом, если мы пока условно признаем последние штампы за штампы от деталей для лунниц, то в Пересопницком погребении окажется набор штампов для украшений, наиболее распространенных в кладах Киевской Руси X в.— бус, сережек и лунниц.

В литературе до настоящего времени нет ясности относительно происхождения серебряных тисненых изделий с зернью X в., находимых на территории древней Руси. В XIX и начале XX в. все подобные украшения без колебаний относили к импорту с Востока. Еще в 1940 г. Б. А. Рыбаков в статье о родовых знаках Рюриковичей писал, что «техника тиснения серебра и золота из средневекового Херсонеса в XI в., после принятия христианства, проникла в Приднепровье (до этого вре-

---

[1] Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. IV, К., 1901, табл. XIII.

[2] ОАК за 1901 г., стр. 142, рис. 254; ОАК за 1909—1910 гг., стр. 228—230, рис. 272.

[3] Е. Н. Мельник, ук. соч., табл. VIII, 9.

мени в ювелирной технике Киевской Руси господствовал чекан)»[1]. Это утверждение, повидимому, исключает тисненые с зернью украшения Гнездовского и подобных ему кладов X в. из числа вещей, сделанных в Киевской Руси. А. С. Гущин, издавая Гнездовский клад, наоборот, впервые вполне определенно высказался за местное русское происхождение украшений этого рода, не приводя, впрочем, никаких доказательств для подтверждения своего мнения[2].

Погребение Пересопницкого ювелира с его штампами, найденное в центре района наибольшего распространения украшений этого рода, а

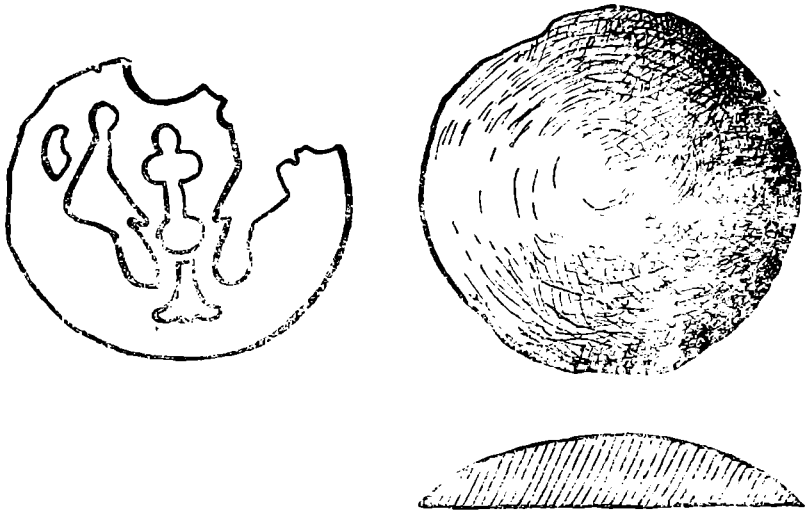


Рис. 14. Киев. Вещи из раскопок В. В. Хвойко на усадьбе Петровского.

а — бронзовый шаблон для изготовления колтов перегородчатой эмалью; *б* — бронзовая болванка для той же цели.

также генетическая связь этих украшений по линии техники и форм с украшениями из античных колоний Причерноморья и более близкого нам времени — V—VII вв. в Поднепровье, являются неоспоримыми доказательствами местного происхождения тисненых с зернью украшений русских кладов X в.

II

В годы раскопок В. В. Хвойко в Киеве, на территории усадьбы Петровского был найден бронзовый шаблон, применявшийся при изготовлении золотых с эмалью колтов. Он представляет из себя плоскую тонкую пластинку, почти круглую, слегка сплюснутую по вертикали, с полукруглой выемкой вверху. В пластинке прорезаны отверстия, изображающие силуэты двух птиц по сторонам растения. Ноги и клювы, заполнявшиеся эмалью по гравировке, на шаблоне не помечены (рис. 14, *а*). Вместе с ним найден бронзовый выпуклый кружок немного большего, чем шаблон, диаметра (рис. 14, *б*)[3].

Датировать шаблон можно только приблизительно. Вместе с ним и кружком был вскрыт целый ряд глиняных горнов и печей особого уст-

[1] Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. Советская археология, VI, 1940, стр. 251.

[2] А. С. Гущин, ук. соч., стр. 31.

[3] По независящим от нас обстоятельствам, рис. 14, *а* и 14, *б* в размерах не точны.

ройства, а также расплавленная стеклянная масса и большое количество сломанных и поврежденных огнем колец и браслетов. Указания для датировки могут дать только стеклянные браслеты и кольца, датируемые обычно XII в.

Повидимому, при изготовлении колта шаблон накладывался на золотую пластину и по нему вырезались в пластинке основные контуры птиц и «древа», а также края самого колта. После этого золотая пластинка накладывалась на выпуклый бронзовый кружок, и при помощи молоточка ей придавалась сферическая форма. При этом прорезанные отверстия немного расширялись. Поэтому ни на одном из известных нам двадцати двух колтах этого рисунка у птиц нет таких, как на шаблоне, узких шеек и маленьких голов. Вырезанные из золотой пластинки части припаивались снизу при помощи вертикально поставленных ленточек и служили дном углублений, заполнявшихся эмалью. Внутри основных контуров рисунок из перегородочек мог варьироваться как угодно. Колтов, сделанных именно по этому шаблону, не найдено; индивидуальной особенностью его является криво поставленное «древо», чего нет ни на одном из известных колтов.

Пользование шаблоном при выполнении эмалевых изображений на колтах заставило нас искать следы его применения при изготовлении эмалей и на других украшениях.

Если присмотреться к силуэтам Богородицы и Предтечи, Петра, Христа и архангелов на золотой с эмалью диадеме из клада в усадьбе Гребеновского в Киеве, найденного в 1889 г., то можно заметить, что каждый из этих силуэтов повторяет свою пару, иногда обернутую в противоположную сторону (рис. 15, *а*, *б*, *в*) [1]. Очевидно, при нанесении силуэтом фигур на киотцы диадемы мастер пользовался шаблоном, подобным шаблону для колта. Чтобы можно было использовать шаблон с обеих сторон, его делали плоским, и только после того, как фигуры были вырезаны, в случае надобности, пластинке придавали выпуклую форму. Расколачиванием пластинки после вырезки фигур объясняются некоторые мелкие расхождения в контурах силуэтов. При помощи перегородочек мастер из одного и того же силуэта мог делать то Богородицу, то Предтечу (рис. 15, *а*), то Петра, то Христа (рис. 15, *в*). Для Павла был особый шаблон (рис. 15, *г*). Мы датирует диадему серединой XII в.

Рис. 15. Киев. Силуэты фигур на диадеме из клада, найденного на усадьбе Гребеновского:
а — Богоматерь и Предтеча; *б* — архангелы; *в* — Петр и Христос; *г* — Павел.

[1] Н. П. Кондаков. Русские клады, т. I, СПб., 1896, табл. VIII.

Употребление шаблонов при выполнении изображений каменнобродской гривны конца XI в. прослеживается по контурам крыльев архангелов (шаблон перевернут) и по контурам рук Богородицы и Предтечи. Руки их, протянутые ко Христу, грубо оболванены, а затем внутри этой общей формы (вроде рукавицы) сделаны пальцы. Промежуток между пальцами и общим контуром заполнен эмалью нейтрального, темного тона [1]. Аналогичный рисунок рук, указывающий на пользование шаблоном, наблюдается на золотых медальонах из кладов Киевского 1880 г. (с Большой Житомирской ул.) [2], Сахновского 1900 г. [3] и клада с Княжей Горы 1891 г. [4]

Пользование шаблоном при изготовлении колтов с сиринами удалось проследить по колтам того же Киевского клада 1880 г., где это отчетливо выступает в одинаково искривленных нимбах одного из сиринов каждого колта [5]. В пользовании шаблонами заключается, возможно, одна из причин устойчивости тематики изображений на колтах, которая ограничивается очень небольшим количеством мотивов (для Киева примерно 4—5 вариантов изображений для лицевой стороны и столько же для обратной).

Пользование шаблоном при изготовлении эмалей на так называемой «церемониальной» цепи из клада, найденного в Киеве в 1938 г. (на Малой Житомирской улице, близ площади Перекопа) [6], прослеживается по бляшкам с геральдическим орлом. У орлов, повернутых клювом вправо, левое крыло выше правого; у орлов, обернутых влево,— наоборот (шаблон перевернут). На одной бляшке клюв, заполненный эмалью по гравировке, приставлен к затылку, отчего у птицы получился зоб.

Употреблялся шаблон и для более мелких поделок (бляшка с крином из Киевского клада 1880 г. и тождественная ей бляшка, вставленная в колт с Княжей Горы из клада 1896 г.).

Пользование шаблоном при изготовлении вещей с перегородчатой эмалью не снижает значения их как произведений высокого искусства. Сложность техники требовала усовершенствования некоторых моментов производства. Стремление облегчить процесс производства вызвало применение шаблонов. Вряд ли в связи с этим можно ставить вопрос о массовом изготовлении украшений, выполненных в этой сложнейшей технике. Только твердый металлический шаблон давал возможность придавать силуэтам изображений, выработанным на стороне, безукоризненный, предельно четкий контур, лаконичный и изысканный в одно и то же время.

Г. Ф. Корзухина

---

[1] А. С. Гущин, ук. соч., табл. IX (рисунок в красках). ОАК за 1903 г., табл. VI.

[2] Н. П. Кондаков, ук. соч., табл. 1, *4—6*.

[3] Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V. табл. XXXII.

[4] Б. И. и В. И. Ханенко. Древности русские, 1, 1900, табл. XX, 239 — Б, 240 — Б.

[5] Н. П. Кондаков, ук. соч., табл. II, *9*.

[6] ЦО «Правда», 11. V. 1938, № 159 (7484).

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
вып. XIII ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1946 год

БОГОЛЮБОВСКИЙ КИВОРИЙ

I

Среди памятников XII в., открытых за последние годы во Владимиро-Суздальской области, едва ли не наиболее интересным является киворий на дворе Боголюбовского замка.

В 13.15 м к западу против юго-западного угла дворцового собора находится так называемый «святой шатер». Это небольшая открытая кирпичная часовня XVII в. с 4 грушевидными столбами на квадратных тумбах с ширинками; меж столбов двойные арки на висягах. Старое перекрытие не сохранилось и заменено фальшивой сферической кровлей. Несомненно, что первоначальное покрытие было шатровым, и часовня походила на аналогичные шатровые часовни типа часовни «у креста» под Переяславлем-Залесским [1]; на шатровое завершение указывает и само наименование постройки — «святой шатер».

Памятник был издан Ф. Рихтером [2], в рисунках у В. Доброхотова [3] и Н. Островзорова [4].

Под шатром находилась ныне разбитая чаша из белого камня, носящая местное народное название «кандея», что обозначает сосуд, похожий на ендову [5]. От чаши сохранились сейчас лишь низ ножки и часть дна с высеченным на нем выпуклым равносторонним четырехконечным крестом. Диаметр чаши равнялся 1.03 м.

В. Доброхотов пишет: «Предание говорит, будто это та самая чаша, из которой в. к. Андрей брал деньги для раздачи рабочим, строившим боголюбовскую обитель...» [6]. Я. Протопопов ссылался на предание, что чаша с шатром была построена на месте княжеского шатра, в котором князь якобы имел «видение» Богородицы [7]. Эти предания явно монастырского происхождения и особого доверия не вызывали. Сама чаша, крайне неуклюжей формы, похожая на большой печной горшок, также возбуждала сомнения в своей принадлежности к XII в. Ножка чаши с высеченным на дне крестом представляет самостоятельную часть, ее край

---

[1] Ф. Рихтер. Памятники древнерусского зодчества. М., 1854, тетр. IV, табл. XXXVI; В. В. Суслов. Памятники древнерусского зодчества, вып. III, СПб., 1897.

[2] Ф. Рихтер, ук. соч., тетр. IV, табл. XXXV. Характерно, что Рихтер не изображает в чертеже Боголюбовской часовни покрытия, справедливо подозревая его фальшивость.

[3] В. Доброхотов. Древний Боголюбов город. М., 1852, рис. на стр. 43: рисунок переиздан в атласе М. П. Погодина.

[4] Н. Островзоров. Историческое описание Боголюбова монастыря. Владимир, 1875.

[5] В. Даль. Словарь, т. II, стр. 207. Ендова — круглая неглубокая чаша.

[6] В. Доброхотов, ук. соч., стр. 43.

[7] ВГВ, 1843, № 34, стр. 139.

обрублен и вынута четверть, в которую позднее были вставлены на железных костылях отдельные белокаменные куски стенок самой чаши, также врезанные один в другой; затем чаша была покрыта толстым слоем штукатурки. Представляется несомненным, что это поздняя чинка древней чаши, разбитой при разрушении кирпичного шатра. Таким образом, от древней чаши сохранился только низ; об ее первоначальной форме мы не имеем никаких данных; судя по резному кресту на дне, можно предполагать, что она могла иметь какие-либо резные украшения [1].

Летом 1937 г. сотрудник Владимирского музея Б. И. Григорьев сообщил мне, что под чашей, под плитами пола часовни он заметил «круглый белокаменный столб». В связи с этим «святой шатер» стал объектом археологических работ 1937—1939 гг. в Боголюбове.

Была снята белокаменная плитная вымостка вокруг чаши [2]. Под ней действительно обнаружилось дискообразное подножие,сложенное из радиально-тесаных белых камней. Выяснилось также, что ножка чаши, грубо обработанная в позднейшее время, была первоначально цилиндрическая и имела 4 угловых рога романского характера.

Последующее снятие кирпичной вымостки [3] (шедшей под плитяной) обнаружило второй белокаменный диск, сложенный из тесаного камня аналогично верхнему. Наконец, под незначительным слоем перегноя открылась нижняя, третья, круглая ступень, вдвое шире, чем верхние [4]. По ее окружности были обнаружены 5 сохранившихся круглых романских баз на квадратных плинтах, часть из них находилась под кирпичными тумбами шатра [5], три совсем не сохранились (рис. 16). Диаметр нижней части колонн по размеру баз определяется в 50 см. В юго-восточном секторе были найдены три обломка фуста круглой колонны, в центре фуста — четырехгранный канал для металлического штыря или заливки свинцом; как показывает второй фрагмент фуста, имеющий диаметр 25 см, колонны, подобно колонкам фризов собора, значительно утоньшались кверху; небольшие обломки резных лиственных капителей устанавливают характер завершения колонн.

Таким образом, в итоге раскопок место заурядного «святого шатра» XVII в. занял 8-колонный открытый киворий с чашей на трехступенном пьедестале (рис. 17); принадлежность памятника XII в. сомнений вызывать не может. Предание, связывавшее «кандею» с временем князя

---

[1] Известная из рассказа Ипатьевской летописи (см. ниже) чаша «багряного мрамора», вывезенная в Холм из Венгрии, была украшена резьбой («змеиные головы»). На западе аналогичные крестильные чаши были иногда гладкими, иногда резными. Чаша из Виглебена (Тюрингия), в форме правильного полушария, украшена по борту аркатурной (Lehfeld. Bau- und Kunstdenkmäler Thüringens. Jena, 1888—1913. тетр. X, стр. 363—364); чаша красного песчаника (ср. «мрамор багрян») из St. Ulrich (Баден), огромной величины (диам. 2.59 м), по наружной стороне украшена резными изображениями Христа, апостолов и святых, помещенных в аркадах, сверху — бордюр растительного, снизу — звериного (драконы) орнамента (F. Kraus u. a., Die Kunstdenkmäler des Grossherzogthums Baden. Freiburg, 1887 u. f., т. VI, стр. 453—459, рис. 189—194); аркадами украшена чаша из Bozen (XII в.: Mitteilungen der k. Centralkomission... Wien, 1874, стр. III, рис. I). Чаши подобного назначения распространены также в Прирейнской области, во Франции и Италии. Учитывая название «канди» — ендовы, в реконструкции, даваемой ниже, чаша представлена круглой и неглубокой.

[2] Раскопка велась по 4 секторам: юго-восточному, юго-западному, северо-западному и северо-восточному, что и определяет в последующем тексте место нахождения деталей.

[3] Кирпич (разм. 29 × 14 × 9 см, 28 × 13 × 7 см) аналогичен кирпичу самого «святого шатра».

[4] Эта последняя ступень прогнулась к наружному краю; нагрузка колоннами и верхом произвела эту осадку.

[5] Одна база покрыта сетью трещин и крошится.

Андрея, оказалось реальностью — в состав боголюбовского дворцового комплекса вошел совершенно неожиданный интереснейший памятник [1].

Назначение этого восьмиколонного кивория с чашей, имеющей крест на дне, исчерпывающе разъясняется текстом Ипатьевской летописи под 1260 г. о строительстве Даниила Галицкого в Холме. Построив церковь Марии, он «принесе же чашю от земля Угорьскыя мрамора багряна изваяну мудростью чюдну и змьевы главы беша округ ея; и постави ю пред дверми церковными, нарецаемыми царскими, створи же в ней кре-

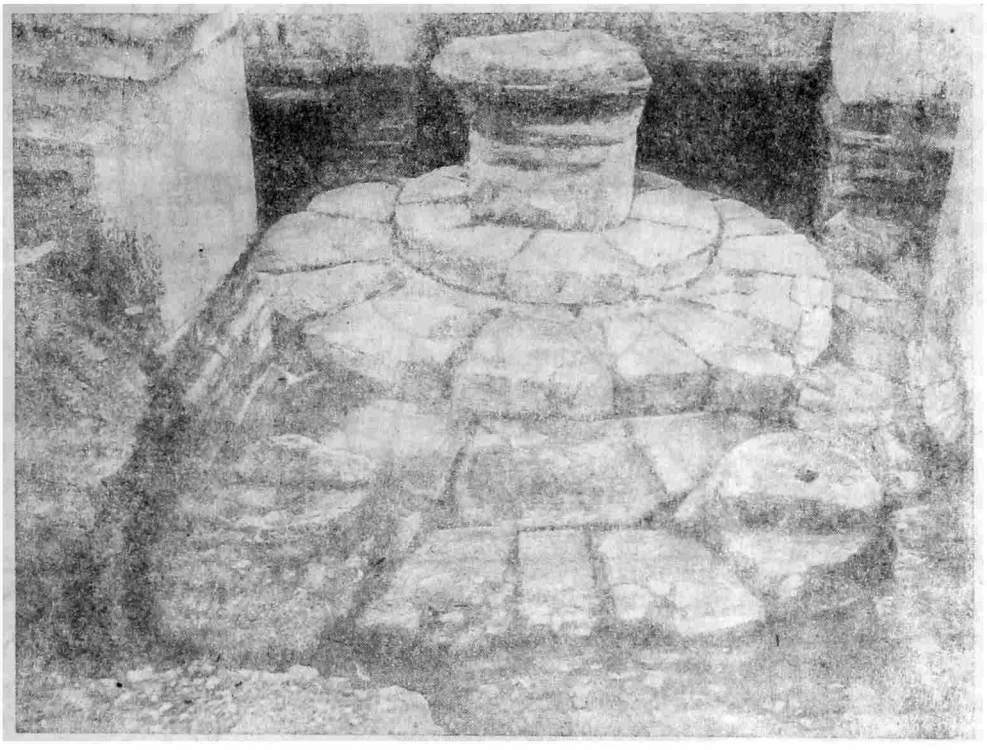


Рис. 16. Боголюбово. Общий вид остатков раскопанного кивория.

стильницю крестити воду на святое Богоявление...» [2]. «Царские двери» данного отрывка, конечно, не алтарные «царские врата», а главный вход в церковь, предваряемый иногда притвором или папертью. И. Срезневский ссылается при данном толковании на памятники XII—XIII вв., современные интересующему нас тексту [3]. Судя по обработке золоченой медью, такими «царскими дверями», дворцового Боголюбовского собора был западный портал.

II

Если вопрос о назначении чаши и кивория над ней выясняется достаточно отчетливо, то вопрос о верхе кивория остается совершенно открытым.

Пролить прямой свет на данный вопрос мог бы большой сион московского Успенского собора, происходящий, как доказано П. Б. Юргенсо-

[1] Интересно, что в слое почвы, прикрывавшем нижнюю ступень подножия чаши, найдена медная копейка 1821 г. Возможно, что подножие было еще на поверхности земли в начале XIX в.: к этому времени нужно отнести и кирпичную вымостку, сделанную, очевидно, из материала обрушившегося шатра.

[2] ПСРЛ, II, стр. 845—846.

[3] И. Срезневский. Материалы для словаря, т. III, стр. 1434 и 1463.

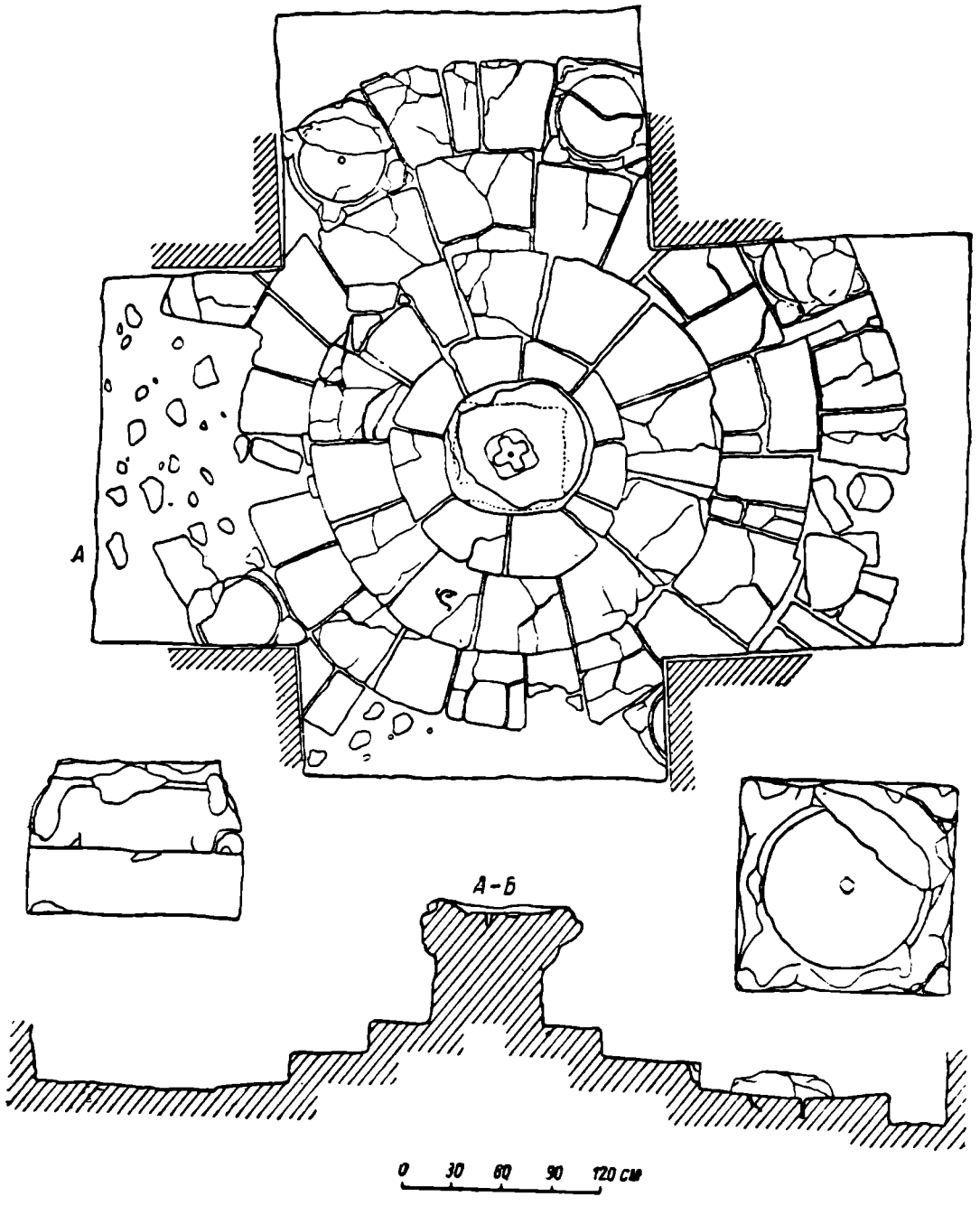


Рис. 17. Боголюбово. План и разрез кивория.

ном,[1] из состава древней драгоценной утвари, заказанной для андреевского Успенского собора во Владимире. Но он имеет переделанный в 1486 г. верх; нижняя круглая часть с 12 круглыми колонками находит себе монументальную параллель в кивории Боголюбовского замка[2];

[1] P. Juhrgenson. Romanische Einflüsse in der altrussischen Goldschmiedeplastik. Zeitschr. für bildende Kunst, 1928—1929, № 10.

[2] Весьма вероятно, что сион не случайно похож на боголюбовскую постройку, но воспроизводил ее. Ср. связь кивория главного алтаря Миланского собора (835 г.), воспроизведенного в кивории императора Арнульфа в церкви Эммерама в Регенсбурге (около 895 г.) (A. Michel, Histoire de l'Art, т. I, стр. 394, ст. E. Bertaux). Из русской практики прекрасным примером является факт воспроизведения форм верха собора Саввина-Сторожевского монастыря в Никоновском кадиле (1405 г.) Троицкой лавры (Н. И. Брунов. Собор Саввина-Сторожевского монастыря. Тр. Этн.-арх. музея I МГУ. М., 1926, стр. 19).

характерно, что над колонками сиона мы имеем не архитравное, но арочное перекрытие [1].

Поэтому вопрос о реконструкции верха кивория над чашей, а равно и о первоначальном покрытии сиона московского Успенского собора может быть решен лишь путем сопоставлений. Среди них первое место занимают алтарные кивории.

Обращаясь к аналогиям, прежде всего следует указать на алтарный киворий константинопольской Софии юстиниановского времени. Павел Силенциарий описывает его следующими словами: «Сверху же над золотым престолом стремится в высь невыразимо величественная башня, покоящаяся на четырех серебряных арках; поднимается же (она) серебряными столбами, на верхушке которых возвышается на серебряных подножиях четырехстворчатое покрытие (арка). Выше над арками возвышается она (башня) подобно конусу, но не совсем подобно (конусу), ибо снизу у края не определяется она правильной окружностью, но имеет восьмиугольное основание, от которого поднимается он (конус) вверх, не слишком утоньшаясь. Обтягивается же (он) восемью серебряными плитами, причем образуется как бы гармонично соединенный длинный вытянутый стан (хребет). Упомянутые же плиты возвышаются треугольником, каждая следуя своему пути, пока не соединяются все восемь в одну искомую крайнюю вершину (конуса), где искусством (мастера) поставлено изображение кратира» [2]. Перед нами, несомненно, покрытие кивория восьмигранным высоким шатром, грани которого сделаны из серебряных плит [3]. Таким образом понимает текст Силенциария и Holtzinger: «Четыре серебряных колонны, связанные также серебряными арками, несли восьмигранную крутую пирамидальную кровлю...» [4]. Киворий вошел в обиход христианской церкви в IV в. [5], постановка же фиалов или чаш перед западными фасадами базилик ведет свое начало от раннехристианских купелей, или «канфар», помещавшихся в атриуме и служивших, в частности, как крещальня [6]. Крутое пирамидальное покрытие киториев устойчиво держится до XII в. и в византийском и в западноевропейском искусстве, но с этого времени в Византии оно сменяется купольным, которое предпочитается пирамидальному [7]. F. Kraus подчеркнул, что это наблюдение Holtzinger относится только к византийскому искусству [8] и что развитие шатрового кивория продолжается на Западе и значительно позднее [9]. Образцы ки-

---

[1] Новгородский сион Софийской ризницы, являющийся скорее всего произведением византийских ювелиров, дает куполообразный верх (Н. В. Покровский. Древняя ризница новгородского Софийского собора. Тр. XV Археол. съезда, т. I).

[2] Приведенным переводом я обязан М. А. Тихановой. Ср. перевод в «Богословской энциклопедии» (т. IX, стр. 573) и перевод Лашкарева (Киворий, как отличительная архитектурная принадлежность алтаря в древних церквах. Церк. арх. очерки, стр. 194—195).

[3] Ср. приведенные ниже данные о «тереме» над гробами Бориса и Глеба в Вышгороде из тех же «серебряных досок».

[4] H. Holtzinger. Die altchristliche Architectur in systematischer Darstellung. Stuttgart, 1889, стр. 142—143.

[5] H. Leclercq. Ciborium. Dictionnaire d'archéologie chrétiennne et de liturgie, par dom F. Cabrol, т. III, ч. II. Paris, 1914, стр. 1589.

[6] К. О. Гартман. История архитектуры, I, Изогиз, 1936, стр. 105—106.

[7] H. Holtzinger, ук. соч., стр. 133—145.

[8] F. Kraus. Geschichte der christlichen Kunst, т. I, 1896, Freiburg, стр. 372—374.

[9] Там же, т. II, стр. 462—464. См. также замечания В. Н. Щепкина в статье «Художественное значение так называемого трона Мономаха в московском Успенском соборе» (Отчет Исторического музея за 1907 г., прилож., стр. 71 и сл., особенно стр. 75). Ср. И. А. Мансветов. Художественные и бытовые данные в славянском списке летописи Г. Амартола. Тр. V Археол. съезда, стр. 165.

вориев в архитектуре раннего средневековья на Западе и отчасти в романской архитектуре достаточно известны; большинство их утеряло верх, делавшийся, вероятно, из ценных материалов или дорогих пород дерева, однако сомнений в их шатровой форме не возникает [1]. Характерно, что даже при квадратном плане кивория с 4 колоннами верх делается восьмигранным; таков, например, киворий IX в. из церкви Проспера в Музее Перуджии [2]. Форма шатрового кивория применяется не только к алтарной сени, но и к свободно стоящим постройкам, например, фонтанам: так, четырехколонный киворий с шатровым верхом над фонтаном изображен на бронзовых дверях XI в. в Салерно. Образ восьмиколонного кивория с шатровым, увенчанным крестом, верхом над чашей с освященной водой, или фонтаном, в символике каролингской миниатюры передает идею «источника жизни»; такова, например, миниатюра-Суассонского Евангелия (Парижской нац. библ. № 8850) [3].

Киворий Константинопольской Софии, описанный П. Силенциарием, существовал до XIII в; его видели русские паломники, и он был хорошо известен [4]. Данный тип сооружения, характерной чертой которого являлась коническая круглая или граненая форма шатрового покрытия, был знаком русским и по другим примерам и выступает в источниках под названием «теремца» (аналогичным «сеням») [5]. Таковы, например, характеристики, даваемые паломниками некоторым иерусалимским зданиям. Даниил-игумен пишет: «верху же над пещеркою сделан яко теремець красен на столпех верху кругл», или «посреди того двора есть создан аки теремець кругло [6]. Более поздние русские паломники в Иерусалиме также не оставляют сомнений в содержании слова «теремець». Речь идет о верхе особой формы; так, у Коробейникова (1593—1594) «а верх у приделца над гробом господним аки теремец от мрамора» [7]; по Варсонофию (1456 и 1461): у храма гроба господня «есть другий придел о 4 стенах невеликих... и над тем же покрыто яко теремець, побит свинцом и подписан мусиею», «около стопы Христовы обмуровано, яко как теремець островерх [8]. «Теремцом» называлось шатровое покрытие храма гроба господня в Иерусалиме; эта ассоциация закрепилась и

---

[1] Например, киворий церкви Георгия в Вальполичелле (712 г.), по мнению Каттанео, «несомненно завершался восьмигранным верхом» (R. Cattaneo. L'Architecture en Italie. Venise, 1890, стр. 90). См. также восьмигранный баптистерий Каллиста в Чивидале (737 г) и четырехколонный киворий Элевкадия в базилике Аполинария во флоте в Равенне (807—812 гг). (Venturi. Storia, т. II, рис. 104 и 130; Leclercq, ук. соч., рис. 2929). Из позднейших — алтарь креста в Марке Венецианском (X в.) (F. Ongania (edit.). Basilica di san Marko in Venezia, Venezia, 1881, Port. II, № 14).

[2] H. Holtzinger, ук. соч., стр. 145.— Leclercq, ук. соч., стр. 1610, рис. 2930.

[3] E. Kraus, ук. соч., т. II, стр. 69—70, рис. 41.

[4] ПСРЛ, VII, стр. 110—111.— Leclercq, ук. соч., стр. 1605. См. также описание кивория в путешествии новгородского архиеп. Антония (Добрыни Ядрейковича); Ф. И. Буслаев. Русская хрестоматия. Изд. 7, стр. 107; И. И. Срезневский. София Царьградская по описанию русского паломника конца XII в. в Тр. III Археол. съезда, стр. 101—102.

[5] В древнем русском языке палатка-шатер передается, в частности, термином «сень»; «сенью» же называлось покрытие «на 4 столпах», «род балдахина» (И. Срезневский. Материалы, т. III, стр. 897).

[6] И. Срезневский. Материалы, т. III, стр. 951.

[7] Хождение Трифона Коробейникова. Палестинск. сборн., вып. 27, 1888, стр. 10.

[8] Хождение инока Варсонофия. Там же, т. XV, вып. 3, 1896, стр. 3 и 8. Ср. «над гробом же господним большая церковь есть, верх у ней пол» (ПСРЛ, XI, 105).

в миниатюре; так иллюстратор Хлудовской псалтыри изображает гроб господень в виде шатрового столпа [1].

Изобразительный комментарий к описанным паломниками сооружениям типа «теремцов»-киворий дают памятники древнерусской живописи и миниатюра. Так, в мозаичной Евхаристии Киево-Софийского собора над престолом изображена сень — киворий с пирамидальным верхом. Но наиболее интересно изображение кивория в алтарной росписи «божницы» Юрия Долгорукого в его Остерском городце, относящейся, очевидно, к 50-м годам XII в. Н. Макаренко пишет: «Сквозь слой зеленой краски, покрывающей крышу кивория, легко усматриваются три прямых линии, направляющиеся от углов сени к одной центральной точке, расположенной выше полукупольного покрытия, образующих, таким образом, как бы шатровое покрытие, какое мы видим, например, в ближайшем по месту памятнике — мозаике Киево-Софийского собора» [2]. Исследователь отметил также странность данного кивория; он представлен не четырехколонным, а может быть шестиколонным; Макаренко считает, что шатер был нарисован первоначально, а затем, при поновлении росписи в 1195 г., заменен полукруглым покрытием [3] На примере этого памятника мы видим с несомненностью двойственность в понимании покрытия «теремцом»; оно или полукруглое или шатровое. Очень характерно, что это противоречие отразилось в росписях здания, имевшего деревянный верх («верх бяще нарублен деревом»). Не следует ли связывать недоразумения с киворием алтарной росписи с покрытием здания четырехгранной шатрообразной кровлей? [4].

Многочисленны изображения шатровых киворий в миниатюрах славянской Хлудовской псалтири второй половины XIII в. [5] и рукописи тверского Амартола [6]. Особое значение имеют изображения кивория в миниатюрах Кенигсбергской летописи. Обратим внимание на одну (л. 159, оборот, верх): здесь изображен момент, когда, по смерти Мономаха, на киевском столе сел его сын Мстислав, а его брат Ярополк ушел в Переяславль. За Мстиславом, сидящим на «столе», изображен четырехколонный киворий с арочными перемычками, несущими пирамидальный шатровый верх. Киворий с купольным верхом изображен за княжеским местом на второй миниатюре (л. 159, об., низ.) и с двускатным верхом — на третьей миниатюре (л. 164, об., низ). Киворий здесь является как бы принадлежностью княжеского места. Нам представляется, что эта деталь изображения сыновей Мономаха может быть связана с тем «теремом серебряным», который Мономах поставил над гробом Бориса и Глеба в Вышгородской церкви. Остановимся на этом любопытном факте.

При перенесении в 1115 г. гробов Бориса и Глеба в новую каменную церковь в Вышгороде, между Давидом и Олегом Святославичами и Мономахом завязался спор: «Володимеру бо хотящю я поставити среди церкви и терем серебрен поставити над нима, а Давид и Олег хотяшета постависи я в комару идеже отець мои назнаменал на правой стороне идеже бяста устроене комара има». Спор решили метаньем жре-

---

[1] Амфилохий. О славянской псалтири XIII—XIV в. Библ. Хлудова. Древн. МАО, III, вып. I.— Dehio und Bezold. Atlas. табл. 9. фиг, 2; текст, т. I, стр. 36—37.

[2] Н. Макаренко. Древнейший памятник искусства Переяславского княжества. Сборник в честь Уваровой. М. 1916, стр. 395.

[3] Там же, стр. 403. См. также: М. М. Макаренко. Старогородська «божниця» та ii малювання. Сб. «Чернигів і півн. лівібережжя». Киев. 1928.

[4] Ср. В. Зуммер. Юріева божниця. Зап. іст.-фил. відділу УАН, кн. XV, стр. 4.

[5] А. И. Успенский. Очерки по истории русского искусства, т. I, М., 1910. табл. LI, LVIII, LXII. Здесь есть кивории и с купольным верхом.

[6] Мансветов, ук. соч., стр. 165.

бия, павшего на предложение Святославичей, а гробы Бориса и Глеба были поставлены в комаре [1]. «Терем» был тем не менее сделан и вызвал большое восхищение видевших его: «яко не могу сказати оного ухыщьрениа, по достоянию довольне, яко многим приходящим от Грек и инехь земель глаголати: нигде же сицея красоты бысть, а многих святых ракы видели есмы» [2]. Каков был этот терем, разъясняет тот же источник: «(Владимир) над святыима гробома исковав бо сребрьныя дъскы и святыя по ним издражав и позолотив покова, вор же серебръмь и золотъмь, с хрустальными великыими разнизании устрои, имуть врьху по обилу злато, светильна позолочена и на них свеще горяще устрои въину...» [3]. «Искование» серебряных «досок» указывает на граненую форму терема, украшенного по граням чеканными или рельефными изображениями Бориса и Глеба. Несомненно, что этот «терем» имел форму шатра [4].

Несомненно, что шатровые алтарные кивории существовали и в русской архитектуре. П. А. Лашкарев указывал на наличие киворнев в киевских храмах XI в. [5]. Летопись описывает киворий церкви Ивана в Холме: «входящи во олтарь стояста два столпа от цела камени и на нею комара и выспрь же верх украшен звездами златыми на лазури, внутренний же ей помост бе слит от меди и от олова чиста яко блещатися яко зерчалу...» [6].

Аналогичен киворию термин «кивот» [7]. Так, правнук исцеленного (в конце XI в.) Олимпием Печерским прокаженного богача (т. е. уже в середине или второй половине XII в.) в память этого «окова кивот златом над святою трапезою» в Печерском соборе [8]. Кивоты известны в ростовском Успенском соборе (два кивота, поставленные в 1231 г. епископом Кириллом) [9], в Успенском соборе во Владимире (еп. Митрофан, 1237 г.) [10], в новгородской Софии (Нифонт, 1156 г.) [11] и др. Киворий под названием «сени» известен и в самом Боголюбовском дворцовом соборе: «бяшеть же и сень златом украшена от верха и до деисиса и всею добродетелью церковьною исполнена изьмечтана всею хытростью» [12]. Боголюбовская алтарная «сень» также едва ли не была камен-

---

[1] ПСРЛ, II, стр. 280—281.

[2] И. И. Срезневский. Сказания о Борисе и Глебе, стр. 85.

[3] Там же, стр. 14.— А. А. Шахматов и П. А. Лавров. Сборник Московского Успенского собора XII в. М., 1899, вып. I, стр. 38.

[4] Ср. киворий Эммерама в Регенсбурге с шатровым верхом, несущим на гранях рельефные фигуры святых (H. Stephani. Der älteste deutsche Wohnbau, Lpz., 1903, т. II, стр. 357, рис. 175). Д. В. Айналов называет вышгородский терем «киворием» (Очерки и заметки по истории древнерусского искусства. ИОРЯС, т. XV, кн. III, стр. 6). Ср. толкование тех же текстов в статье Д. В. Айналова Судьба Киевского художественного наследия (ЗОРСА, XII, 1918, стр. 34 и сл.).

[5] П. А. Лашкарев. Киевская архитектура X—XII в. Тр. III Археол. съезда, т. I, стр. 282.

[6] ПСРЛ, II, стр. 843. В приведенной цитате собственное имя описываемого сооружения не названо, однако, судя по описанию и местоимению «ей» — «ее», едва ли можно сомневаться, что речь идет о надалтарной «сени», видимо примыкавшей к стене абсиды (исходя из указанного количества колонн); «выспрь же верх», несомненно, выражает шатровый верх сени, украшенный золочеными звездами. Небольшая вызолоченная звездочка, найденная при раскопках дворцового собора в Боголюбове, может относиться к описываемой летописью сени в алтаре, пол которого, как и пол храма, был, как в Холме, «слит от меди».

[7] П. А. Лашкарев. Киворий как отличительная архитектурная принадлежность алтаря в древних церквах. Церк. арх. очерки, стр. 196. Ср. в «Хождении инока Варсонофия» (стр. 3).

[8] Киево-печерский патерик, стр. 122.

[9] ПСРЛ, I, стр. 195.

[10] Там же, стр. 196.

[11] ПСРЛ, III, стр. 12

[12] ПСРЛ, II, стр. 581—582; Лашкарев, ук. соч., стр. 203.

ным киворием, обитым золоченой медью, деисус внизу «сени» мог быть резным из камня [1].

Интересно, что в тверской архитектуре позднейшего времени, прочно державшейся владимирской художественной традиции, известны каменные алтарные кивории. Так, в соборе архангела Михаила в Старице (1396—1399), открытом раскопками 1903 г., был четырехколонный белокаменный киворий [2]. Едва ли не усилившимся в XV в. интересом к владимирскому художественному наследию вызвана постройка в 1410 г. новгородским владыкой Иваном «каменного теремца, идеже воду свящают на кийждо месяць» [3].

Раскопками удалось установить, что боголюбовский надворный киворий XII в. разрушился в XVII в. и что сразу же был построен кирпичный «святой шатер», осенивший, очевидно, почитавшуюся чашу, которая была тогда же реставрирована [4]. Естественно думать, что новая постройка пыталась своим восьмигранным шатровым верхом в известной мере напомнить разрушившуюся древнюю «сень». Византийская купольная форма кивория, использованная для монастырских «фиалов» (крестильниц, или «водосвятниц», по Барскому), нашла значительно позднее особое распространение в афонских монастырях [5]. Эти «фиалы» располагаются обычно на монастырском дворе и относятся к XVI—XVII в. Например, Ксиропотамский построен в 1500 г. молдавским господарем [6], Хиландарский сооружен не ранее XVII в. [7]. Характерно, что боголюбовский «фиал» XVII в. после обрушения шатра реставрировали с фальшивым купольным верхом, явно подражая «святой горе», но он сохранил свое традиционное название «святой шатер», свидетельствующее об исконной форме его «покрытия» [8]. Напомним, что и большой сион московского Успенского собора, возможно, имел шатровое покрытие, подражая своему монументальному двойнику.

III

Приведенные сопоставления показывают, думается, с полной убедительностью, что и отдельно стоящий каменный киворий на дворе Боголюбовского замка имел шатровое завершение. Однако подчеркнем, что если сохранившееся основание кивория и найденные фрагменты позволяют с достаточной точностью представить себе его вид до капителей колонн, то его верх не представлен ни одной вещественной деталью.

---

[1] Ср. статуи Христа с апостолами и ангелами на кивории IV в. в Латеранской базилике (L e c l e r c q, ук. соч., стр. 1589).

[2] Архив ИИМК, фонд Археол. комиссии. 1903.

[3] ПСРЛ, IV, стр. 112; XI, стр. 215.

[4] Раскопки показали, что кирпичный шатер был богато убран рельефными поливными зелеными изразцами, преимущественно исторического содержания (Бова-королевич и пр.); в обработке верха применены были и белокаменные детали — карниз, может быть ребра шатра.

[5] N. B r o c k h a u s. Die Kunst in den Athoc-Klöstern. Lpz. 1891, стр. 86—87, табл. 6—8.

[6] Н. П. К о н д а к о в. Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902, стр. 34.

[7] Там же, стр. 36. Любопытна привычность подобного образа, отраженная, например, в деревянной резной швейке Московского кустарного музея (Н. С о б о л е в. Русская народная резьба по дереву. Academia, 1934, рис. 241).

[8] Не лишено вероятия, что именно шатровая форма древнего покрытия кивория дала повод к местной легенде, что чаша будто бы была поставлена князем на том месте, где стоял его «шатер», в котором и происходило чудесное «явление» князю Богородицы (М. Т о л с т о й. Путевые письма... М., 1869, стр. 135). Отметим попутно редко встречающийся в древних памятниках термин «киверь», который Аристов отождествляет с представлением об остроконечной высокой шапке (Н. А р и с т о в. Промышленность древней Руси. СПб., 1866, стр. 142).

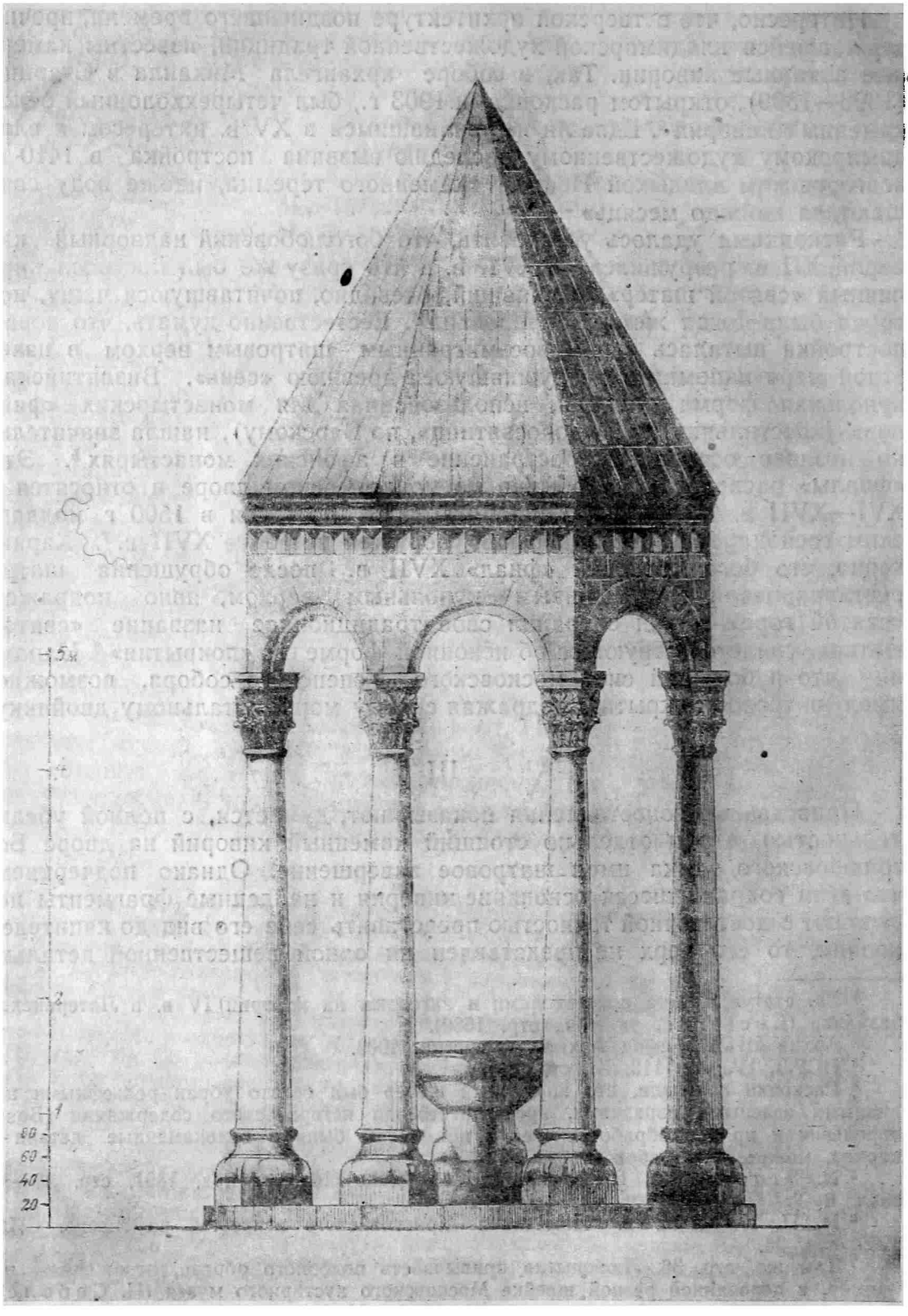


Рис. 18. Боголюбово. Реконструкция кивория.

Исходя из приведенных выше аналогий, можно, кажется, не сомневаться, что капители несли не прямой архитрав, а соединялись полуциркульными арками; полуциркульная форма завершения членений фасадов во владимиро-суздальской церковной архитектуре не имеет исключений; большой сион московского Успенского собора дает также ряд арочек на колоннах, образующих гранное основание верха. Представленная в нашей реконструкции (рис. 18) [1] часть между арками и

Рис. 19. Боголюбово. Знак мастера.

шатром введена нами по аналогии с приведенными выше примерами киворий, неизменно имеющих прямое основание шатра; поребрик и карниз допущены нами, учитывая применение этой декоративной формы в башне и переходах [2]. Капители, несущие арки, сделаны пятигранными, что диктовалось целесообразностью их сочетания с углами восьмигранника [3]. То обстоятельство, что раскопки на значительной площади вокруг киворий не принесли никаких данных для реконструкции шатра, может указывать, что шатер был не каменным, а стропильным, что мы

[1] Реконструкция сделана по моим указаниям архит. Г. К. Патрикеевым при консультации проф. Н. Б. Бакланова.

[2] Эта часть киворий могла иметь резные рельефы, но мы отказались от догадок в этом плане.

[3] Ср. поздний (XIV—XV вв.) киворий собора в Арбе (Далмация). R. Edelberg. Die mittelalterlichen Kunstdenkmäler Dalmatiens.. Jahrb. der K.-k. Central-Kommission, 1861, стр. 145, табл. *I*.

полагаем вероятным и для шатра лестничной башни дворца. Пропорции колонн кивория установлены, исходя из пропорций колонок фризов андреевских построек, также утоньшающихся кверху.

Памятник принадлежит тем же мастерам, которые строили и собор; об этом свидетельствует единство техники и формы. Так база сохранила четырехгранную выемку от металлического штыря или свинцовой заливки, укреплявших отдельные камни колонн; обломки такого камня, найденные в юго-восточном секторе, показывают, что металл проходил блоки фуста насквозь. Это та же техника металлических креплений, что и в дворцовом боголюбовском соборе. Форма романских баз вполне тождественна соборным. Более того, знак мастера, вырезанный на камне пьедестала (рис. 19), вполне тождественный со знаком мастера, найденным на камне Золотых ворот, показывает единство строительных кадров за все время и во всех пунктах строительства князя Андрея.

Точно датировать памятник не представляется возможным, однако вероятно, что он относится к концу строительства в Боголюбове, когда основные здания ансамбля были уже готовы и можно было приступить к более мелким постройкам.

Памятники Боголюбовского замка — лестничная башня и киворий над чашей позволяют, таким образом, утверждать, что в строительстве Андрея Боголюбского существенным элементом является шатровая форма покрытия: четырехгранная (башня) [1] и весьмигранная (киворий).

Н. Н. Воронин

---

[1] Об этом мы говорим в специальном исследовании. Его материал частично приведен в нашей статье в «Кратких сообщениях ИИМК», вып. XI, стр. 83—86.

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
вып. XIII ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1946 год

ДВА НОВЫХ ПАМЯТНИКА РУССКОЙ СТАНКОВОЙ ЖИВОПИСИ XII—XIII ВВ.

(*К истории иконостаса*)

В 1936 г. в реставрационную мастерскую Государственной Третьяковской Галлереи были переданы из московского Успенского собора два оглавных Деисуса (рис. 22 и 23). Эти замечательные иконы лишь мельком упоминаются И. М. Снегиревым [1], И. Э. Грабарем [2] и А. И. Некрасовым [3]. Н. П. Кондаков опубликовал Деисус с Еммануилом, приписав его XVI в. [4]. Такая поздняя датировка объясняется тем, что икона скрывалась под слоем позднейших записей. После того как И. А. Баранов произвел со свойственным ему искусством расчистку обеих икон, их принадлежность к домонгольской эпохе сделалась совершенно очевидной. Тем самым немногочисленный круг памятников русской станковой живописи XII—XIII вв. обогатился двумя выдающимися произведениями, значение которых далеко не исчерпывается их художественными достоинствами: иконы представляют большой интерес как в историческом, так и в чисто иконографическом плане. Поскольку они могут быть связаны с владимиро-суздальской школой, постольку они бросают яркий свет на один из самых ранних этапов в ее развитии; поскольку они являются первичной ячейкой будущего иконостаса, постольку они помогают установить его истоки на русской почве.

Оба Деисуса, которые совершенно случайно оказались объединенными в Успенском соборе, попали сюда вероятнее всего из Владимира, в числе других привезенных для обновления икон [5]. Деисус со Спасом-Еммануилом расположен был над северными вратами, Деисус со Спасителем — над гробницей митрополита Филиппа II.

В художественном отношении первая из этих вещей намного превосходит вторую (рис. 22 и 24). К тому же она гораздо лучше сохранилась. На иконе представлены полуфигуры юного Христа и двух скло-

[1] И. Снегирев. Успенский собор, Москва, 1856, стр. 18. И. М. Снегирев приписывает «Деисус» с Еммануилом новгородской школе XV—XVI вв.

[2] И. Грабарь. Андрей Рублев, Вопросы реставрации, I, 1926, стр. 52. «Деисус» со Спасителем И. Э. Грабарь относит к XII в.

[3] А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство, Москва, 1937, стр. 49.

[4] Н. Кондаков. Лицевой иконописный подлинник. Том I. Иконография Иисуса Христа, СПб. 1905, стр. 80.

[5] В 1518 г. в Москву были доставлены из Владимира иконы Спаса-Вседержителя и Богородицы «на устроение и поновление, многими леты обветшавша». Иконы были обновлены митрополитом Варлаамом. Вполне возможно, что тогда же попали в Москву и оба оглавных «Деисуса». См. Софийская вторая летопись под 7026 (1518) г. и Воскресенская летопись под тем же годом.

ненных к нему ангелов [1]. Ангельские лики, благородные и строгие, полны печали, лицо Христа выдается своей суровостью. Вся сила психологического выражения сосредоточена в больших глазах, как бы гипнотизирующих зрителя. Это возвышенное, одухотворенное искусство дышит чисто византийским духом. К византийским традициям восходит и глубокая, насыщенная колористическая гамма, в которой все краски, напоминающие драгоценные эмали, подобраны с отменным вкусом: одеяние левого ангела — розовато-лиловое (с белильной подготовкой), гиматий — темносиний, хитон правого ангела — беловато-синий, гиматий — розовато-лиловый, украшающие синие головные ленты драгоценные камни — красные, хитон Христа — золотисто-коричневый с золотыми асистами. Волосы Еммануила и ангелов — светлокоричневые; они разделаны не золотом, а темнокоричневыми волнистыми линиями. Все лица писаны по темному густому санкирю. Некогда золотой фон почти целиком утрачен. Тем не менее икона хорошо сохранилась. Выпады имеются лишь в нижней части фигур (зондаж показал, что здесь ничего не дошло от старой живописи). Новый левкас лежит в виде узкой ленты, несколько расширяющейся влево (на фотографии довольно ясно видна граница между старой, более светлой живописью, и новой — более темной). На широких полях иконы, удержавших свою первоначальную форму, имеются насечки, которые обычно делались для того, чтобы лучше держался левкас. Утрата последнего обнажила доску, а вместе с нею и насечки.

Среди всех раскрытых за последнее время икон домонгольской эпохи, Деисус с Еммануилом является едва ли не самым византийским по своему характеру. В этом плане он родственен оглавному «Архангелу» из Русского музея. Но даже эта икона не может сравняться по строгости чисто византийского строя форм с «Деисусом» из Успенского собора. Тонкие ангельские лики с мягким овалом, с изогнутыми «комниновскими» носами, с миндалевидным разрезом глаз, с бесплотными губами, равно как и не по летам серьезное, полное сосредоточенности лицо юного Христа содержат так много греческого, что икону невольно хочется приписать византийскому мастеру. Лики ангелов находят себе ближайшие стилистические аналогии в вышедших из Константинопольской школы мозаиках Чефалу (архангелы, рис. 20) [2] и на исполненной в Царьграде миниатюре парижского кодекса Иоанна Златоуста (Coislin 79, л. 2 об., архангел Михаил) [3]. Но особенно близки к ангелам «Деисуса» ангелы большого и малого сводов Дмитриевского собора во Владимире (голова южного склона большого свода, голова седьмого ангела слева во втором ряду, на северном склоне этого же свода, голова правого трубящего ангела в малом своде, рис. 25) [4]. Эти аналогии, подкрепляемые сходством Еммануила с символизирующими души праведников детьми из сцены «Рая», которые украшают малый свод того же Дмитриевского собора [5], настолько убедительны, что они позволяют связать Деисус с мастерской, исполнившей Дмитриевские фрески. Деисус должен был быть написан на протяжении 90-х годов

---

[1] Размер иконы 1.28 × 0.71 м. Н. Е. Мнева любезно сообщила мне ряд данных о состоянии сохранности и колорите обоих «Деисусов», за что я приношу ей мою благодарность.

[2] V. Lasareff. The Mosaics of Cefalù, Art Bulletin, 1935 (XVII), рис. 1, 4 и 7. Ср. также фот. Luce 4756.

[3] H. Omont. Miniatures des plus anciens manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale du VI au XIV siècle, Paris, 1929, табл. LXIV.

[4] I. Grabar. Die Freskomalerei der Dimitrij Kathedrale in Wladimir, Berlin, 1926, табл. XI, XXXIV, LXIII.

[5] Там же, табл. XLVII.

XII в. либо одним из заезжих греческих мастеров, либо одним из их одаренных русских выученников. Вопрос о том, кому именно принадлежит Деисус — византийскому художнику или его русскому ученику, решить очень трудно, так как помогавшие греческим мастерам русские живописцы часто настолько органически усваивали византийский стиль,

Рис. 20. Голова архангела Рафаила. Мозаика собора в Чефалу.

что почти нет возможности провести четкую демаркационную линию между их работами. Картину такого тесного сотрудничества особенно наглядно являют росписи Дмитриевского собора. Вот почему будет осторожнее приписать Деисус той греко-русской мастерской, которая расписала Дмитриевский собор, не предрешая пока вопроса о национальности его автора. Эта мастерская была одним из самых мощных рассадников византийских форм на Руси, и ей суждено было сыграть

большую роль в истории древнерусского искусства. Великий Рублев изучал ее совершенные творения, из которых он почерпнул много свежих творческих импульсов.

Как владимиро-суздальскую работу я склонен рассматривать и второй оглавной Деисус, попавший в Третьяковскую Галлерею из того же Успенского собора [1]. Стилистически он не обнаруживает никакого сходства с первым «Деисусом». На иконе, имеющей еще более вытянутую форму, представлен Спаситель между Богоматерью и Иоанном Предтечей. В отличие от иконы с Еммануилом и ангелом, лики лишены тонкой одухотворенности и подчеркнутого аристократизма, исполнение их обнаруживает руку менее искусного мастера, работавшего в довольно архаической манере. Стиль этой иконы, возникшей, вероятно, в первой трети XIII в., стоит особняком среди произведений древнерусской живописи. В нем чувствуются какие-то далекие балканские отголоски. Лица трактованы очень плоско (это впечатление еще более усиливается из-за утраты верхних красочных слоев), нос, рот, глаза очерчены тяжелыми, резкими линиями; восточный тип Крестителя указывает на использование не константинопольских, а провинциальных восточных образцов. Ближайшую стилистическую аналогию для этого лика Предтечи мы находим в росписях главной апсиды пещерного храма св. Саввы (Кирк-Батал) под Трапезундом [2]. Лик Спасителя отдаленно напоминает голову Димитрия Солунского на знаменитой иконе из собора города Дмитрова [3]. Для очень своеобразного лица Богоматери я не знаю ни одной близкой стилистической параллели. Колорит иконы выдержан в плотных, сумрачных тонах: мафорий Богоматери темновишневого тона, кайма мафория украшена золотым асистом, чепец синий, на Спасителе — темного вишневого цвета хитон с наброшенным поверх его темнозеленым, почти черным гиматием, на Крестителе — такого же тона власяница. Вследствие утраты верхних красочных слоев в лицах Христа и Крестителя очень сильно выступил темный санкирь. Лицо Богоматери сохранилось несколько лучше, но и оно основательно смыто. Все высветления даны в розовато-беловатом тоне, поверх которого положены подрумянки; губы Марии имеют красноватый оттенок. Коричневые волосы Христа и Крестителя разделаны тонкими охряными нитями. От былого золотого фона сохранились лишь незначительные остатки. Стиль иконы занимает совершенно обособленное место среди памятников как византийской, так и русской станковой живописи, поэтому крайне трудно решить вопрос о национальности исполнившего ее мастера. Но я все же склонен приписать Деисус местному владимиро-суздальскому художнику, вероятно использовавшему балканские образцы. За это говорит тот архаический строй иконы, который совершенно не характерен для произведений столичного константинопольского круга.

Оба Деисуса из Успенского собора имеют необычную для икон форму — это очень широкие и сравнительно невысокие доски. Невольно создается впечатление, что они были расположены в виде украшений над какими-то дверьми. Действительно, есть все основания думать, что эти иконы входили в состав алтарной преграды, являясь той первичной ячейкой, из которой развился позднейший иконостас (рис. 21).

---

[1] Размер иконы 1.46 × 0.61 м.

[2] G. Millet and D. Talbot Rice. Byzantine Painting at Trebizond, London, 1936, табл. XXXIII, 2. Ср. также миниатюру с изображением «Крещения» из Евангелия в Руссике (№ 2) и мозаики Хозиос Лукас и Софии Киевской (Предтечи из «Деисуса»).

[3] А. Анисимов. Домонгольский период древнерусской живописи. Вопросы реставрации, II, 1928, стр. 138—139.

Такая форма иконы была занесена на Русь, вне всякого сомнения, из Византии, и только по чистой случайности до настоящего времени не были открыты на византийской почве подобные памятники.

В византийских храмах отсутствовал столь распространенный в русских церквах иконостас[1]. Его заменяла простая алтарная преграда, повидимому, восходившая к тем решеткам, которые в античных базиликах ограждали помещения судей и их писцов. Ранние алтарные преграды были очень низкими, так что на них можно было облокачиваться. Их делали из дерева или из камня, и представляли они собой

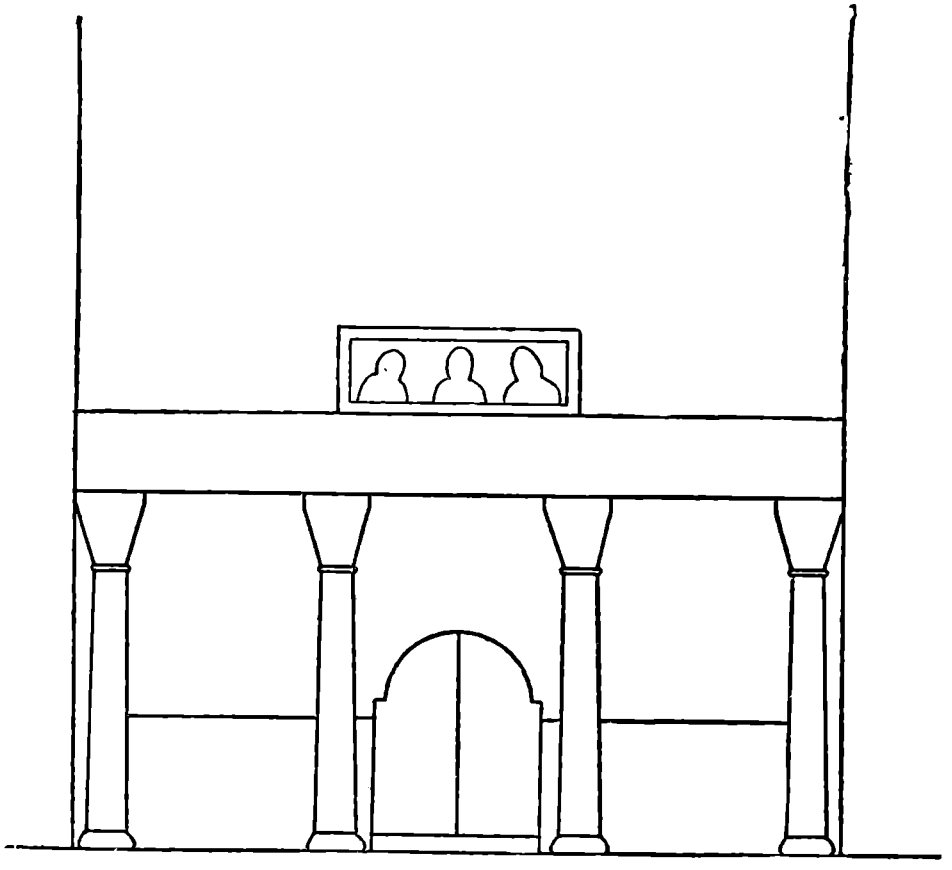


Рис. 21. Схема алтарной преграды с иконой Деисуса.

либо глухую стенку, либо балюстраду, состоявшую из изящных точеных балясин. Первая форма преграды привилась на Востоке, вторая — на Западе. Существовали также алтарные преграды в виде ряда колонн, которые несли архитрав. На Западе алтарная преграда не получила развития и в дальнейшем совсем отпала, на Востоке же, наоборот, она начала усложняться и превратилась постепенно в иконостас.

Уже император Юстиниан усложнил форму преграды (двенадцать колонн по числу апостолов, три входа, рельефные украшения на антаблементе под архитравом). Покоящийся на колоннах архитрав греки

[1] Об иконостасе см. Е. Голубинский. История русской церкви, 1, 2, Москва, 1904, стр. 195—215; В. Konstantynowicz. Ikonostasis. Studien und Forschungen, I, Lwow, 1939. В фундаментальной работе Константиновича, к сожалению, совершенно не учтены все новые открытия, сделанные за революционные годы в области древнерусской живописи. Нельзя писать историю иконостаса без тщательного учета тех новшеств, которые нашли место на русской почве в XIV—XV вв. Именно на Руси сложилась развитая форма иконостаса, которая была занесена от нас к южным славянам.

называли космитисом (κοσμίτης)[1]. Этот архитрав, или космитис, и явился, строго говоря, началом иконостаса. Первоначально на нем высекали крест, либо на него ставили крест. Византийский император Василий Македонянин (867—886) приказал украсить архитрав изображением Спасителя. Позднее иконы Христа начали ставить на архитрав[2]. Они писались на отдельной доске, размер которой зависел от количества изображений. Чем их было больше, тем более вытянутую форму имела такая доска. Этот деревянный щит сохраняется у греков в их иконостасе до настоящего времени. Он называется темплон — τέμπλον, в просторечии τέμπλο (отсюда происходит русское название тябла). Повидимому, первоначально темплоном именовали сам архитрав, а позднее под ним стали подразумевать стоящий на нем щит с иконами. Название темплон удержалось у греков для обозначения всего иконостаса. Древние темплоны, представлявшие изображение Деисуса, помещались только на среднем прясле, где находились царские двери (рис. 21). Позднее темплоны начали расширяться, включая в себя ряд дополнительных полуфигур. Уже у византийцев появился под темплоном новый ряд икон, писанных на одной длинной доске, либо на отдельных досках. Ряд этот состоял из двенадцати икон месячных (лицевых святцев) и из икон двунадесятых праздников, получивших название поклонных[3]. Поклонными их называли потому, что икона текущего месяца и очередного праздника снималась со своего места и ставилась на аналой для поклонения. Иконы месячные начали применяться, как есть все основания думать, с эпохи Василия II Болгаробойцы (976—1025), по приказанию которого были составлены лицевые святцы (Менологий, т. е. пролог с лицевыми святцами). О поклонных иконах (αἱ προσκυνήσεις), расположенных под темплоном, упоминается в первый раз в уставе константинопольского монастыря τῆς Κεχαριτωμένης, построенного Ириной, супругой императора Алексея Комнина (1081—1118)[4]. Эти поклонные иконы не сразу сделались необходимой принадлежностью всех церквей, а долгое время находились лишь в некоторых из них. Только на более поздних этапах развития они стали неотъемлемой частью алтарной преграды.

У нас на Руси форма алтарной преграды (в древнерусских источниках преграда чаще всего именуется перегородой, либо заградой и оградой) была целиком перенята от византийцев. Но то, что греки называли темплоном, русские люди долгое время обозначали словом Деисус. Некоторые исследователи объясняют присвоение этого наименования темплону старым греческим обычаем делать на алтарных арках записи о построении церквей. Когда появились архитравы, эти записи начали делать на космитисе, под темплоном. Обычно они начинались словами: δέσις τοῦ δούλοῦ θεοῦ τοῦ δεῖνα , т. е. (сия церковь есть) моление раба Божия. Отсюда будто бы и возникло русское слово Деисус; фигурируя в записи на космитисе, оно стало затем применяться

---

[1] Константин Порфирородный называет этот архитрав наддверием (ὑπέρθυρον) и доской (δοκος). См. Scriptt. post Theophan, p. 200 sub. fin. и 203. Ср. Е. Голубинский, ук. соч., стр. 204.

[2] Симеон Солунский ставит икону Спасителя как будто непосредственно на архитрав. См. De Sacro templo, Migne, P.-G., т. 155, кол. 136, стр. 345.

[3] В Музее при монастыре св. Екатерины на Синае хранится такой недавно расчищенный темплон с двенадцатью праздниками, датируемый XII—XIII вв. Каждая сцена вписана в арочку. См. G. Sotiriou. Icones byzantines du monastère du Sinaï, Byzantion, XIV, 1939, стр. 327, табл. V. Повидимому, в состав праздничного темплона входили и две переданные из Русского музея в Эрмитаж греческие иконы XII в. На одной изображено «Сошествие во ад», на другой «Сошествие св. Духа».

[4] Ср. Е. Голубинский, ук. соч., стр. 210.

Рис. 22. Деисус с Еммануилом. ГТГ

Рис. 23. Деисус. ГТГ

Рис. 24. Голова левого ангела из Деисуса с Еммануилом. ГТГ

Рис. 25. Трубящий ангел. Из Дмитриевского собора во Владимире

для обозначения темплона[1]. Гораздо естественнее предположить, что это название произошло от главной и древнейшей иконы темплона, изображавшей Спасителя с предстоящими по сторонам Богоматерью и Предтечею. Сами греки называли такие иконы триморфом (τριμόρφιον, т. е. триобразие), но не исключена возможность, что в более древнее время они именовались Деисусами (происходит от слова δέησις, что значит моление), поскольку на этих иконах Богоматерь и Предтеча изображались в молитвенном, по отношению ко Христу, положении[2]. Подобные иконы помещались, как сказано, над центральной частью алтарной преграды, иначе говоря, над царскими дверьми. Именно такими иконами являются оба Деисуса из Успенского собора. То, что на одном из них Богоматерь и Предтеча заменены ангелами, отнюдь не нарушает основного «деисусного» строя композиции. Можно предполагать, что эти замечательные иконы послужили исходной точкой того длительного процесса, который завершился созданием в русских храмах развитой формы иконостаса.

Деисус воплощает идею заступничества: Богородица и Предтеча обращаются с молением к Спасителю, предстательствуя за род христианский; они выступают посредниками между Богом и людьми, они молят Христа о прощении грехов человеческих[3]. Не случайно среди «украшающих» эпитетов Божией Матери одно из видных мест занимает наименование «Надежда отчаявшихся» (это наименование было присвоено одному основанному в 1048 г. константинопольскому монастырю)[4]. Сделавшись неотъемлемой частью композиции «Страшного суда», Деисус получил широкий отклик в народной поэзии: в стихе о «Страшном суде» Богородица и Иван Предотеч (или Иван Богослов) умоляют Христа за людей; а в другом стихе упоминаются три гроба или три свечи, горящие перед теми же лицами. Сопоставление Предтечи с Богородицею как ходатаев обосновывается и древнейшими текстами литургий. Весьма показательно, что в популярнейшем на Руси апокрифе «Хождение Богородицы по мукам» Мария выступает центральным действующим лицом, которое вымаливает грешникам временное прекращение мук.

Иконы с изображением Деисуса были широко распространены в Византии. Уже Софроний Дамаскин, патриарх иерусалимский, упоминает в 629 г. большую икону, на которой были представлены Христос посредине, Богоматерь налево и Иоанн Креститель направо[5], т. е. икону-триморф, помещавшуюся обычно над царскими дверьми. По мнению С. А. Усова, иконы такого состава именовались Деисусом не потому, что Богоматерь и Предтеча изображались м о л я щ и м и с я (Деисус по-гречески означает моление или прощение), а потому, что они помещались в одном ряду с теми иконами, которым только м о л и л и с ь (в противоположность поклонным иконам, к которым прикладывались)[6]. Даже если данное толкование справедливо, идейный смысл композиции Деисуса не подлежит никакому сомнению — эта композиция символизирует идею милосердия. Вот почему она приобрела такую исключительную популярность на Руси, где христианство отличалось

---

[1] Ср. Е. Голубинский, ук. соч., стр. 211—212.

[2] См. А. Кирпичников. Деисус на Востоке и Западе и его литературные параллели, ЖМНП, 1893 (ССХС), ноябрь, стр. I.

[3] Ср. В. Сокол. Деисусный чин. Казанский музейный вестник, 1922, № 2, стр. 56—65.

[4] Н. Кондаков. Иконография Богоматери, II, стр. 315.

[5] А. Кирпичников, ук. соч., стр. 8.

[6] С. Усов. Сочинения, II, Москва 1892, стр. 138—143.

менее строгим и аскетическим характером, нежели в Византии, и где оно было проникнуто более гуманным духом.

Уже в Софии Киевской Деисус фигурирует над триумфальной аркой. Эта выполненная в мозаической технике композиция состоит из трех медальонов. Вероятно, она заменяла здесь отсутствовавший на алтарной преграде Деисус. Этот иконографический тип был довольно широко распространен в Киевской Руси, иначе мы не встречали бы его так часто на эмалях [1]. В Печерском Патерике рассказывается о том, как некий боголюбец, построивший домовую церковь, заказал для нее Алимпию пять больших икон Деисуса [2]. Поскольку последние были предназначены для украшения одной церкви, есть все основания думать, что в Патерике идет речь о такой деисусной композиции, которая уже распалась на пять отдельных частей. Применялись ли написанные на отдельных досках Деисусы в Киевской Руси, или они всплыли только в XIII в., когда сложилось основное ядро Печерского Патерика, в настоящее время не представляется возможным решить из-за отсутствия соответствующих памятников киевской станковой живописи.

Можно определенно утверждать, что нигде изображение Деисуса не пользовалось такой исключительной популярностью, как во Владимиро-Суздальской Руси [3]. Если Новгород любил украшать свои иконы Престолом Уготованным (так называемая «Этимасия»), то в Залесье предпочитали «Деисусный чин». Уже на иконе Боголюбской Богоматери встречается развитая деисусная композиция: полуфигура Христа дана здесь между полуфигурами Богородицы, Предтечи и двух ангелов. Над северным порталом Дмитриевского собора также находится Деисус, состоящий из трех полуфигур [4]. Но наиболее широкое применение этот иконографический тип нашел себе на стенах Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. Мы находим его здесь на восточной стене (голова Спаса между полуфигурами Богоматери и Предтечи) [5] и, в особенно развитой форме, на западной стене, где он украшал в свое время аркатурный фриз. На этой западной стене представлен был, строго говоря, деисусный чин, так как в его состав входили ныне разбросанные по всем фасадам фигуры Христа, Богоматери, Предтечи, архангелов и апостолов [6]. Это была сложная композиция, предвосхищавшая строгой центричностью своего построения позднейшие живописные решения. Наконец, деисусный чин с двумя архангелами фигурирует и на стенках колокольни [7]. Столь частое использование интересующей нас композиции на памятниках Владимиро-Суздальского круга наглядно говорит о том, что именно в Залесье, с его самобытным укладом жизни, начала впервые кристаллизоваться новая *русская* иконография, которая постепенно выделилась из византийской. Деисус был хорошо известен и византийцам, но лишь на русской почве он приобрел значение ведущего иконографического мотива, что нашло себе

---

[1] И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. V, СПб., 1897, рис. 191, 192—194; Собрание Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V, Киев, 1902, табл. XXXII; А. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. Ленинград, 1936, табл. IX.

[2] Патерик Киево-Печерского монастыря, под редакцией Д. И. Абрамовича, СПб., 1911. Памятники славяно-русской письменности, изд. Имп. Археогр. комиссией, II, стр. 123.

[3] Ср. M. Alpatov u. N. Brunov. Geschichte der altrussischen Kunst. Augsburg, 1932, стр. 291 (здесь приведены многочисленные примеры изображения «Деисуса» в русском искусстве XI—XIV вв.).

[4] А. Бобринский. Резной камень в России, вып. 1, Москва 1918, табл. 13, 2.

[5] Там же, табл. 31, 4.

[6] Там же, табл. 35, *4*, *37*, *2*, *3*, *38*, *3*, *4*.

[7] Там же, табл. 39, *6*, *7*.

наиболее яркое выражение в композиции иконостаса. В глазах русских людей Деисус одновременно воплощал и идею милосердия, и идею заступничества, и идею моления. Этот его глубокий нравственный смысл обеспечил ему широчайшую популярность на Руси.

Что живописные Деисусы были известны Владимиро-Суздальской Руси, это доказывают два летописных свидетельства. В Ипатьевской летописи под 6683 (1175) г., сообщается, что в Рождественской боголюбовской церкви Андрей устроил сень или навес: «бящеть же и сень златом украшена от верха и до Деисуса». Е. Е. Голубинский так расшифровывает эти слова: Андрей возвел «сень или навес под алтарной аркой от верха и до деисуса; следовательно иконы были в арке и от них до ея верха было более или менее далеко». Как ни истолковывать слова летописи, одно несомненно — в Рождественской церкви алтарная преграда была украшена иконой «Деисуса». Вполне возможно, что это был темплон, написанный на одной продолговатой доске. Деисус упоминается и в летописи Боголюбова монастыря под 1158 г.: «понеже сей благочестивый князь Андрей Георгиевич всегда с собою в пути святыя иконы при себе имяше: первую Господа Иисуса Христа Вседержителя, вторую Пресвятыя Богоматере, третию Иоанна Крестителя, две — святых первоархангелов Михаила и Гавриила» [1]. Очевидно, тут идет речь о деисусной композиции, но только такой, которая уже распалась на отдельные иконы. Вероятно, это был сравнительно небольшой походный алтарчик. О его характере может дать известное представление икона оглавного «Архангела» в Русском музее, которая должна была входить в состав аналогичного деисусного чина, рассчитанного на то, чтобы его можно было брать с собой в поход.

На Руси процесс дробления темплона на отдельные иконы, количественно все более разраставшиеся, протекал очень быстро. Завершением этого процесса явилась развитая форма иконостаса. Уже в XIII—XIV вв. у нас получили распространение многоярусные иконостасы. Высокие иконостасы стали применяться лишь с XVI в. С увеличением количества тябел увеличивалось и количество икон. Исходной точкой этого длительного процесса следует считать икону Деисуса, продолговатую по форме и расположенную над царскими дверьми той алтарной преграды, которая была заимствована на Руси из Византии и которая позднее уступила место каменным стенкам. Деисусы из Успенского собора дают возможность опровергнуть мнение Г. Д. Филимонова [2] и Н. Сперовского [3], без достаточного основания полагавших, будто бы исходной точкой иконостаса был нижний ряд икон, расположенных в промежутке от алтарных столбов до царских врат. Согласно Г Д. Филимонову, такими древнейшими иконами были иконы Спасителя и Богоматери. К ним вскоре присоединилась местная, или праздничная, икона. Когда число икон увеличилось до четырех, тогда их поставили в два яруса, из коих верхний был деисусный. П. Г. Лебединцев [4] и Е. Е. Голубинский [5] придерживаются по этому вопросу иного

---

[1] Летопись Боголюбова монастыря с 1158 по 1770 г., составленная по монастырским актам и записям настоятелем оной обители игуменом Аристархом в 1767—1769 годах. Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1878, генварь — март, книга первая, Москва, 1878, стр. 2—3.

[2] Г. Филимонов. Церковь Николая на Липне близ Новгорода. Вопрос о первоначальной форме иконостасов в русских церквах, Москва, 1859, стр. 34—35.

[3] Н. Сперовский. Старинные русские иконостасы. Христианское чтение 1891, № 11—12, стр. 348, 353.

[4] П. Лебединцев. О Софии Киевской. Труды III Археологического съезда, I, Киев, 1878, стр. 82 и 86.

[5] Е. Голубинский. История алтарной преграды или иконостаса в православных церквах. Православное обозрение, II, 1872, стр. 586—587.

мнения. За исходную точку развития иконостаса они принимают верхний ряд икон, стоявших на космитисе, над царскими вратами. Деисусы из Успенского собора подтверждают правильность этой последней точки зрения. Деисусный чин, конечно, развился из темплона с изображением Деисуса. Но это не исключает возможности параллельного развития того ряда икон, который помещался под архитравом. Из слияния местного и деисусного ярусов, к которым позднее присоединились праздничный и пророческий, сложилась классическая форма русского иконостаса.

Что в старину иконы типа Успенских Деисусов были весьма популярны, доказывает одна интересная икона XIV—XV вв. из Вытегорского погоста (рис. 26). Крайне архаическая по своему стилю, она, без сомнения, восходит к каким-то очень старым традициям. По сторонам от головы Спаса изображены полуфигуры Богоматери и Крестителя и двух святых, данных в гораздо меньшем размере. Без сомнения, эта икона выполняла назначение тябла в какой-нибудь местной деревенской церкви. Так в этом медвежьем углу удержалась та первоначальная форма темплона, из которой развился позднее деисусный чин, а вместе с ним и русский иконостас.

В. Н. Лазарев

Рис. 26. Деисус из Вышегорского погоста

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
вып. XIII ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1946 год

К ВОПРОСУ О КРЕПОСТНЫХ СТЕНАХ ПСКОВА

Иностранцы, видавшие Псков в XV и XVI вв., утверждали, что он являлся одним из наиболее укрепленных русских городов. Действительно, в начале XVI в. город опоясывали четыре кольца каменных стен; общая протяженность их составляла около 9 км. Вопрос о том, когда впервые были построены каменные стены Пскова и как развивалось это строительство, до настоящего времени не подвергался специальному исследованию. В данной статье попытаемся осветить этот вопрос, насколько это позволяют сделать источники.

В 1309 г., как сообщает Псковская летопись, «Борис посадник с плесковичи заложи стену плитяну от святого Петра и Павла к Великой реке» [1]. На основании этого сообщения в литературе стало господствовать мнение (Беляев, Окулич-Казарин, Василев, Васильев и Янсон и др.) о том, что Псков имел каменные стены вокруг Крома (Детинца и Довмонтова города) еще в XIII в. и что стена 1309 г. замкнула собою третье кольцо каменных стен вокруг так называемого Застенья. Это мнение основано исключительно на логических доводах и документально не подтверждается [2].

Упомянутое сообщение псковских летописей под 1309 г. об укреплениях Пскова является первым. Более древняя Новгородская летопись ничего не говорит об этом. Факт этот нельзя рассматривать как случайное явление или как проявление невнимания летописцев к крепостному строительству. Строительство оборонительных укреплений, особенно каменных, Новгородская летопись отмечает тщательно, в частности постройку укреплений в Ладоге, Руссе, Копорье, Яме, Порхове, Изборске.

Псков, несомненно, издавна был хорошо укрепленным городом. Обычные для всей Руси деревянные укрепления появились в Пскове очень рано, задолго до основания Новгорода. В течение веков они подновлялись, но характер их не менялся; скорее всего именно поэтому они и не привлекали к себе внимания летописцев. Первая каменная стена в укреплениях Пскова возведена была только в 1309 г. Все остальные стены — вокруг Детинца и Довмонтова города, вдоль берегов Великой и Псковы на территории Застенья — были до XIV в. деревянными.

Постройка плитяной стены 1309 г. имела огромное значение для усиления обороны города. Эта линия укреплений была наиболее уязви-

[1] Псковская летопись под 1309 г. Изд. АН СССР, Москва, 1941.

[2] В противовес этому мнению Ф. Ласковский высказал предположение, что до XIV в. Псков не имел каменных укреплений, но не обосновал его. Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России, ч. I, СПб., 1858, стр. 49, примеч. 9.

мой, почему и стены этого направления назывались «приступными».

Смешанные каменно-деревянные укрепления известны в то время в соседних со Псковом Литовских владениях, причем стены, окружавшие центральную часть города, не всегда были каменными. Так, например, город Вильно имел «четыре стены древяны, камены две» [1]. «Трокы старые... две стены камены, а вышний древян» [2]. Псковичи шли по этому же пути крепостного строительства не только в Пскове. В 1431 г. они «заложища город новый на реце на Гдове, половину стену камену, а иную половину древану» [3].

Через 28 лет после постройки первой каменной стены в 1309 г. летопись вновь отмечает работы по строительству псковских крепостных сооружений. «Шелога посадник с мужи псковичи оучиниша перси оу детинца» [4]. Загадочные псковские перси вызвали различные толкования исследователей. Некоторые предполагали, что персями или першами назывались стены псковского Детинца или какая-то часть этих стен. Это мнение опровергается свидетельствами Псковской летописи. Во-первых, в летописи употребляется только термин «перси»; термин «перши» не встречается вовсе. Во-вторых, сообщается, что в 1463 г. псковичи «начаша делати стену новую на Креому, на персях в Доманътове стене» [5]. Следовательно, «перси» не могли быть стенами, так как на персях ставились стены.

Существует и другое мнение о значении персей. «Стены в ограде города Пскова,— говорит Ф. Ласковский,— имели местами с наружной стороны полукруглые выступы, которые летописцы называли персями, першами. Начало употребления персей неизвестно, но оно предшествовало у нас появлению огнестрельных орудий. Перси делались одинаковой высоты со стеною, представляя одну открытую оборону; служили помещением для метательных машин, а впоследствии для орудий. Перси можно принимать за контрфорсы стен» [6]. Это мнение о значении персей также должно быть отвергнуто. Во-первых, как указывалось выше, крепостные стены Крома сооружались на персях. Следовательно, перси не могли быть выступами стен. Во-вторых, на персях ставились не только стены, но и костры (башни): «от грому и молнии загореся два костра на Крому; един в Куту города, а други на персях, от Великие реки» [7].

На персях же была поставлена и колокольница святой Троицы [8]. В-третьих, последнее упоминание о сооружении персей относится к 1465 г., когда крепостные сооружения Пскова были уже приспособлены к условиям огнестрельного боя, поэтому устройство подобных контрфорсов вряд ли являлось целесообразным. Кроме того, в 1452 г. «Псковичи сурядища стену камену в городе на Креому оу персей, от Великих ворот, возле всхода, до Малых ворот» [9]. Известно, что Великие, или Темные, ворота соединяли Детинец с Довмонтовым городом, т. е. находились во внутренней стене, где надобность устройства выступов — персей даже в период до появления огнестрельного оружия вряд ли была большой необходимостью.

---

[1] Л. И. Лейбович. Сводная летопись, СПб., 1876.
[2] Там же, стр. 288.
[3] Псковская летопись под 1431 г.
[4] Там же, под 1337 г.
[5] Псковская летопись под 1463 г.
[6] Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России. стр. 116.
[7] I Псковская летопись под 1433 г.
[8] I Псковская летопись под 1465 г.
[9] Там же, под 1452 г.

Сообщения Псковской летописи о персях дают, мне кажется, основание к иному решению этого вопроса. В 1393 г. как сообщает летопись, «заложаша псковичи перси оу Креома *стенную*» (курсив мой.— *С. Т.*). Неизвестно, потому ли, что была выполнена только часть работы или потребовалась ее переделка заново, но в 1421 г. псковичи «начаша делати перси оу Креома» [1]. На этот раз работы приняли очень широкий размах. Только в 1421 г. «свершены быша перси оу Креома месяца июля, а делаша двести муж пол-четверта года и взя оу Пскова делу мзды 1000 рублев, а которые плиту жгли, взято двести рублев» [2].

То обстоятельство, что перси называются стенами, и огромный размах работ по их строительству и постройка на персях стен, костров и колокольницы — все это позволяет предположить, что персями в Пскове назывались первоначальные каменные укрепления Крома, послужившие фундаментом для крепостных стен.

Коренная перестройка укреплений псковского Крома в XIV—XV вв. являлась необходимостью для большого богатого города, являвшегося стражем западных границ русских земель. Кром являлся цитаделью Пскова. Здесь же находились продовольственные и иные общественные запасы, стояла главная святыня псковичей — Троицкий собор, где в «ларе» хранились важнейшие государственные и частные акты.

В XIV—XV вв. каменные стены окружали и другие части города. В 1380 г. «псковичи заложиша четвертую стену каменоу, от Пскова реки до Великой реки по старой стенкы, что была ту стенка со доубом мало выше мужа, около всего посада» [3]. В данном случае мы имеем яркий пример реконструкции крепостных сооружений Пскова на основе новой техники.

Появление на Руси огнестрельного оружия внесло значительные изменения в строительство крепостных сооружений. Псков занял в этом отношении ведущее положение среди других городов. С конца XIV в. его крепостное строительство приобрело новые черты: во-первых, быстро увеличивалось число каменных костров (башен) на стенах; во-вторых, шло приспособление самих стен к условиям огнестрельного боя.

Первое известие летописи о постройке псковских костров относится к 1377 г.: «два костра камена поставиша в Торгоу» [4]. Но костры были и раньше — об этом упоминает летопись под 1384 г., где говорится, что церковь Преображения была поставлена «возле старого костра» [5]. Через десять лет после постройки костров «в Торгу» были поставлены «три костры камены оу новые стены на приступе» [6]. Через десять лет эта же стена укрепляется еще тремя кострами, из которых два ставятся на углах стен у Великой и Псковы [7]. Через два года вдоль этой же стены ставятся еще три костра, из них два над воротами: Лужскими и Куминными [8]. В 1400 г. ставятся два костра на Крому [9]. Строительство костров продолжалось в XV и XVI вв.

Псковские каменные стены XIV в. строились из плитняка. Они не дошли до нашего времени, но судить об их конструкции можно по сохранившимся стенам того же времени Порховской крепости. Вопреки существующему в литературе мнению, древнерусские крепостные камен-

---

[1] Там же под 1421 г.
[2] I Псковская летопись под 1423 г.
[3] Там же, под 1380 г.
[4] I Псковская летопись под 1377 г.
[5] Там же, под 1384 г.
[6] Там же, под 1387 г.
[7] Там же, под 1397 г.
[8] Там же, под 1399 г.
[9] Там же, под 1400 г.

ные стены до введения в практику боя огнестрельного оружия были значительно тоньше, чем в последующие времена: их толщина не превышала одного метра [1]. При появлении же огнестрельного оружия стены утолщаются, иногда путем нароста. Начиная с конца XIV в., псковские крепостные стены подвергаются значительной реконструкции в этом направлении. Свидетельства Псковской летописи это ясно доказывают. В 1399 г. «Захарии посадник и вси мужи псковичи оучиниша новую стену *к старой стене* (курсив мой.— *С. Т.*) на приступе от Великой реки и до Псковы» [2]. В 1401 г. таким же образом наращиваются каменные стены вдоль берегов Великой, а в 1404 г. была заложена вдоль Псковы каменная стена к старой стене «потолщьи и вышьши» [3]

Полная зависимость такой реконструкции от условий огнестрельного боя хорошо прослеживается на примере той же Порховской крепости. В 1428 г. великий князь Литовский Витовт осадил Порхов, имея «пушки, тюфяки и пищали» [4]. Порхова он не взял, ограничившись получением большого откупа, но после этого события псковичи не замедлили укрепить Порховскую крепость и в 1430 г. «приставили к Порхову другую стену» [5]. В самом Пскове подобная реконструкция стен была произведена на 30 лет раньше. Утолщение крепостных стен создало возможность установить на них камнеметательные машины — пороки [6]. В 1402 и 1404 гг. псковские стены были покрыты крышами. В конце XV в. каменными стенами окружается Запсковье и в начале XVI в. Полонище. Псков превращается в первоклассную крепость. Доступ в город по реке Пскове преграждается в двух местах деревянными, а затем каменными решетками. Это «чудо» строительной техники в истории русской крепости впервые было осуществлено псковичами, хотя идея ее принадлежит новгородцам. В 1478 г., во время похода Ивана III на Новгород «новгородцы же сбегшися затворишася вси в осаде, устроивши собе по обе стороны Волхова реки и через реку на судех стену деревянную» [7].

О конструкции псковских башен XIV—XV вв. не сохранилось никаких свидетельств, но круглые башни XVI в., особенно Гремячья башня, послужили образцом при коренной реконструкции многих новгородско-псковских крепостей.

С. А. Тараканова

---

[1] В. А. Богусевич. Порховская крепость. Новгор. истор. сборник, вып. I.
[2] I Псковская летопись под 1339 г.
[3] Там же, под 1401 и 1404 гг.
[4] Никоновская летопись под 1428 г.
[5] I Псковская летопись под 1430 г.
[6] Там же под 1399 г.
[7] Там же, под 1478 г.

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
вып. XIII ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1946 год

II. ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УКРАИНСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК ЗА 25 ЛЕТ

По насыщенности памятниками древности украинские земли занимают одно из первых мест в Советском Союзе.

Археологические раскопки и исследования начались здесь свыше 100 лет тому назад. Они велись как центральными археологическими учреждениями дореволюционной России, так и возникавшими в крупных центрах Украины специальными учреждениями (Одесское общество истории и древностей, Церковно-археологическое древнехранилище при Киевской духовной академии, Киевское и Львовское научные общества), а также местными статистическими комитетами и епархиальными учреждениями. Из 15 археологических съездов России шесть были созваны на Украине: в Киеве (1874 и 1899), в Одессе (1884), в Харькове (1902), в Екатеринославе (1905) и Чернигове (1908).

Сразу же после установления советской власти на Украине возобновились и археологические работы.

Первым археологическим учреждением Украинской Академии Наук была комиссия для составления археологической карты Украины, вскоре преобразованная сначала в Археологическую комиссию, а затем в Археологический комитет при Всеукраинской Академии Наук (ВУАК).

В первые годы своего существования основное внимание ВУАК уделял учету и охране памятников. Наряду с этим комитет вел работу по устройству музейного дела в Киеве.

Кроме ВУАК при Академии Наук существовала Археологическая секция, устраивавшая открытые научные заседания, с докладами о новых археологических открытиях на Украине.

Палеолит и ранний неолит Украины изучался в другом академическом учреждении — в Антропологическо-этнологическом кабинете им. Ф. Волкова (Х. К. Вовка). В 1930 г. кабинет продолжал раскопки известной Мезинской палеолитической стоянки, начатые в 1908 и 1916 гг.

Исследовательская работа по археологии велась также в Институте украинской культуры (Харьков), где был основан специальный сектор истории материальной культуры.

Со временем ВУАК принялся за плановое развертывание полевой археологической работы. В 1924 и 1925 гг. ВУАК принял участие в ольвийских раскопках, а также начал исследования по Трипольской культуре.

Уже с этого времени стали устанавливаться деловые связи с Государственной Академией истории материальной культуры, выразившие-

ся в совместных работах в Ольвии, на Березани, на первобытных стоянках, трипольских поселениях и городищах феодального времени. Эта связь с ГАИМК сыграла значительную роль в деле расширения археологического изучения Украины.

В 1926 г. ВУАК снарядил 14 археологических экспедиций в разные концы Украины; в 1928 г. полевые исследования охватили 30 округов Украины.

Из более или менее значительных полевых работ ВУАК за время с 1924 до 1933 гг. (организованных им или проведенных с его участием) отметим следующие экспедиции:

1) Мариупольская, раскопавшая интересный неолитический могильник на р. Кальмиус, 2) Трипольская, изучавшая поселения в среднем Поднепровье, 3) Ольвийская, 4) Березанская, 5) Райковецкая, раскопавшая древнерусское городище близ Бердичева (XI—XII вв.), 6) Киевская (раскопки близ Золотых ворот, на горе Детинце, на Киселевке и в других пунктах старого Киева), а также целый ряд других археологических работ по памятникам эпохи бронзы и железа.

Особо следует отметить начатые в этот период большие экспедиции, связанные с крупными новостройками на территории Днепростроя и Бугской электростанции (БУГЭС), выделяющиеся своими масштабами. Днепростроевская экспедиция работала с 1926 по 1933 г. в районах порожистой части Днепра и на прилегающей к ней территории. Эта экспедиция была первым на Украине археологическим предприятием, имевшим целью сплошное обследование большой территории Украины, особенно насыщенной древностями. Результаты экспедиции превзошли все ожидания. К сожалению, изучение добытых материалов и их издание затянулось. Но даже та часть материалов, которая уже издана или подготовлена к изданию, имеет огромное значение для истории Поднепровья.

Бугэсская экспедиция была меньше по масштабу, но и она дала немалые результаты.

Органами Всеукраинского археологического комитета были: 1) «Короткі звідомлення ВУАК» (две книжки, за 1925 и 1926 гг.); 2) «Хроніка археології та мистецтва» (4 книжки, пять номеров); 3) Сборник «Трипільска культура на Україні», т. I в 1926 г.; 4) Записки Всеукраїньского археологічного комітету». (№ 1, в 1931 г.).

Часть археологических работ печаталась в других изданиях, например в журнале «Антропологія». (т. I—IV). Из отдельных изданий следует упомянуть следующие: Н. Макаренко «Мариупольский могильник» (1933), Г. Павлуцкий «Історія українського орнаменту» (1927), В. Модзалевьский «Гути на Чернигіщині» (1926 г.).

В 1934 г. на базе ВУАК был создан Институт истории материальной культуры, существовавший до 1937 г. За это время институт как своими силами, так и в сотрудничестве с центральными и украинскими учреждениями продолжил некоторые крупные экспедиционные работы. Таковы: 1) трипольская экспедиция, раскопавшая родовое поселение в Халепье; 2) ольвийская экспедиция; 3) киевская экспедиция, сосредоточившая свои работы на усадьбе Михайловского монастыря, участке Десятинной церкви; 4) деснянская экспедиция, изучавшая палеолитические стоянки в бассейне реки Десны; 5) никопольская экспедиция, начавшая раскопку курганов эпохи бронзы и скифских в окрестностях города; 6) Вышгородская экспедиция, начавшая изучение этого древнейшего города Киевской Руси; 7) полесская историко-техническая экспедиция, изучавшая остатки металлургического производства.

Однако ИИМК АН УССР не выработал четкого профиля своей работы и брался за разработку проблем, нередко не имевших к нему от-

ношения (например, обследование хода электрификации сельского хозяйства и т. д.). В исследовательской работе культивировалось социологическое направление. Все это отразилось и на печатном органе института «Наукові записки», пять книжек которого вышло за время существования ИИМК.

Летом 1938 г. ИИМК был реорганизован в Институт археологии Украинской Академии Наук. Был намечен четкий профиль учреждения и разработан обширный план работы. Институт состоял из 4 секторов: 1) археологии первобытно-общинного строя (палеолит, неолит, трипольская культура, памятники эпохи бронзы), 2) археологии античных городов и скифо-сарматских племен, 3) археологии славянских племен и городов Киевской Руси и 4) археологической технологии. При Институте состояли Ольвийский и Вышгородский археологические заповедники. Кроме того, в Львове с 1939 по 1941 г. существовал филиал Института. Институт археологии с первых же дней своего существования занялся сосредоточением в институте и вокруг него коллектива наиболее квалифицированных украинских археологов и подготовкой новых кадров.

За три года своего существования (с 1938 до 1941 г.— начала Отечественной войны) Институт развернул большую археологическую работу, которая велась более чем в 30 пунктах Украины, в том числе и в западных областях. Активным соучастником раскопок в целом ряде пунктов Украины являлся Институт истории материальной культуры имени Н. Я. Марра АН СССР. Институт привлекал к этим работам целый ряд исторических и краеведческих музеев Украины (Киевский, Одесский, Львовский, Николаевский, Никопольский, Черниговский, Коростеньский, Уманский и др.), Московский исторический музей, Ленинградский, Львовский, Киевский, Харьковский и Одесский университеты, некоторые педагогические институты и другие организации.

Были продолжены в значительно расширенном объеме начатые раньше работы: 1) Деснянской, 2) Трипольской, 3) Никопольской, 4) Ольвийской и 5) Киевской экспедиций. Организованы были и начали стационарную работу экспедиции: 6) Амвросиевская — для изучения открытой там палеолитической стоянки, 7) Азово-Черноморская — для изучения памятников в районе реки Молочной и раскопок «Каменной могилы», 8) Усатовская — для раскопок усатовского поселения и могильника, 9) Шарповская (на Кировоградщине) — для раскопок скифского городища, 10) Корчеватовская — для раскопок «полей погребений» под Киевом, 11) Славянская для сплошного обследования памятников и раскопок славянских поселений и могильников в районах Левобережной системы Днепра, 12) Галическая и 13) Плисненская — для раскопок этих средневековых городов Западной Украины; 14) Запорожская — для изучения остатков Запорожской сечи в районах Днепропетровской и Запорожской областей и целый ряд других более мелких работ.

Результаты этих экспедиционных работ весьма велики. Ниже мы перечислим лишь самые важные их результаты.

До революции на Украине было известно всего 5 палеолитических стоянок (Гонцы, Мезин, Студеница, Врублевцы, Киев). За прошедшие 25 лет их открыто свыше 100, причем около 30 стоянок (главным образом в районах Черниговщины, Днепростроя, Приазовья) изучались систематически.

Именно в этот период впервые открыты были стоянки мустьерского времени (при впадении реки Деркул в Северный Донец; близ Червонного Яра на среднем течении Донца; близ с. Кодак на среднем течении Днепра).

Большие систематические работы по исследованию палеолитических стоянок проводились на Черниговщине, в бассейне Десны. Тут открыта целая серия стоянок мадленского времени близ Новгород-Северска, Чулатова и других пунктов и несколько более ранняя стоянка близ Пушкарей. Большой интерес вызывают найденные на Новгород-Северской стоянке три очень крупных кремневых орудия, названные гигантолитами, не имеющие по размерам себе подобных.

Замечательны остатки самого древнего на Украине большого коллективного жилища поздне-палеолитического человека, открытые в Пушкаревской стоянке предмадленского времени.

Из группы палеолитических памятников, открытых на Днепрострое, следует упомянуть стоянки в Осокоровке, Дубовой и Кайстровой балке, материалы которых позволили установить, что жилище верхнепалеолитического человека делилось на мужскую и женскую половины.

Целый ряд стоянок открыто по Днестру: Китай-город I и II, Сокол, Колчановцы I и II и др. Интересная стоянка раскапывалась у с. Амвросиевка Сталинской области, где впервые в СССР было открыто место охоты палеолитического человека: здесь накопился мощный (толщ. до 1.5 м) слой костей многих сотен бизонов.

Отметим целый ряд открытий памятников эпипалеолита и раннего неолита Украины, в особенности на Северном Донце, давших многотысячные коллекции микролитических кремневых орудий. Целый ряд неолитических стоянок открыт на Днепрострое, в бассейне Десны и во многих других районах. Особенно интересные результаты дали раскопки первого неолитического могильника на Украине — в Мариуполе, где открыто 124 погребения.

Исключительно успешным было исследование трипольской культуры, распространенной преимущественно на территории Украины. Прежде всего раскопки во много раз увеличили количество памятников этой культуры. Но что особенно важно и что не удалось сделать прежним ученым — было установлено то место, какое занимает трипольская культура в историческом развитии древнейшего населения Украины. Создатели и носители трипольской культуры оказались одним из наиболее развитых племен населения Восточной Европы того времени.

С 1934 по 1940 г. в результате ежегодных раскопок впервые было полностью исследовано родовое поселение древнеземледельческого населения Украины III—II тысячелетий до н. э. у с. Халепье Киевской области. Было приступлено к систематическим раскопкам поселения у с. Владимировки Подвысоцкого района Кировоградской области на правом берегу Синюхи. И в Халепском и во Владимировском поселениях жилища располагались несколькими кругами, в центре которых находилось место загона домашнего скота. Кроме того, трипольские поселения изучались и во многих других пунктах Украины.

Из работ в области археологии эпохи бронзы отметим прежде всего раскопки Усатовского поселения и могильника (под Одессой). Насельниками как этого, так и одновременных с ним поселений в Днепровско-Днестровском бассейне были богатые скотоводческие племена, находившиеся на стадии перехода от матриархата к патриархату, занимавшие в конце III и первой половине II тысячелетия до н. э. лиманно-степную полосу Украинского Причерноморья. Следует отметить, что у усатовцев, как и у населения трипольских поселений, существовали торговые и культурные сношения с областями эгейской культуры. Усатово связывает культуру трипольского времени с культурой времени скорченных костяков. В Усатове впервые открыт курганный могильник при поселении.

Значительное число остатков поселений и курганных могильников эпохи бронзы изучено в районах Никопольщины, Днепростроя, в Житомирской области и в других районах Украины; особенно интересны памятники этого времени в Белогрудовке и Войцеховке. Отметим открытие замечательного памятника древней живописи в Мелитопольском районе. Здесь в бассейне р. Молочной, близ с. Терпение, на стенах и потолке гротов песчаного холма «Каменная могила» сохранились процарапанные и раскрашенные изображения животных и других фигур, являвшихся, очевидно, тотемами. Одни изображения относятся, повидимому, к палеолиту, другие — к неолиту, а частью — к эпохе бронзы.

Систематические раскопки древнегреческих поселений — Ольвии, на Березани, в Лузановке, Варваровке и других позволили установить их глубокие связи с местным населением.

Ведущее место занимали раскопки Ольвии — самого крупного античного города на территории Украины. Раскопан был целый ряд городских кварталов верхнего и нижнего города всех периодов его существования. Городские остатки Ольвии, открытые в большом количестве за истекшие 25 лет, дают возможность обстоятельно изучать планировку поселения и устройство жилищ, технику оборонительных сооружений, общественных зданий, городское благоустройство. Большой интерес представляют исследованные в Ольвии ремесленные мастерские — гончарные, литейные и др. Отличительной особенностью нового периода раскопок Ольвии является то, что исследователи начали широко изучать ольвийскую периферию — многочисленные поселения, расположенные по берегам рек Буго-Днепровского бассейна.

Раскопки на Березани дали новый материал для характеристики раннего периода античной колонизации Черного моря, для изучения особенностей этого античного поселения и его судеб в послеантичные времена.

Раскопки эллинистического поселения в Лузановке (под Одессой), Чертоватовского, Петуховского, Варваровского и других городищ показали устройство жилищ, систему обороны и планировку поселений, которые в большей или меньшей мере были связаны с Ольвией.

Институт подготовил начало раскопок античного города Тираса, остатки которого скрыты слоями средневекового Аккермана; война помешала приступить к ним. Из скифских памятников открыт ряд городищ на Харьковщине, Никопольщине, где велись раскопки большого скифского городища на Каменских Кучугурах IV—III вв. до н. э. и группы курганов в окрестностях Никополя. Раскапывалось Шарповское городище на Кировоградщине VI—V вв. до н. э., давшее интересный материал по технике скифских земляных оборонительных сооружений.

Весьма значительны достижения в области так называемой культуры «полей погребений» II в. до н. э.— IV в. н. э. До революции было известно всего три пункта с памятниками этого времени, а к настоящему времени открыто свыше 250 пунктов, главным образом в районах порожистой части Днепра. Особенно важно то, что впервые обнаружены и начаты изучением и некоторые из поселений, принадлежащие этой культуре.

Изучались также памятники славянских племен и города Киевской Руси. Большое число славянских поселений и могильников открыто во многих пунктах северной и центральной Украины. Раскапывалось городище «Монастырище» в Роменском районе, городища, селища и могильники по Ворскле, Тетереву, Ирпеню, Роси, Десне, в порожистой части Днепра, близ с. Городск в Житомирской области, в городах Чернигове и Коростене, на Харьковщине (Донецкие городища), на земле

Берендичей (Белиловка, Ягнятин, Бакожин); особенно следует отметить раскопки Шестовицких курганов на Черниговщине, давших интереснейший материал.

Все эти раскопки позволили по-новому осветить быт восточных славян — предков русского, украинского и белорусского народов.

В связи с развернувшимся в 1934 г. большим строительством Киева, созданием района правительственных учреждений на территории старого Киева, массовым строительством общественных и жилых зданий киевские археологи осуществляли надзор за земляными работами. Почти ежегодно производились и экспедиционные работы по раскопкам наиболее важных пунктов древнего города.

Полностью были открыты древнейшие части Десятинной церкви. Раскопаны остатки княжеского дворца (вероятно, Владимира), фортификационных сооружений, землянок, ремесленных мастерских. Здесь же был открыт древнейший ров, окружавший город при Ольге, Игоре и Святославе, т. е. в IX—X вв. Раскопки велись на территориях Софийского, Дмитриевского и Михайловского соборов и в других пунктах Киева. Большой интерес представляет открытый раскопками на усадьбе Михайловского монастыря район землянок XI—XIII вв., принадлежащих ремесленному люду, позволяющих с исчерпывающей полнотой характеризовать производство и быт их жителей — городских ремесленников древнего Киева. Большой материал для характеристики многовековой истории Киева был получен также при раскопках на Киселевской (Флоровской) горе, находящейся над Подолом. Здесь удалось установить непрерывность заселения Киева на протяжении почти полутора тысяч лет, с эпохи бронзы и до XVI в. н. э.

Раскопки Вышгорода дали материал для истории древнерусской архитектуры, для изучения техники керамического и металлургического производства.

Исключительное значение имели большие раскопки Райковецкого городища XI—XIII вв. н. э. у с. Райки, близ Бердичева. Изучены топография городища, система рвов и валов, устройство жилых помещений (клетей). Полностью раскопанный Райковецкий Кремль дал яркую картину хозяйства и быта феодального города XI—XIII вв. Раскопки выявили полную картину битвы с монголами и разрушений города в XIII в. н. э.

Производились раскопки и на территории города Коростеня (летописного Искоростеня). Здесь было установлено существование четырех древлянских городищ.

После присоединения западноукраинских областей к УССР были возобновлены раскопки на территориях летописных городов Галича (у нынешнего села Крилос Галичского района Станиславской области) и хорошо сохранившегося Плиснеска, упоминаемого в «Слове о полку Игореве» (у с. Подгорцы Олевского района Львовской области). В Галиче раскапывался «Золотой Ток» — место древнего княжеского двора. В Плиснеске изучалось устройство этого древнеславянского города, основанного еще в IX в. и разрушенного в 1241 г. при татарском нашествии.

Перед войной начала работать специальная экспедиция для археологического изучения Запорожской сечи — этого замечательного памятника украинского казачества.

Результат всех этих работ, как и ранее проведенных археологических экспедиций, Институт археологии УАН подготовил к печати в виде монументальных публикаций и научно-популярных работ по древней истории Украины. Были подготовлены к печати отчеты, материалы и исследования, связанные с работами Деснянской, Днепростроевской,

Азово-Черноморской и Амвросиевской экспедиций, а также с раскопками в бассейне Дона. Часть этих работ публикуется в I и II томах серии «Палеолит и неолит Украины». Выпущена научно-популярная книжка П. Борисковского «Людина камъяного віку на Україні».

По трипольской культуре в 1940 г. выпущен в свет первый том серии «Трипільска культура», сейчас заканчивается подготовкой к печати второй том этой серии. Выпущена научно-популярная книга Т. Пассек «Трипільска культура». Выпущен в свет первый том серии «Ольвия», содержащий материал раскопок 1935—1936 гг. Подготавливаются к печати II и III томы, содержащие отчеты за 1937—1940 и 1920—1932 гг. Выпущены в свет научно-популярные книги Л. Славина «Ольвия» и Л. Дмитрова «Перекоп. Ров и Вал».

Частично подготовлены к печати первые томы серии «Скифия и Сарматия», «Древние славяне» и «Древние города Киевской Руси». Институт начал также работать над серией «Материалы для составления археологической карты Украины». Первый том этой серии (И. В. Фабрициус «Одесская и Николаевская области») готов к печати.

Кроме того, ждут издания сборник материалов по «полям погребений», сборник очерков по древней истории Украины, сборник эпиграфических материалов и т. д. Подготовлены к печати первые номера непериодического органа института — «Короткі звідомлення з археології України».

Для проведения работ по археологической технологии существовал сектор исторической технологии, где изучены трипольская керамика, вяжущие вещества, состав черного и красного античных лако-глазурей, изучались техника мозаичного дела XII в. по мозаикам Михайловского собора, техника металлургического производства в Ольвии, в городах Киевской Руси, на Полесских городищах.

Большое значение для подведения итогов проделанной работы имели четыре тематические археологические конференции, созванные Институтом археологии АН УССР в Киеве в 1939 и 1941 гг. Первая конференция была посвящена изучению трипольской культуры, вторая — изучению памятников скифо-сарматских племен и греческих городов и поселений на территории УССР. Предметом занятий третьей конференции (1939 г.) явилась эпоха палеолита и неолита на Украине. Четвертая конференция, состоявшаяся в 1941 г., посвятила свою работу неолиту Украины и трипольской культуре и эпохе бронзы. Для участия в работах конференции в Киев съезжались украинские, московские, ленинградские и другие работники. Следует отметить активное участие в работах конференций работников института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра АН СССР. Некоторые из этих конференций, в частности третья (где заслушано было 67 докладов), превратились по существу во всесоюзные археологические конференции.

Вероломное нападение немецко-фашистских разбойничьих орд на Советский Союз и временная оккупация ими Украины прервали эту большую и плодотворную археологическую работу.

В первый год своего пребывания в эвакуации украинские археологи входили в состав отдела истории и археологии Института общественных наук. С середины 1942 г. археологи составили самостоятельный отдел археологии Института истории и археологии, который за это время выполнил целый ряд работ по археологии и древней истории Украины: археологи участвовали в написании «Очерков истории Украины», четырехтомной «Истории Украины», двухтомной «Истории украинской культуры», учебника по истории Украины для старших классов украинских средних школ. Целый ряд работ был посвящен публикации материалов полевых исследований на Донце, раскопок Усатовского

могильника, ольвийских экспедиций, новым открытиям на территории Киева и его ближайших окрестностей.

Во время пребывания украинских археологов в Уфе их внимание привлекли памятники Башкирии, которым были посвящены три монографические исследования: «Археологические памятники Башкирии с древнейших времен до начала нашей эры», «Археологические памятники Башкирии середины первого тысячелетия нашей эры» и «Древнейшая металлургия Башкирии».

Ныне Украинская Академия Наук вместе со всей нашей страной вступает в полосу восстановления всех сторон жизни Украины, временно нарушенной немецко-фашистскими захватчиками.

Перед Институтом археологии стоит задача возобновить археологические полевые работы. Они будут вестись в двух направлениях: 1) разведочно-рекогносцировочные работы, целью которых является максимально исчерпывающая фиксация памятников всех эпох, и 2) стационарные экспедиционные работы по исследованию важнейших памятников различных эпох и типов, в совокупности представляющих все периоды древней истории Украины. Одной из основных работ ближайшего времени намечается составление археологической карты Украины, которая явится завершением сплошного разведочно-рекогносцировочного изучения всей территории республики.

Задачи, стоящие перед Институтом археологии Украинской АН,— велики и ответственны. Для осуществления их необходимо продолжить деловые братские связи с Институтом истории материальной культуры Всесоюзной Академии Наук, столь плодотворно влиявшие на археологическое изучение Украины в истекшем двадцатипятилетии.

Л. М. Славин

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
вып. XIII ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1946 год

ДЕСНИНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1940 г.[1]

Перед экспедицией 1940 г. стояли следующие задачи:

1. Изучение стратиграфии и раскопки палеолитических стоянок близ с. Пушкари Черниговской области.

2. Обследование Мезинской палеолитической стоянки и поиски в этом районе новых палеолитических местонахождений.

3. Раскопки раннепалеолитического местонахождения «Заровская Круча» у с. Чулатово.

4. Окончание геологического обследования правобережья Десны от с. Пушкари до с. Дегтяревка и сбор фаунистического материала.

5. Окончание археологической разведки по притокам правобережья Десны в северной Черниговщине.

6. Раскопки ранних городищ в Новгород-Северском районе.

7. Обследование и раскопки славянских памятников на верхней Десне.

В течение предыдущих четырех лет в северной Черниговщине было обнаружено свыше 20 палеолитических местонахождений и стоянок разного возраста; на пяти из них были произведены раскопки.

Для дальнейших планомерных исследований необходимо было на всех остальных местонахождениях произвести изучение стратиграфии, площади распространения культурного слоя и сбор археологического материала для определения возраста каждого поселения.

Основные работы были сосредоточены на урочище «Погон» у с. Пушкари, где расположено большинство стоянок. На месте находок палеолитических орудий и остатков фауны в вершинах оврагов Сосонницкого, Аникеева и Кравцова были обнаружены культурные слои стоянок. Кроме того, были найдены две новых стоянки. Заложенные шурфы (в количестве нескольких десятков) и зачистки позволили проследить площадь распространения культурного слоя каждой из стоянок и установить геологические условия их залегания (рис. 27). В процессе изучения был собран большой археологический материал.

---

[1] В организации экспедиции принимали участие: Институт археологии АН УССР, ИИМК и Институт геологии АН СССР, Антропологический и Зоологический музеи и кафедра археологии МГУ, Орловский и Черниговский областные музеи. Состав участников: М. В. Воеводский (начальник экспедиции), В. И. Громов (руководитель геологической части), Б. А. Рыбаков (руководитель Орловского отряда по изучению феодальных памятников верхней Десны), А. Е. Алихова (руководитель раскопок ранних городищ в Черниговской обл.). Старшие научные сотрудники: В. А. Хохловкина, К. С. Алексашина, К. И. Цветкова. Лаборанты: Н. П. Амбургер, Ф. В. Лучицкий, Н. В. Погожева, Н. А. Сугробов. Практиканты: Г. Г. Тевердовская, М. Д. Гвоздовер, Е. Н. Афанасьева, Т. М. Смирнова, А. В. Никитин, Л. Л. Монгайт, Г. Б. Федоров, Р. Д. Розенберг, И. В. Совков, Н. Навайчик.

Раскопки на местонахождении «Заровская Круча» дали много новых находок, позволяющих отнести его к развитому Мустье.

При геологических работах у с. Араповичи было обнаружено два новых палеолитических месторождения.

Обследование Мезинской стоянки позволило уточнить ее геологический возраст и установить полную возможность постановки крупных раскопок на этой важнейшей стоянке Украины. Близ стоянки обнару-

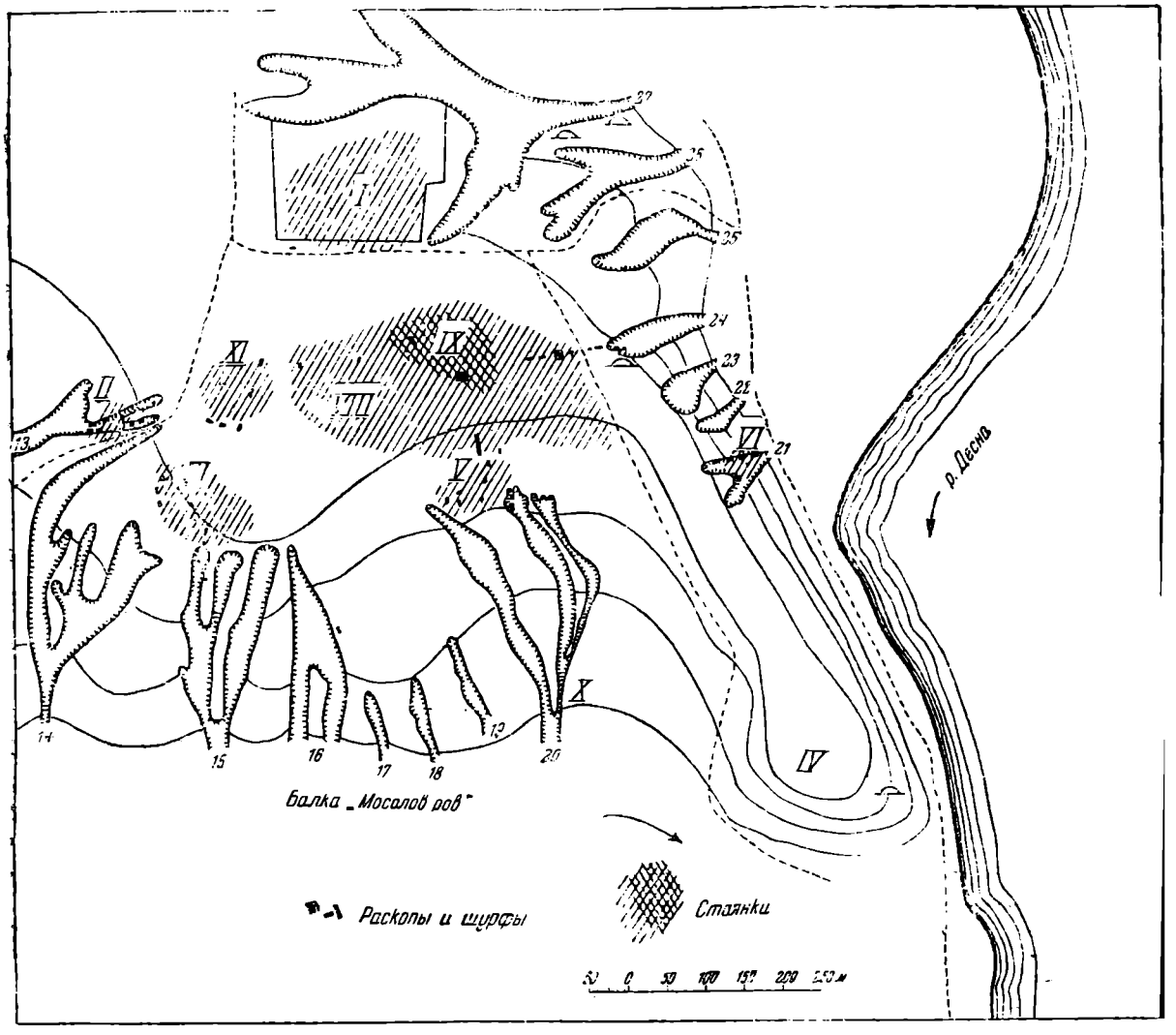


Рис. 27. План расположения стоянок и шурфов на урочище «Погон».

у с. Пушкари. Стоянки: *I* — «Пасека», *II* — «Аникеев ров» (первый), *III* — Сосонницкий ров», *IV* — «Майдан», *V* — «Кравцов ров», *VI* — «Давидов Березняк», *VII* — «Покровщина» расположена выше по течению балки «Мосолов ров» (вне плана), *VIII* — «Погон» (5-й метр), *IX* — «Бугорок», *X* — «Устье Кравцова», *XI* — «Аникеев ров» (второй). Овраги: *13* — Харьковский ров, *14* — Аникеев ров, *15* — Сосонницчий ров, *20* — Кравцов ров, *21* — Давидов Березняк, *24* — Пуркин Березняк, *25* — Кудин ров, *27* — Погонский ров[1]

жено новое местонахождение палеолитических орудий. Геологами и зоологами экспедиции собран богатейший материал, позволяющий с достаточной полнотой восстановить условия природной обстановки на различных этапах развития палеолита.

Одним из важных вопросов, не получивших до сих пор своего разрешения, является установление геологического возраста стадий развития палеолита и соотношение их с этапами оледенения.

---

[1] Название оврагов 16, 17, 18, 19 не приводится, так как в них не обнаружено находок.

Для решения этой проблемы бассейн Десны представляет большой интерес. Во время максимальной (рисской) стадии оледенения почти вся исследуемая территория была покрыта ледником, оставившим после себя покров донной морены. Рисская морена служит здесь основным маркирующим горизонтом, соотношение с которым позволяет определить геологический возраст палеолитических стоянок. Для более точной датировки позднепалеолитических стоянок могут быть использованы ископаемые почвы, разделяющие мощный покров надморенных суглинков на несколько горизонтов. Совместной работой археологов и геологов удалось обнаружить в нескольких пунктах палеолитические находки и стоянки, залегавшие в ясных стратиграфических условиях, которые дали возможность решить поставленную задачу. Древнейшие находки, относящиеся к мустьерской эпохе раннего палеолита, были обнаружены в двух местах — в овраге «Язви» близ с. Пушкари Черниговской области и у с. Неготино Жуковского района Орловской области, в подморенных песках, прикрытых толщей рисской морены. В шести других пунктах аналогичные находки были обнаружены во вторичном залегании.

Все эти находки дают полное основание утверждать, что мустьерская эпоха совпадает с первой половиной рисской стадии оледенения.

Позднепалеолитические стоянки залегают в различных горизонтах надморенных лёссовидных суглинков. Стоянки ранней поры позднего палеолита, относящиеся к позднеориньякскому и солютрейскому времени, залегают в нижней части лёссовидных суглинков, часто на поверхности средней надморенной ископаемой почвы. Таковы стоянки «Пасека», «Погон» («5-й метр»), «Аникеев ров», Новгород-Северск. Часть этих стоянок расположена по берегам ручьев и небольших озер, образовавшихся после отступания рисского ледника. Водоупорным горизонтом этих водоемов служила рисская морена. В культурных слоях некоторых стоянок было собрано много остатков пресноводных и влаголюбивых моллюсков. Фауна этих стоянок имеет своеобразный характер вследствие смешения представителей различных ландшафтных зон. Большинство животных и птиц представлено арктическими и холодолюбивыми видами — мамонтом, шерстистым носорогом, северным оленем, песцом, обским леммингом и другими полярными грызунами, а из птиц — полярной куропаткой, полярной совой и др. Наряду с ними встречаются животные степей — лошади, бизоны, тушканчики, байбаки; из птиц — степной жаворонок и обитатели лесов — медведи, рыси и куницы. Такое смешение говорит о большом своеобразии и сложности ландшафта в рисс-вюрмское время.

С составом фауны согласуются и находки остатков флоры. По всей вероятности, основным элементом ландшафта в это время были холодные степи, возможно с участками тундры, а по широким долинам рек и балок росли ленточные леса. Во всяком случае ни о каком теплом межледниковье в это время не может быть речи. О большом количестве водоемов говорит обилие находимых пресноводных моллюсков и водоплавающей птицы, несомненно гнездившейся здесь, о чем можно судить по находкам яиц и молодых индивидов.

Стоянки конца ориньякской и солютрейской эпох представляли собой обширные охотничьи поселения с большими скоплениями остатков охотничьей добычи — костей стадных травоядных. Наиболее крупные стоянки достигают 40 тыс. кв. м с большими постоянными жилищами, свидетельствующими о длительной оседлости.

Культурные слои поселений конца палеолита — мадленской эпохи — «Рабочий ров», «Бугорок» и др. залегают в верхних горизонтах лёсса, а мезолитические стоянки — в толще песков первой надпойменной террасы (рис. 28).

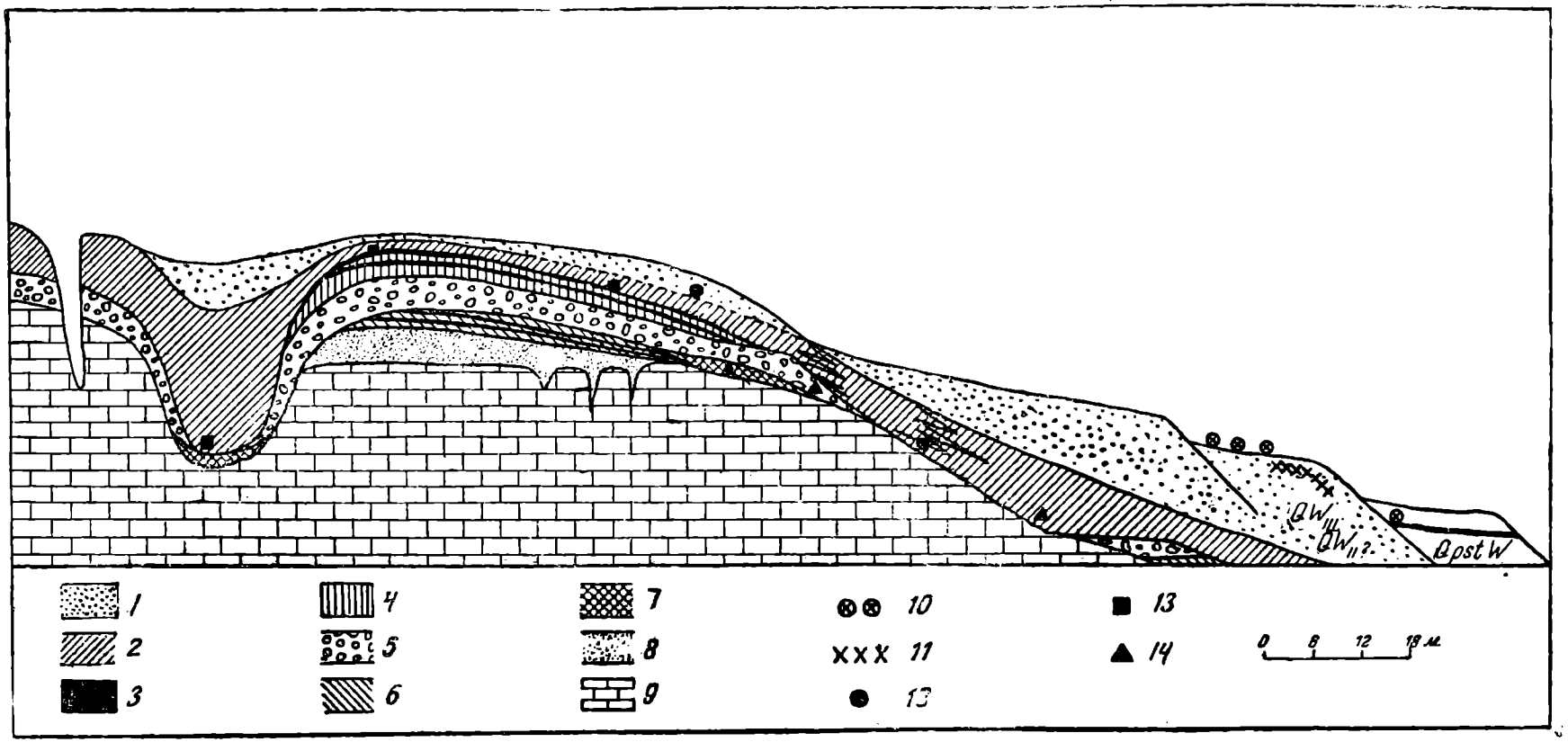


Рис. 28. Схема геологических условий залегания палеолита на Десне (составил В. И. Громов).

1 — $QW_{II}L.QW_{I}al$ — лёсс, пески; *2* — $QW_{I}del.QW_{I}all$ — лёссовидные супеси; *3* — погребенная почва; *4* — Q/RW надморенные отложения с погребенной почвой; *5* — Q/Rm морена; *6* — $QM_{I}MR$ — надморенные отложения с погребенной почвой; *7* — QRfgl — флювиогляциональные пески; *8* — Pg — бучакские пески; *9* — Cr мел. Местонахождения культурных остатков: *10* — неолит, бронза *11* — мезолит; *12* — мадленская эпоха; *13* — солютрейская эпоха; *14* — мустьерская эпоха.

Мадленские поселения датируются временем вюрмской стадии оледенения. Здесь можно говорить о некотором похолодании; во всяком случае в стоянках почти отсутствуют степные формы, а среди арктиков встречается овцебык (Мезин и Бугорок). В мадленских же стоянках наблюдаются и следы вечномерзлотных явлений, ледяные клинья (Бугорок) и сольинфлюкции (Гонцы). Эти стоянки имеют более временный характер, чем солютрейские, занимают меньшие площади и не имеют обширных постоянных жилищ. Основой хозяйства в мадленскую эпоху была также охота на стадных травоядных.

В 1940 г. было закончено обследование ряда местонахождений по берегам большой древней балки «Мосолов ров». Здесь на поверхности боровой террасы и в отложениях высокой поймы обнаружены остатки небольших временных мезолитических и раннеолитических поселений, совершенно неизвестных до сих пор на территории северной Украины. Эти стоянки послеледникового времени относятся уже к следующему этапу первобытной культуры, когда в хозяйстве кроме охоты все бо́льшее значение приобретает рыболовство.

Культура этих поселений имеет своеобразный переходной характер. Наряду с сохранением позднепалеолитических форм и техники изготовления орудий, появляются и новые их типы — зародыши ранненеолитических форм.

Особый интерес среди этой группы местонахождений представляет стоянка «Покровщина», расположенная на боровой террасе, на берегу балки «Мосолов ров». Кремневый инвентарь ее имеет ярко выраженный переходный характер. Наряду с типичными позднемадленскими формами скребков, резцов и проколок и нуклеобразными типами скобелей, представляющими дальнейшее развитие палеолитических «рабо», здесь хорошо представлены крупные скребкообразные поделки, имеющие полную аналогию в «макролитах» советского Севера и южной Прибалтики. Стоянку можно считать аналогом известной прибалтийской стоянки Лингби, наиболее раннего мезолитического поселения севера. К этому же типу поселений, повидимому, относится и раскапывавшаяся в 1940 г. стоянка «Песочный ров», остатки которой были обнаружены под культурным слоем раннего городища, на поверхности песков второй террасы правого берега Десны, между селами Пушкари и Роговка..

Не меньший интерес представляют стоянки позднего неолита и бронзы, обнаруженные в большом количестве в долине Десны, на останцах боровой террасы и повышенных участках поймы. Несмотря на позднее время части этих поселений, производственный инвентарь их имеет еще целиком неолитический характер, без единой находки изделий из металла. Для керамики характерно большое распространение «шнурового» орнамента, указывающего на своеобразие этой восточной окраины большой днепровской провинции. Вместе с тем на многочисленных примерах прослеживаются и связи со степными юго-восточными областями. Это положение на границе больших областей в эпоху неолита и бронзы позволит, при более углубленном изучении материала, сделать ряд важных выводов.

В связи с поисками неолита в 1940 г. было произведено обследование нескольких торфяников на левом берегу Десны. На одном из них, на глубине 0.8 м, в разложившемся торфе удалось обнаружить остатки свайного сооружения, имевшего вид кладки из длинных плах, настланных на парных сваях. Кладка эта ведет в глубь торфяника, бывшего в то время озером. Это первое свайное сооружение на территории Украины.

Из поздних памятников Черниговщины большой интерес представ-

ляют раскопки двух городищ скифо-сарматского времени — Юхновского и «Песочный ров».

Изучение культуры ранних городищ на Десне представляет большой интерес для решения вопроса об этногенезе восточных славян. Эта группа городищ западной части лесостепи расположена между областями, занимавшимися скифами, и северными территориями, населявшимися племенами, которым в бассейне верхней Волги и Оки принадлежали так называемые городища Дьякова типа. Первые же раскопки на Деснинских городищах показали здесь наличие некоторых скифских элементов.

В верхнем течении Десны Орловским отрядом под руководством Б. А. Рыбакова были произведены раскопки большого городища — на месте города Вщижа, бывшего в XII—XIII вв. центром феодального княжества. Раскопки дали очень ценные результаты: был расчищен фундамент каменной церкви, остатки большого сгоревшего деревянного здания, обнаружены остатки гончарных и кузнечных мастерских со множеством изделий [1]. Наибольший интерес представляют остатки гончарной печи с большим количеством сосудов и остатки домашней мельницы.

Кроме раскопок, было проведено несколько разведочных маршрутов в северной Черниговщине и обследован ряд феодальных городищ в Орловской области.

Материал, собранный в северной части Черниговской области, уже теперь позволяет приступить к составлению археологической карты этого района.

М. В. Воеводский

---

[1] См. Б. А. Рыбаков. КС ИИМК, XI, 1944.

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
вып. XIII ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1946 год

ОБСЛЕДОВАНИЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК У КРАСНОЯРСКА

Осенью 1940 г., по поручению Советской секции INQUA и ИИМК АН СССР, мною была совершена поездка в район Красноярска для производства геолого-археологических обследований. Целью этих работ было возобновление после значительного перерыва изучения палеолитических памятников Средней Сибири, собрать новый материал по четвертичной фауне и ее стратиграфии и увязать эти данные с береговыми террасами Енисея и его притоков.

Прежде всего была осмотрена известная палеолитическая стоянка Афонтова гора II, расположенная на левом берегу Енисея близ железнодорожного моста через эту реку. Были предприняты поиски выхода мощного культурного слоя, который видели члены Сибирской экскурсии XVII Международного геологического конгресса в 1937 г., но удалось обнаружить лишь незначительные остатки его.

Склоны Афонтовой горы за последние годы подверглись дальнейшей застройке и разрушению.

Участок № 1 сплошь занят под жилые сооружения [1]. Обнажения лесса завалены мусором.

На участке № 2 край склона террасы проходит у забора усадьбы б. дачи Юдина. Значительная часть террасы здесь срыта и обвалилась (на 10—15 м по сравнению с 1925 г.). Около места прежних раскопок в настоящее время находится небольшая цистерна.

В 12 м от нее (на север) нами был прослежен вдоль склона террасы культурный слой, содержавший расколотые кости животных, каменные осколки и пр. Он достигал толщины 8—10 см и был заметен на протяжении нескольких метров; окраски не имел; залегал на глубине около 10 м от поверхности террасы.

Участок № 3 (в 150 м к ССВ от уч. № 2) сохранился лучше других. В этом месте склон террасы частично обнажен. На глубине 2—2.5 м от поверхности в палево-серой лёссовидной супеси торчали кости животных со следами раскола, а также пластинки от зубов мамонта.

Между участками № 4 и № 3, на глубине около 3 м, обнаружены отдельные кости животных. Около участка № 4 культурных остатков не найдено.

Участок № 5 (у дороги) задернован.

При экскурсии в долину ключа Гремячего, находящегося в 1 км к западу от Афонтовой горы, было осмотрено место находки костей ма-

[1] См. его описание, а также других, в нашей статье, напечатанной в трудах Комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР, т. I, стр. 62—63.

монта, обнаруженных летом 1940 г. в одном из боковых оврагов, прорезавших высокую (100 м) террасу. Остатки мамонта (тазовая, ребра, позвонки и кости конечностей) лежали на дне оврага, на глубине около 5 м от поверхности почвы, где имеются обнажения слоистых песков.

Повидимому, кости мамонта были найдены во вторичном залегании.

На осыпи лессовидных отложений 100-метровой террасы по левому берегу ключа Гремячего поднято палеолитическое каменное орудие (пластина с ретушью по краю) и несколько обломков костей животных, мелкие кусочки от бивня мамонта и пр.

Ближе к устою лога у излучины долины ручья заметны остатки более низкой 30-метровой террасы. На ее склоне (по левому берегу ручья) найдено каменное нуклеиновидное орудие палеолитического типа, куски бивня мамонта и в лессовидном суглинке верха этой террасы обломки черепа быка.

К северу от Красноярска на правом берегу р. Качи, в $^3/_4$ км ниже впадения речки Бугач у кирпичного завода обнаружена новая палеолитическая стоянка. Она была расположена на древнем мысе, омываемом водами Качи, имевшей тогда более высокий уровень.

Около этого мыса, огибая его, теперь проходит дорога в д. Солонцы. Край террасы в рассматриваемом месте срезан выемкой, образовавшейся вследствие добычи глины местным населением.

В нескольких десятках метров выше по склону поверхность террасы частично распахана. К западу от выемки нижние забои кирпичного завода ограничивают этот участок террасы. При осмотре выемки, на глубине 3.5 м от поверхности, в светлокоричневатом суглинке был обнаружен уголек.

Дальнейшая расчистка показала, что здесь находится слой, содержащий культурные остатки палеолита. Он имеет горизонтальное протяжение.

Культурный слой местами окрашен в серый цвет от присутствия золы; содержит вкрапления угольков, включения извести, расколотые кости животных и каменные осколки.

На расчищенной площади культурного слоя (3 кв. м) было найдено около 230 каменных отщепов, нуклевидные куски галек, один скребочек с полукруглым краем, мелкие ножевидные пластинки и пр. Среди остатков фауны обращают на себя внимание обломки костей мамонта с характерными искусственными расколами, пластинки от бивня этого животного и несколько фрагментов рогов косули.

Собрано большое число угольков, которые местами попадались целыми скоплениями и давали соответствующую окраску слою, содержащему культурные остатки. В выемке нами был прослежен только один край стоянки; культурные отложения, повидимому, будут обнаружены при шурфовке выше по склону.

Изучение геологических условий залегания палеолитической стоянки у кирпичного завода (Кача II) и ранее обнаруженной стоянки ниже устья речки Бугач (Кача I) [1] показывает, что они приурочены к различным уровням одной и той же террасы около 12—16 м. Культурные остатки стоянки Кача I залегают выше переслоя глинистых песков с суглинком — в лёссе типа «В» Афонтовой горы, покрывающем верх террасы. Другая стоянка (Кача II) была обнаружена под названным песчано-глинистым переслоем (слоистыми лёссовидными супесями) на 1.85 м выше галечника, т е. в нижней части террасы.

---

[1] Г. П. Сосновский. Новые стоянки палеолитического периода в окрестностях Красноярска. Изд. Иркутского музея, 1924, стр. 4—7.

Нижняя (II) качинская стоянка по своему стратиграфическому положению относится к самому началу формирования уступа террасы (после накопления галечников). На ней были найдены остатки мамонта.

Верхняя же стоянка (Кача I) свидетельствует уже о завершении аккумуляции террасы и отложении на ней покровных суглинков. Местонахождение Кача I может быть синхронизировано с верхним культурным горизонтом стоянки Афонтовой горы II и III (участки, № 7—14).

Данные фауны и каменного инвентаря этому не противоречат.

Кроме Афонтовой горы и долины Качи, были осмотрены и другие палеолитические местонахождения около города.

Стоянка у б. Переселенческого пункта, на правом берегу Енисея, в настоящее время недоступна для исследования, и ее нужно считать утраченной для науки. Поверхность террасы застроена жилыми домами, склоны ее завалены землей и больше культурных остатков здесь не обнаруживается.

В таком же положении находится и место находок палеолитических орудий у б. с. Ладейки (теперь район Красмаша г. Красноярска).

На дне песчаной котловины, около школы, нами было поднято всего лишь одно палеолитическое орудие.

Далее была совершена экскурсия по левому берегу Енисея. При осмотре склона высокой террасы (30—40 м) выше устья 2-го Коровьего лога [1], около того места, где раньше велись раскопки В. И. Громовым (западный очаг) и другими, на осыпи лёссовидных отложений обнаружено несколько мелких отщепов, указывающих на наличие здесь горизонта, содержащего палеолитические остатки. На дне главного карьера кирпичного завода, расположенного у устья Коровьего лога, поднято массивное каменное орудие типа отбойника.

Большой интерес в геологическом и археологическом отношении представляют окрестности с. Батой (Вознесенского) в 27 км к СВ от Красноярска.

В долине речки Батой имеются значительные обнажения четвертичной толщи.

В настоящее время речка Батой — левый приток р. Есауловки (впадает в Енисей) — представляет собой небольшой ручей, но раньше она была многоводной рекой. Ее берега отмечены высокими террасами, прорезанными глубокими оврагами.

На 1/2 км ниже с. Батой видна древняя излучина речки, окаймленная по левому берегу возвышенностью, носящей название «Глиняная гора». Склон ее к реке круто обрывается и обнажает строение 65-метровой террасы. Сверху залегает палево-серый пористый лёсс (мощностью свыше 1 м). Его подстилает красновато-бурый суглинок толщиной около 1. 5 м.

В верхней части этого красноватобурого суглинка найдены остатки древних грызунов (байбака, тушканчика, суслика), образующие костеносный горизонт.

На высоте 30 м над уровнем р. Батой заметна верхняя граница галечника, лежащего в основании террасы. Выше гальки на осыпи найден крупный обломок камня со следами искусственного раскалывания.

В 2 км от селения, ниже устья оврага, носящего название «Большая Ямурина», на осыпи глинистого слоя 12-метровой террасы найден отщеп и кусок речной гальки со сколами по краю.

---

[1] Находится в 5 км ниже Красноярска.

Обследование местности к СВ от Красноярска подтвердило данные о наличии палеолитических памятников по небольшим речкам бассейна Енисея, вдали от его русла.

Следовательно палеолитические люди жили не только на берегу основной водной артерии края — Енисея, но заходили и в глубь его долины, проникая из равнины в предгорья. Культурные остатки палеолитической эпохи зарегистрированы у д. Злобиной 2-й, д. Лукиной (Долгова), к востоку от ст. Зыково и у с. Батой.

Во время полевых обследований 1940 г. было осмотрено 10 палеолитических местонахождений в районе Красноярска; из них два обнаружены впервые.

Г. П. Сосновский

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
вып. XIII ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1946 год

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 1940—1943 гг. В ДОЛИНЕ РЕКИ ЛЕНЫ И ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СЕВЕРНЫХ ПЛЕМЕН

Более двухсот лет тому назад участники Второй Камчатской экспедиции Академии Наук Миллер и Гмелин положили начало изучению археологических памятников Ленского края: на Лене были впервые отмечены находки каменных изделий неолитического типа и древние наскальные изображения, которыми вправе гордиться сибирская археология.

Тем не менее за все последующее время археологические исследования на Лене и в особенности на севере Ленского края — в Якутии развивались крайне медленно. За исключением небольшого участка Ленского края, расположенного между Качугом и Жигалово, вся остальная его территория — обширная страна протяжением около 5 тыс. км и площадью до 2 400 кв. км — оставалась своего рода белым пятном на археологической карте СССР, а вместе с тем была совершенно неизвестной и вся ранняя, т. е. дорусская, история различных племен, населявших и населяющих эти необозримые пространства от Байкальских хребтов до Ледовитого океана. Между тем изучение древностей Лены, одной из величайших рек Азиатского материка и важнейшей водной артерии на северо-востоке Сибири, должно было способствовать и освещению отдаленного прошлого соседних с ней северо-восточных областей: бассейнов Анабары, Оленёка, Индигирки, Колымы. Исходя от лучше изученных и датированных археологических памятников Верхней Лены, можно было глубже понять древние памятники культуры Средней Лены, а затем и Нижней Лены — глубинных районов Якутии.

На следующем этапе, после выяснения древностей Ленского края в пределах ЯАССР, следовало перейти к ознакомлению с материалами остальных неизученных и столь же обширных областей нашего севера, примыкающих к северным районам Приленья с запада и с востока.

Именно эту общую задачу и поставила перед собой Ленская историко-археологическая экспедиция Института истории материальной культуры АН СССР имени Н. Я. Марра и Института языка, литературы и истории ЯАССР, начавшая свои полевые работы летом 1940 г. на территории Якутской республики в районе Олекминск — Якутск.

В 1941 г. экспедиция продолжила эти исследования, начав полевые работы в Качуге, у первой Ленской пристани и на ближайших к Качугу участках верхнего течения Лены. Как и следовало ожидать, работы на Верхней Лене (где я работал еще с 1925—1926 гг.) дали обильный материал, освещающий ряд культурно-исторических этапов жизни древних ленских племен.

Древнейшие памятники Ленского края, найденные в 1941 г. на Верхней Лене, должны занять отнюдь не последнее место в ряду палеолитических памятников Северной Азии. В ряде пунктов обнаружены были типичные поздне-палеолитические поселения с характерным инвентарем, с четкой стратиграфией и с вполне ясной общей геоморфологической обстановкой. Самое же интересное открытие было совсем неожиданным: среди многочисленных наскальных изображений на священной шаманской горе ленских бурят — Шишкинской шаманке, где, по преданиям, обитают грозные владыки, хозяева Лены — «Зуулхэ-нойод» оказалось огромное изображение дикой лошади, выполненное красной краской,— первое и пока единственное в своем роде на всей территории Сибири.

Палеолитические поселения, как показали дальнейшие исследования, гуще всего расположенные в районе между Качугом и Верхоленском, имеются и ниже по Лене, например вблизи Усть-Кута, и еще далее на Севере, уже в пределах Ленского района ЯАССР. Палеолитические стоянки Якутии у с. Нюя и д. Дубровино, а также отдельные местные находки, которые могут быть датированы палеолитическим временем, являются самыми северными среди известных в настоящее время не только на Лене, но и во всей Северной Азии.

Одновременно в 1941 г. были подвергнуты раскопкам погребения неолитического и энеолитического времени. У Качуга были вновь обнаружены типичные могилы серовской стадии и любопытные погребения глазковского времени. Такие же погребения исследованы у деревень Шишкино, Макарово и около Усть-Илга, где и ранее мной были найдены богатые вещами погребения. Наиболее обильный инвентарь обнаружен в погребениях у д. Макарово и с. Шишкино, особенно в последнем пункте, где вместе с изделиями из зеленого нефрита найдено, в частности, стилизованное изображение рыбы, изготовленное из мягкого камня.

На Верхней Лене вплоть до Киренска прослежены были поселения местного бронзового века, с керамикой, аналогичной ангарской и селенгинской (из «плиточных могил»).

Не меньшее внимание было уделено местным памятникам железного века — «курумчинским» и близким к ним. Наибольший интерес представляют памятники железного века (поселения, погребения и писаницы), характеризующие своеобразную культуру, существовавшую в таежном районе ниже Верхоленска. Около д. Боярской в местности Польцо встречено древнее городище с валами и рвами, на площади которого обнаружена керамика, близкая к «курумчинской», но вместе с тем и более архаичная по облику, а также кости домашней лошади. В непосредственном соседстве с наскальными изображениями у д. Воробьево найдено оригинальное захоронение многочисленных костей от нескольких, но совершенно разрозненных костяков, в том числе череп, обернутый орнаментированной берестой — вероятно частью покрышки берестяного шатра-урасы. Вместе с костями лежали шиловидные острия и крупная обработанная морская раковина с отверстием, живо напоминающая серебряные круги — символы солнца, известные у якутов (тугахта) и у других племен Сибири (эвены, эвенки, юкагиры). Кости и сопровождавшие их предметы помещались в своего рода коллективном костехранилище, в узкой и глубокой щели между скалами.

Особое место в работах экспедиции 1941 г. заняло обследование верхнеленских писаниц: вблизи д. Шишкино, с. Куртухай, в местности «5-й Камень», выше с. Малые Голы. и в ряде других вновь открытых местонахождений. На шишкинских скалах зарегистрированы и скаль-

кированы сотни фигур различного времени и различной техники. В Шишкино имеются писаницы, охватывающие всю историю Верхнеленского края: 1) палеолитические изображения лошади; 2) неолитические изображения лосей монументального стиля, 3) изображение лодки с сидящими в ней людьми и чудовищного зверя-дракона, сближающегося с изображениями на изделиях бронзового и раннего железного века Южной Сибири и Монголии; 4) древнетюркские изображения курыканской группы — самые многочисленные и разнообразные по содержанию (рис. 29—33); 5) позднейшие писаницы, которые могут быть отнесены к предкам современных обитателей Верхней Лены — бурят-монголов.

Тщательное обследование курыканских писаниц привело к открытию первой на Лене рунической надписи в одну строку, окончательно доказавшей существование здесь в древности, в эпоху бытования рунической письменности, т. е. около тысячи и более лет тому назад, тюркской народности, достигшей высокого уровня культуры. Народом этим в первую очередь были, вероятно, курыканы тюркских надписей (в китайской передаче — гулиганы), которых еще И. Бичурин считал предками якутов. Дальнейшие работы привели к открытию на Верхней Лене древних надписей рунического типа еще в двух пунктах ниже по Лене — у острова Писаного и вблизи д. Давыдово. Последние надписи (в две строки) оказались в сочетании с писаницами оригинального стиля и содержания, изображающими сцену магического загона оленей в изгороди-лабиринты и сети.

До сих пор в Прибайкалье были известны две надписи рунического типа на богхедовых пряслицах, случайно найденных в долине р. Куды, и остатки третьей вблизи улуса Нукут, на горе Хашхай. Сейчас, после находок верхнеленских надписей, число их удвоилось. Таким образом, обнаружена новая и самая северная провинция распространения рунических надписей.

На Средней Лене, в Якутии, кроме отмеченных уже палеолитических находок были обнаружены новые неолитические поселения и стоянки местного бронзового века, характеризующие своеобразные культуры этой области. Своеобразными, совершенно непохожими на верхнеленские, оказались и местные памятники раннего железного века. Раскопками у с. Мухтуя вскрыты были остатки древней железоплавильной и кузнечной мастерской, поражающей своей примитивностью. Вместе с наконечниками стрел, шлаками и крицей здесь была найдена и характерная керамика: круглодонные, тонкостенные сосуды с налепными насеченными сверху узкими валиками.

Среднеленские наскальные изображения оказались не менее многочисленными, чем верхнеленские, и крайне своеобразными по стилю. Выполненные преимущественно красной краской, они расчленяются на несколько хронологических групп. Самые ранние должны быть отнесены еще к неолитическому времени и обнаруживают ближайшее родство с неолитическими писаницами иных районов Сибири — как по сюжетам, так и по своему монументально-реалистическому стилю. Классическим образцом их может служить рисунок на скале у д. Чуру.

Одним из самых замечательных археологических памятников Восточной Сибири является писаная скала (Суруктаах-хайа) на р. Мархе, впадающей в Лену ниже Олекминска. Возвышающаяся подобно мощному пилону над узкой долиной Мархи, Суруктаах-хайа покрыта многочисленными и разнообразными рисунками, в том числе фигурами лосей, людей с зооморфными признаками, шаманов и символическими знаками. У подножия скалы лежат современные жертвенные приношения духу — хозяйке реки Мархи.

В глубокой щели у подножия скалы оказались и более древние приношения, принадлежащие по крайней мере трем историческим этапам: позднему неолиту, бронзе и железному веку. Таким образом, находки на скале Суруктаах-хайа дали основания для увязки наскальных рисун-

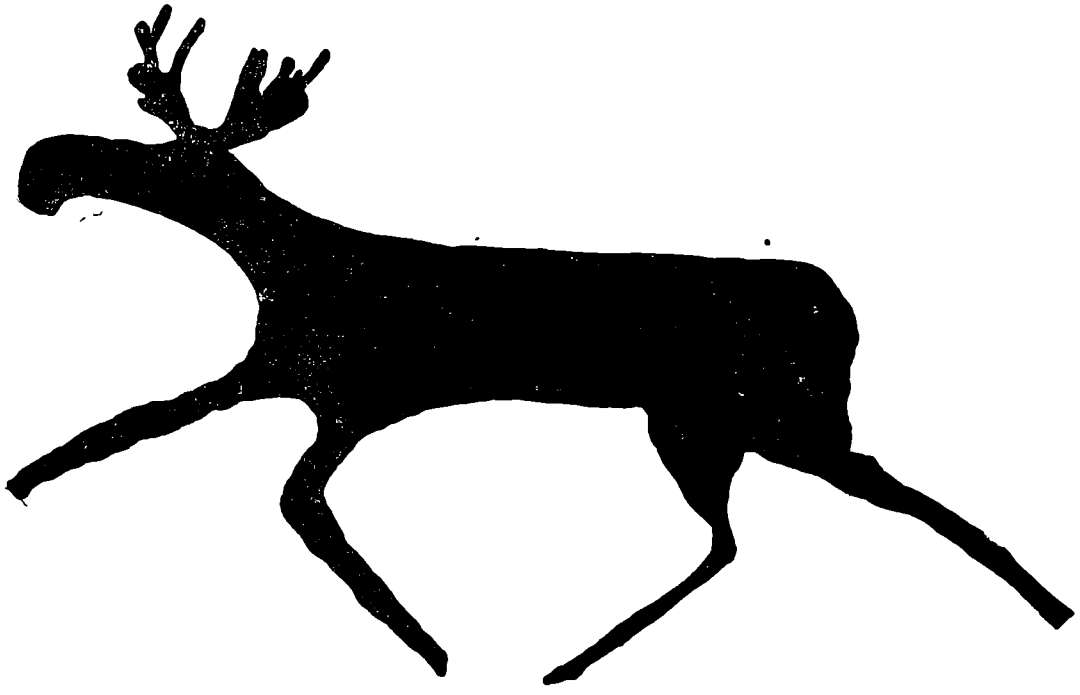


Рис. 29. Курыканский рисунок лося на скале близ д. Шишкино

Рис. 30. Курыканский рисунок верблюда на скале близ д. Шишкино

ков с археологическими памятниками иного рода и, следовательно, для датировки некоторых писаниц по крайней мере концом неолита, тогда как ранее думали, что всем среднеленским писаницам, выполненным краской, не больше 700 лет и что принадлежат они древним якутам,

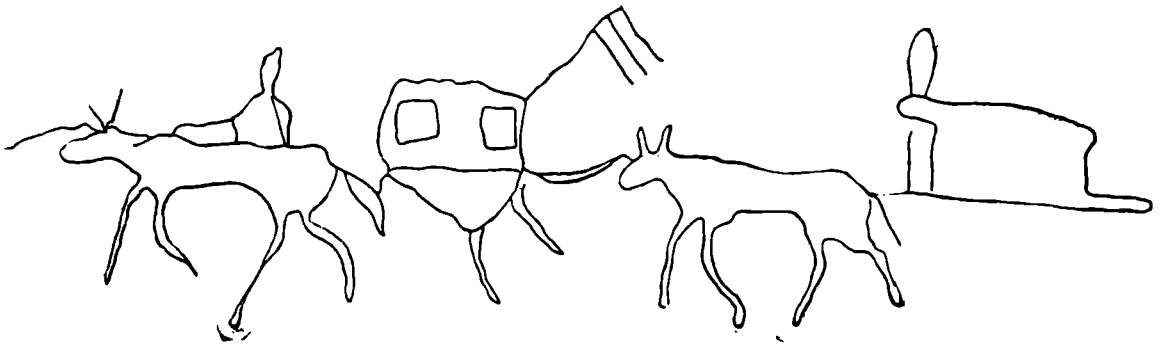


Рис. 31. Изображение кибиток и быков на скале близ д. Шишкино

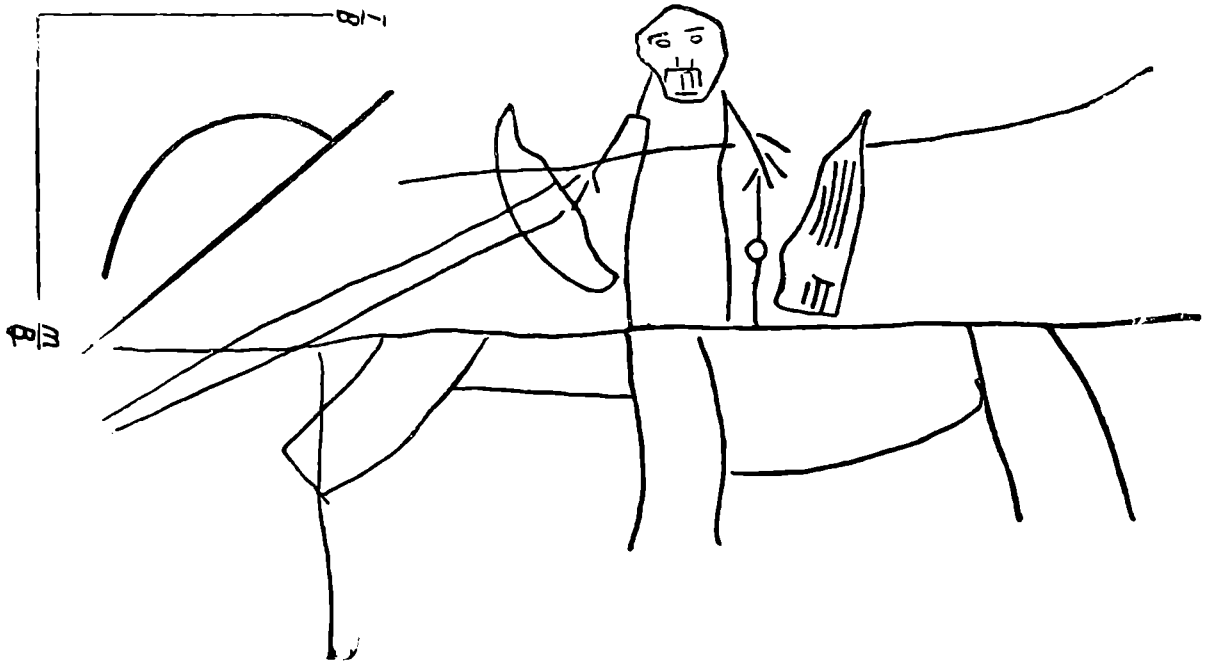


Рис. 32. Всадник-воин. Рисунок на скале у д. Каринта

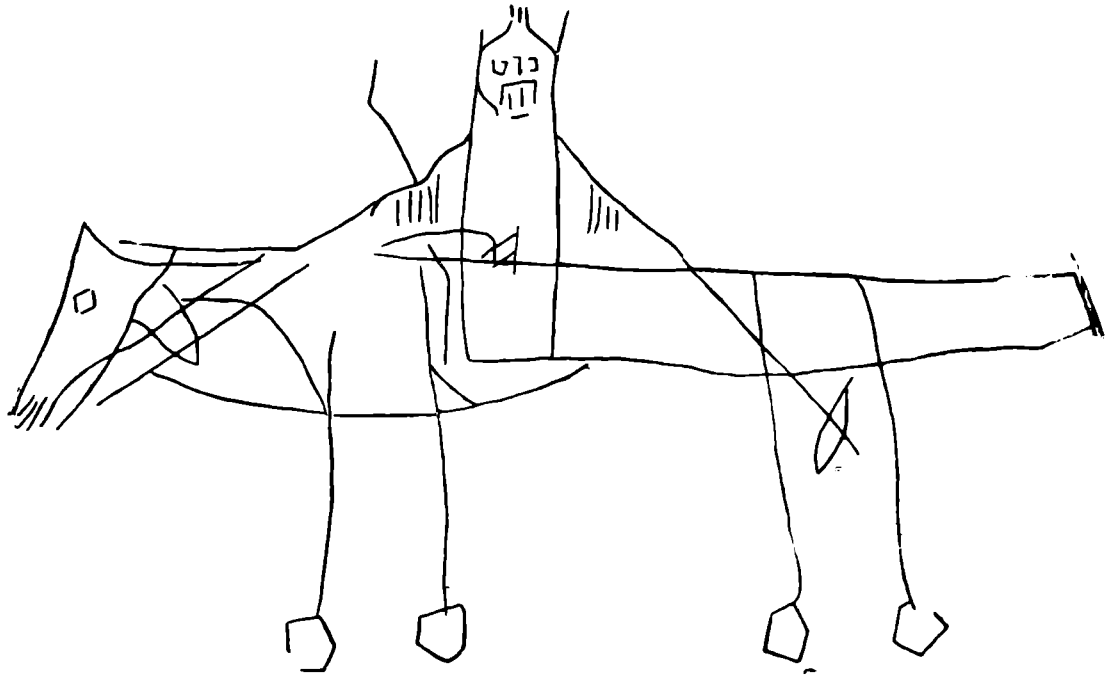


Рис. 33. Всадник-воин. Рисунок на скале у д. Каринта

переселившимся сюда после возвышения в степях Центральной Азии монголов и образования монгольской империи Чингиса.

Отличия в стиле различных среднеленских изображений, иногда прямо налегающих друг на друга, позволили проследить эволюцию их вплоть до позднейших. Среди последних выделяется писаница у с. Петровского, на расстоянии около 150 км от Якутска, где в сочетании с характерно стилизованной фигурой человека оказались условные знаки, выполненные красной краской и соответствующие знакам рунического орхоно-енисейского шрифта. Эта находка подтвердила, таким образом, предания якутов о том, что их предки знали когда-то письменность: в начальном предании о праотцах и первопредках народа Эллее и Омогой-Бае говорится, что отец Эллея Каяранг имел свои письмена, положенные с ним в висячий гроб — арангас. В эпосе якутов, олонхо, упоминаются четырехгранные каменные столбы с надписями, подобные древнетюркским надгробным монументам, стоявшим на могилах Орхонских ханов. В языке якутов есть собственный термин для письма: «сурукбичик», аналогичный таким же терминам в языках других тюркских и монгольских народов.

Самые поздние памятники, обнаруженные в 1941 г. на Средней Лене,— это следы старинных поселений, относимые народом ко времени жестоких кровопролитных войн до прихода русских, «кыргыс-этехи».

В Якутск экспедиция прибыла уже глубокой осенью, когда все было покрыто снегом и приближался ледостав.

Исследования 1942 г., осуществленные как и прежние при деятельной поддержке председателя СНК ЯАССР И. Е. Винокурова и наркома просвещения В. Н. Чемезова, охватили Нижнюю Лену от Якутска и до Ледовитого океана.

Обнаруженные здесь 80 памятников дали отчетливое представление об основных этапах прошлого и основных культурах этой области, совершенно неизвестных еще археологам. Продолженные в 1943 г. работы Ленской историко-археологической экспедиции ИИМК АН СССР и НИЯЛИ ЯАССР на Нижней Лене дали новые существенные данные и позволили еще полнее и глубже уяснить характер древних культур сурового Заполярья Якутии.

Древнейшими археологическими памятниками Нижней Лены из числа найденных в 1942—1943 гг. оказались поселение и погребение около оз. Уолба у Жиганска, характеризуемые своеобразным архаическим по своему облику инвентарем, в том числе крупными наконечниками стрел из ножевидных пластин с частичной подретушовкой.

В результате работ 1943 г. было выяснено, что верхний культурный слой на древнейшем поселении около оз. Уолба соответствует последующей стадии в развитии местной неолитической культуры. Раскопки у соседнего оз. Кыларса показали, что два исследованных там поселения относятся к той же стадии. На одном поселении около оз. Кыларса обнаружен довольно обильный инвентарь: наконечники стрел, копий, скребки, фрагменты глиняной посуды. На втором поселении прослежен ряд очажных ям особого устройства, из которых постоянно выгребали пепел и угли. Инвентарь обоих поселений одинаков. Для датировки их существенное значение имеют наконечники стрел, аналогичные серовским Прибайкалья, и керамика с оттисками тканей. Поселений типа найденного на р. М. Мунку у Олекминска, на Нижней Лене, не оказалось, хотя отдельные находки, напоминающие вещи, найденные на стоянке Мунку, имеются.

Особое место занимают оригинальные памятники неолитического облика, обнаруженные в районе Булуна, именно мастерские, расположенные на самых высоких и сухих участках скалистых берегов Лены

между Булуном и Чокуровкой. В мастерских обрабатывали камень и выделывали из него болванки — полуфабрикаты.

Неожиданно яркими и богатыми оказались памятники местной бронзовой культуры: погребения и стоянки.

В 1942 г. на р. Бугачан ниже Жиганска и около с. Говорово выше Булуна были обнаружены два замечательных погребения с инвентарем, близко напоминающим вещи из погребения у с. Покровского и деревень Хатын и Тумул на Средней Лене. Последние, в свою очередь, имеют ряд точек соприкосновения с погребениями эпохи ранней бронзы на Нижней Ангаре и отчасти на Верхней Лене (круглые перламутровые бляшки, оригинальные наконечники стрел с расщепленным основанием, медные изделия, кремневые наконечники стрел с прямым основанием).

В 1943 г. у селения Сиктях в местности Алаяна было обнаружено замечательное многослойное поселение, в нижнем горизонте которого, на глубине 1.5—1.4 м от поверхности оказались каменные изделия, в том числе сходные с найденными в погребении на р. Бугачан. Вместе с каменными изделиями здесь же обнаружены были обломки льячек и кусочек меди.

Верхний культурный слой сиктяхского поселения дал находки, до того представленные на Нижней Лене еще недостаточно: керамику, аналогичную найденной в Мухтуе на стоянке-мастерской раннего железного века, кости животных и рыб, обработанную бересту, в том числе остатки какого-то сосуда, промазанного изнутри березовым варом, каменные скребки типа употребляемых в настоящее время эвенами и юкагирами скребков «куочай».

Таким образом, сиктяхские находки 1943 г., столь определенно напоминающие вещи из раскопок в Мухтуе, окончательно подтвердили полное единство древней культуры этого времени на огромном пространстве от Мухтуи до дельты Лены, о чем свидетельствовали еще находки 1942 г. вблизи с. Чокуровки.

На Нижней Лене, у Сангар-Хая, были найдены также и новые памятники, позволившие более детально расчленить местную архаическую культуру на определенные хронологические отрезки. Вблизи р. Ююкэ оказались остатки древнейшего поселения раннего железного века, носящие еще ясный отпечаток бронзовой культуры, а в местности Унгайы (иначе «Зеленое») — «малые дома», культура которых должна быть старше самых архаических памятников Якутской культуры — «кыргыс-этехов». Последние обнаружены в 1943 г. около Сиктяха и на берегах оз. Сыалаах, свидетельствуя тем самым о раннем и глубоком проникновении якутов в низовья Лены.

Таким образом, за четыре года произведено предварительное археологическое обследование долины Лены на протяжении более 4 тыс. км. Обнаружены и обследованы памятники палеолитического времени, неолита, бронзового века, различных стадий железного века, в том числе ряд первоклассных, как, например, палеолитическое изображение лошади у д. Шишкино, древние поселения у оз. Уолба и в Сиктяхе, Мархинская Суруктаах-хайа, писаницы у с. Чуру и в других местах. Начато систематическое и планомерное исследование археологических памятников не только Средней, но и Нижней Лены путем раскопок. Налицо несомненный и значительный сдвиг в археологии Севера.

Систематическое изучение археологических памятников и представленных ими древних культур Ленского края, начатое ленской историко-археологической экспедицией, несомненно, должно оказать существенное влияние и на дальнейшую разработку вопросов древней исто-

рии ленских, особенно же северных племен, заселявших современную Якутию.

Археологическое исследование Лены тем более важно, что письменные источники — китайские, средневековые арабские, монгольские, тюркские, отчасти европейские — не могут дать сколько-нибудь систематических сведений о дорусском прошлом северных областей Восточной Сибири. Неписьменные источники, привлекавшиеся до сих пор историками — этнографические данные, фольклор, материальная культура, язык, при всем их богатстве и ценности все же не могут полностью заменить отсутствующих письменных документов, не в состоянии раскрыть подлинную историю во всей ее полноте и сложности. Источники эти, как правило, охватывают сравнительно ограниченное и близкое к нам время, постепенно утрачивая отчетливость, достоверность и полноту по мере углубления в прошлое. В них, наконец, причудливо переплетаются разнохарактерные и разновременные элементы, отсутствует точная хронологическая канва. Следовательно, по одним этим источникам трудно или вообще невозможно восстановить определенную последовательность исторических событий.

При отсутствии древних письменных источников такую хронологическую канву могут дать только вещественные (археологические) материалы, но до последнего времени они не были выявлены и освоены исторической наукой.

Значение археологических памятников Севера определяется еще и тем, что связанные с ними исторические проблемы не ограничиваются локальными рамками самого Севера, ибо с исследованиями на Севере связаны большие исторические вопросы о древнейшем населении Азии, о древних передвижениях и расселении племенных групп, с ними связаны и такие проблемы, которые непосредственно затрагивают прошлое народов не только Старого Света, но и американского континента.

На примере перечисленных выше четырехлетних работ Ленской историко-археологической экспедиции легко убедиться, как много могут и должны дать для древней истории археологические работы на Севере.

До сих пор достоверная история северных племен, конкретно племен Якутии, не уходила глубже чем на три-четыре столетия. Сейчас исторический период, наполненный достоверными фактами, охватил здесь по крайней мере 10—15 тысяч лет.

До сих пор существовало мнение об извечной стабильности и устойчивости первобытного уклада жизни северных племен, изображаемых в виде своего рода «живых окаменелостей». Теперь ясно, что и здесь имела место, как и в передовых областях земного шара, такая же по общему своему характеру, хотя и своеобразная в конкретных проявлениях, непрерывная смена культурно-исторических этапов: палеолита, неолита, бронзового и железного века.

Сторонники расовой теории не только убеждены в консервативности северян, но и отказывают «диким гиперборейцам» в праве на участие в «общечеловеческом культуротворчестве». Советские ученые выяснили заслуги северных племен перед мировой историей. На археологическом материале раскрывается многовековая героическая борьба северных племен с суровой арктической природой за овладение новыми пространствами, выясняется ход развития их культур.

В частности, задолго до открытия остатков оригинальной письменности юкагиров (одулов) на берегах Лены шел процесс развития автохтонной письменности; совершился переход от картинного религиозно-магического письма к условно-символическому посредством особых

знаков, зачаточных идеограмм. Хотя эта архаическая письменность и не получила дальнейшего развития, все же относящиеся к ней ленские наскальные изображения бесспорно входят в круг памятников общечеловеческой культурной истории, как документы, свидетельствующие о закономерном развитии письма, величайшего культурного достижения человека — не только в странах классической культуры, но и на далеком Севере.

Если ранее северные племена при молчаливом согласии историков вообще исключались из мировой истории, то в настоящее время постепенно накапливаются факты, позволяющие прошлое их так или иначе связать с событиями всемирной истории. Сторонники расовой теории привыкли выводить все лучшее в культуре северных племен и вообще «азиатов» из тех районов Запада, которые признаны были колыбелью арийцев, строили гипотезы о переселении «арийцев» или прямо «доисторических германцев» на Восток, в том числе по направлению к Байкалу и на Амур (Гандерт, Левенталь, Коссина) и даже в Америку (Б. фон Рихтгофен). Тем интереснее новые факты, свидетельствующие о древнейших связях глубинной Сибири с Прибалтикой, указывающие на возможность совершенно иного направления древнейших переселений, не только с Запада на Восток, но и с Востока на Запад. Таковы самые ранние неолитические находки на Уолбе, близко напоминающие находки на Онежском озере в могильнике Оленьего острова, где обнаружены черепа с монголоидными чертами. Таковы для более позднего времени находки в погребениях бронзового века Якутии, напоминающие антропологические материалы с другого, Оленьего острова — в Кольском заливе.

Новые материалы значительно продвигают к разрешению старый вопрос о древнейшей культуре предков якутского народа на Верхней Лене: открыты памятники, доказывающие наличие здесь более десятка веков тому назад своеобразной и высокой по тому времени тюркской культуры — более высокой, чем та, которую застали на Манзурке, Анге, Куленге и Верхней Лене казаки в XVII в. Более высокой, чем та, которую застали казаки на Средней Лене в XVII в., была, в свою очередь, и древняя культура якутов: они знали письменность, знали земледелие, более развиты были их социальные отношения. Эта древняя культура, следовательно, и развивалась на Верхней Лене в первом тысячелетии нашей эры.

А. П. Окладников

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
вып. XIII ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1946 год

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В РАЙОНЕ г. ЕЛАБУГИ ТАТАРСКОЙ АССР

В план полевых археологических работ Елабужской группы ИИМК (руководитель П. П. Ефименко), кроме стационарных работ на Луговском могильнике и Ананьинской дюне, было включено и два рекогносцировочных маршрута. Один из них включал обследование правого берега Камы, вниз по течению, до впадения Вятки (работу вели А. А. Гаврилова и В. П. Мизинова), другой — вверх по течению, до затона Набережные Челны (провела В. П. Мизинова).

Елабужский район, уже давно привлекавший внимание археологов своими исключительно интересными памятниками, неоднократно обследовался и сравнительно хорошо изучен специалистами. Поэтому основной целью экспедиции было выяснить состояние уже известных памятников в Котловке, Грохани, Свиногорье и собрать там материал для вновь организуемого Исторического отдела местного музея краеведения. При осмотре городищ Грохань и Свиногорье были произведены небольшие зачистки берегов городищ, обнажившие культурные залегания. Культурные слои обоих городищ, мощностью 12—20 см, сравнительно мало насыщены, тем не менее материал для Музея, хотя и небольшой, был собран.

Небольшой материал для Музея был доставлен и с Тонгусова Поля (неизвестного до того времени в литературе), находящегося в 1.5—2 км от Свиногорья, по дороге в Котловку.

На урочище Тонгусова Поля расположена дюнная гряда, сильно задернованная. В восточной части ее, приблизительно на протяжении 100 м с В на З и 200 м с С на Ю, в дюнных впадинах, также заросших, было собрано несколько мелких обломков глиняной посуды среднего обжига, сделанной от руки, со следами сглаживания на обратной стороне. Орнаментированных обломков оказалось два: один украшен мелким трехгранным чеканом, расположенным в два ряда; на другом сохранилась только часть узора, типичного для посуды с Ананьинской дюны — ромб, заштрихованный параллельными линиями. Все обломки с Тонгусова Поля аналогичны встречающимся на Ананьинской дюне и поэтому, несмотря на скудость находок, все же позволяют дополнить археологическую карту данного района еще одним поселением Ананьинской эпохи.

По второму маршруту обследование берега было предпринято от пос. Лугового, где в это время П. П. Ефименко производил раскопки могильника. Проезжая дорога из пос. Лугового на Набережные Челны, вдоль которой производились разведки, идет лесом по берегу боровой песчаной террасы, довольно круто спускающейся к пойме Камы. Непо-

средственно за поселком дорога пересекает ряд всхолмлений, отделяющихся друг от друга промоинами, спускающимися к пойме. На ближайшем всхолмлении заметны следы раскопок А. В. Збруевой, где ею был вскрыт жилой комплекс. Метрах в 200 от этих раскопок, на третьем от поселка бугре, дорога, перерезая почвенный покров, обнажила культурный слой, состоящий из довольно большого количества костей животных и обломков посуды ручной лепки, грубой и сравнительно плохого обжига. По своему общему облику и орнаментике посуда эта близка к обнаруженной П. П. Ефименко при раскопках жилого комплекса в пос. Луговом. Очень небольшое количество обломков носят следы лощения. На этом всхолмлении, имеющем в длину около 70 м и в ширину 35—40 м, заметны 4 котлообразных впадины, диаметром 10—12 м (возможно, полуземлянки). По окончании раскопок на могильнике здесь был заложен небольшой пробный шурф. В результате раскопок было обнаружено «костище», содержащее кроме керамики небольшое количество остатков рыб, обломки костей различных животных, преимущественно черепов, челюстей и зубов. По полевому определению кости принадлежат лошади, корове, овце, свинье и лосю.

Дальше по дороге, в 2 км от пос. Лугового, на берегу оз. Отарка [1], на обнаженной в этом месте от леса песчаной береговой террасе собрана керамика, видимо, золотоордынского типа. Посуда тонкостенная (толщина 0.4—0.6 см), сделана на гончарном круге, глина хорошо отмучена и равномерно обожжена; тесто преимущественно яркокрасного цвета. Черепки украшены линейным и волнистым нарезным орнаментом, встречаются украшения в виде рельефных ободков с насечками. Найден один обломок ручки, овальной в сечении, от небольшого кувшина. Здесь же были встречены и куски глиняной обмазки.

Километрах в 4.5—5 от пос. Лугового, на берегу оз. Подборное, лесная дорога прерывается большими дюнными обнажениями. В отдельных выдувах этих дюнных гряд был собран различный материал, представляющий незаурядный интерес. В одном из выдувов обнаружено довольно большое количество сравнительно мелких обломков медных шлаков, частью со следами отливки. Можно предположить, что это остатки литейного производства.

В 20—30 м от этой находки было обнаружено довольно большое количество осколков кремня с несомненными следами обработки. Среди них встречено несколько пластинок и два наконечника стрел. Пластинки тонкие, сколоты с призматического нуклеуса, две из них имеют следы подретушировки. Один из наконечников стрел, найденный метрах в 8—10 от места находки шлаков,— темного, почти черного цвета, тонко обработан плоской отжимной ретушью с двух сторон. Он имеет вполне симметричные очертания, с хорошо обработанным тонким шильцем, черешок у наконечника не выражен (размер стрелы около 3 см, ширина — около 1 см). Второй наконечник — светлокоричневого цвета, выделан из крупнозернистой гальки и носит следы окатанности. Наконечник грубо обработан и, повидимому, не был закончен.

Датировка этих находок из-за их малочисленности затруднительна.

В. П. Мизинова

---

[1] См. А. В. Збруева «Советская этнография», вып. 5, 1934, и вып. 2, 1935.

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
вып. XIII ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1946 год

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ В СЕМИРЕЧЬЕ

В 1933 г. нами была проведена предварительная рекогносцировка по долинам рек Чу и Талас[1], в значительной степени определившая путь планомерного археологического обследования Семиречья в 1936—1941 гг.

С 1936 по 1940 г. на территории Киргизии и Казахстана, преимущественно в междуречьях рек Таласа, Чу и Или, были проведены большие археологические обследования, вскрывшие отложения культур кочевых скотоводческих и оседлых земледельческих племен на протяжении почти четырех тысяч лет — от эпохи бронзы до XIX в.[2] За эти годы раскапывались десятки городищ и стоянок, среди них древние города: Тараз (Джамбул в Казахстане), Сарыг и Баласагун (Чуйская долина в Киргизии), Койлык (в бассейне Или) и ряд других более мелких. По Таласу древние города Текабкет, Сусы, Куль и Шельджи; по Чу — г. Якакент; в Илийском бассейне — Талгарское городище, а также сотни курганов кочевников различных эпох, среди которых особое место занимает Кенкольский могильник, связанный с эпохой движения гуннов[3]. Завершающей работой явился значительный сбор археологического материала при строительстве Большого Чуйского канала в 1941 г., трасса которого прошла по объектам исключительной археологической важности[4], давшим тысячи интереснейших памятников, составивших ядро коллекций историко-археологического отдела Краеведческого музея, открытого в г. Фрунзе 8 ноября 1941 г. (ныне Музея истории национальной культуры киргизского народа Киргизского филиала Академии Наук СССР)[5].

В результате работ экспедиции в 1938 г.[6] в г. Джамбуле Управле-

---

[1] См. предварительный отчет: Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 6.

[2] См. наши работы: Археологические работы в Казахстане и Киргизии, ВДИ, 1939, № 4, стр. 169; ср. журн. «Наука и жизнь», 1940, № 3; Археологические работы в Семиречье, КС ИИМК, IV; Археологический очерк Северной Киргизии, Фрунзе, 1941; Памятники старины Таласской долины, Алма-Ата, 1941.

[3] См. нашу работу «Кенкольский могильник», Л., 1940, изд. Гос. Эрмитажа.

[4] Бернштам А. Н. Историко-материальное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала, Фрунзе, 1943 (там же см. указание на отчеты об этих работах в периодической печати).

[5] См. Путеводитель по историко-археологическому отделу под общей редакцией А. Н. Бернштама, Фрунзе, 1943.

[6] В работах экспедиции принимали участие при общем руководстве Института истории материальной культуры им. акад. Н. Я. Марра АН СССР (нач. экспедиции А. Н. Бернштам) Казахстанский филиал АН СССР, Комитет наук при СНК Кирг. ССР, Управление заповедниками при СНК Каз. ССР, Гос. Эрмитаж, Кирг. Педагог. институт.

нием по охране памятников и заповедников при СНК КазССР был открыт археологический пункт, ведущий стационарную археологическую работу в Южном Казахстане, а при нем Археологический музей. Археологические коллекции также представлены в Центральном музее Казахстана (Алма-Ата), в Государственном Эрмитаже (Ленинград).

Предварительные сообщения об этой работе делались в вышеуказанных специальных отчетах; они отмечались в общих обзорах об археологических работах в СССР как в советских [1], так и в заграничных изданиях [2]. Собранные материалы легли в основу наших специальных изысканий [3] и очерков научно-популярного характера [4].

Наряду с этим не лишне подвести научный итог, следуя основным историческим этапам, которые характеризуют материалы раскопок в Семиречье — в районе, который до недавнего прошлого оставался «белым пятном» на археологической карте Советского Союза. Естественно, что размеры статьи позволят этот итог сформулировать лишь в предельно сжатом виде.

Открытые экспедицией памятники эпохи бронзы (Каргалы I, Алма-Атинской области Казахской ССР; Каинды, Фрунзенской области; Киргизской ССР) показали, что в Семиречье наряду с типичными чертами южносибирской бронзы, достигшей здесь юго-восточного предела своего распространения, получили отражение западные влияния. Об этом свидетельствует вислообушный топор — для эпохи бронзы, наконечники копия ананьинского типа — для эпохи скифов, а особый вид лопатообразных кельтов, не имеющих себе аналогий среди известных нам кельтов на территории СССР, отчасти напоминающий «Houe on soede charrue» из Юннани (опубликованный Olove Janse) [5], дает возможность в пределах Семиречья выделить северо-киргизский вариант культуры эпохи средней бронзы. Чу-Илийское междуречье представляется пока главным центром распространения памятников эпохи бронзы. Топография поселений и характер культурных отложений свидетельствуют о сезонных перекочевках пастухов-скотоводов, которые наряду с интенсивным скотоводством (на что указывает находка серпов, которыми производилось сенокошение) занимались охотой и рыболовством. В культуре эпохи бронзы заметно влияние Китая, о чем свидетельствует коленчатый нож чжоусского типа (Нарын, Тяншань) и особый тип серпов (Узунгач, Алма-Атинская обл.)

В поздних памятниках эпохи бронзы (Каргалы I) намечается формирование культуры кочевников Семиречья, не исчезающей до VIII в. н. э., что особенно ярко сказывается в керамике. В этой культуре кочевников — чем позже, тем ярче — выступают минусинские и алтайские влияния, по существу придающие культуре кочевников Семиречья частный, *западный* вариант культуры южносибирского круга памятников.

Индивидуальной особенностью памятников скифской эпохи (точнее — сакской) является широкое распространение комплексов светиль-

---

[1] ВДИ, № 2, 1940; Двадцать пять лет советской исторической науки, М., 1942, стр. 74 сл.

[2] Ars Islamica, IV, 1937; Antiquary, 1940, декабрь.

[3] Подготовлен к печати первый том истории киргизского народа и Киргизстана (с древнейших времен до монгольского завоевания).

[4] Историческое прошлое киргизского народа, Фрунзе, 1942; Культура древнего Киргизстана, Фрунзе, 1942; то же на кирг. языке (Фрунзе, 1943); ср. также журн. на кирг. языке «Советский Кыргызстан», 1942, № 7—8; 1943, № 3 и 4; газета «Советская Киргизия» от 21/V, 4/VI, 12/VI, 22/VI 1941; II/IV, 30/VI, 4/VII, 27/VII, 18/VIII 1943.

[5] Olove Janse. Un groupe des bronzes anciennes propres à l'Extrême Asie Méridionale, MEA, Bulletin II. 1930, стр. 136—137.

ников, жертвенных столов и котлов для изготовления ритуальной трапезы; комплекс этот повторяется в ритуальных предметах Чжоусского Китая типа «дин» и «фу»[1] и порожден был культом огня кочевников саков, позднее сочетавших эти шаманистские ритуалы с зороастрийским мировоззрением.

Упомянутые культовые предметы, наряду с реалистически выполненной бронзовой скульптурой в стиле типичных скифских изображений борьбы зверей, имеют иногда скульптурную (барельефную) декорировку в виде фантастических животных, встречаемую здесь же, в Семиречье, и позднее — в V—VII вв., а также в коропластике Китая эпохи Хань, особенно ярко представленную в статуэтке из собрания Osvald Sirén[2].

Сакская культура Семиречья, выросшая на основе предшествующей культуры эпохи бронзы, в свою очередь легла в основу культуры, известной под именем усуньской (III в. до н. э. — I в. н. э.). Непрерывность линии развития культур этих трех стадий (бронза, культура саков и культура усуней), прослеженная нами по археологическим памятникам, заставила пересмотреть традиционные представления об эмиграции усуней из Восточного Туркестана и в согласии с Hundson[3] на новых основаниях выдвинуть гипотезу о тождестве усуней с исседонами, как частью Сакского союза племен, жившими на Тянь-шане, в III веке ставшими политическим гегемоном на этой территории и известными в китайской транскрипции под этнонимом усунь.

Памятники эпохи саков и усуней, раскапывавшиеся нами в многочисленных районах Семиречья от Таласа до Или, дали ряд локальных вариантов и несколько хронологических групп[4]. Эти сако-усуньские памятники Семиречья делятся на следующие четыре группы:

1. Карачако (р. Или) и Чуйские курганы V—IV вв. до н. э. Датируются стрелами скифского типа и наременными бляхами.

2. Берккара I (хребет Каратау) и Нарынские курганы IV—III вв. до н. э. Датируются бронзовой пряжкой с изображением льва, глотающего птицу (гуся?), а также пряжками без язычка.

3. Берккара II и Усуньские курганы, раскопанные М. В. Воеводским и М. П. Грязновым в долине рек Чу и Каракола (Иссык-Куль) II в. до н. э.— I в. н. э. Датируются инвентарем сарматского типа, в частности ажурными серьгами с зернью и бусами.

4. Карачоко II, Каргалы II (р. Или) I в. до н. э.— II в. н. э. Этому времени принадлежит выдающееся произведение искусства Семиречья — золотая диадема из Каргалинского ущелья. Вместе с диадемой было найдено еще 410 золотых предметов, служивших украшением платья молодой шаманки, погребенной в ущелье[5].

Каргалинская диадема, находящая себе — и по сюжету и по стилю — аналогию в инкрустированном китайском блюде эпохи Хань (коллекции Лоо), семантически и функционально входит в круг шаманской

---

[1] B. Kargrenn. Jin and Chou in Chinese Bronzes, MEA, Bulletin 8.

[2] Osvald Sirén. Historie des Arts anciens de la Chine, III — La sculpture de l'époque Han à l'époque Ming, Paris — Bruxelles, 1930, табл. 25, p. A.

[3] G. F. Hundson. Europe and China. A Survey of their Relations from the earliest times to 1800, London, 1931, стр. 40—42.

[4] Об этом мной прочитан доклад на тему «Древнейшие тюркские элементы в этногенезе народов Средней Азии» (на конференции по этногенезу в августе 1942 г. в Ташкенте).

[5] См. нашу статью Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке, КС ИИМК, V. Вещи находятся в Алма-Ата, в Центральном музее Казахстана.

атрибуции, разъясненной в статье C. Hentze по материалам из раскопок в Корее [1], произведенных Kosaku Hamada и Sueji Umchara [2].

Весь этот хронологический ряд связан единством керамики, отчасти погребального ритуала, а также преемственностью форм и сюжетов в памятниках материальной культуры.

Эту закономерную линию развития нарушают могильники, связанные с вторжением на Тянь-шань гуннских завоевателей середины I в. до н. э., именно северных гуннов, во главе с Чжичжи Шаньюем [3]. Они усилили на Тянь-шане влияние китайской культуры и положили начало интенсивному процессу в области монголоидного расогенеза и сложения типичных черт тюркской кочевой культуры, донесенной до наших дней в этнографических материалах киргиз, казахов и других народов Средней Азии. Памятником этой эпохи являются курганы кенкольского могильника [4] (Киргизия, р. Талас, правый приток р. Кенкол), давшие уникальной сохранности шелковые ткани и богатый инвентарь, интереснейший палеоантропологический и не менее интересный палеоботанический материал [5] (кстати сказать, здесь встречена древнейшая форма кольцевой деформации черепа [6]).

В VI—VIII вв.— в период господства тюрок, т. е. западных тюрок (582—704) и тюргешей (704—766), лицо Семиречья сильно изменилось вследствие эмиграции в эти районы согдийцев, переселившихся из района Зеравшана, известных в Семиречье уже с V в. н. э. [7]. Эмиграция эта особенно усилилась после вторжения арабов в Среднюю Азию с середины VII в. Носители идей Авесты и зороастрийского культа, предприимчивые купцы, прекрасные земледельцы и искусные ремесленники — они воздвигли в своих колониях фундаментальные укрепленные дома (кешки), лучше всего исследованные нами в районе с. Красная речка (долина Чу, 30 км к востоку от Фрунзе), на базе которых возникли впоследствии города мавераннахрского типа (по Таласу и Чу), типа г. Сарыг и Баласагун (Чу в Киргизии) и Тараз (р. Талас в Казахстане). Подобно тому, как гебры в Иране и парсы в Индии, согдийцы в Семиречье были носителями идей зороастризма и иранской культуры, сочетая предписания Авесты с шамамистскими воззрениями тюрок. Так родились шаманистско-зороастрийские атрибуции культа огня, исследованные нами по Сукулукским находкам. Среди них мы встречаем фантастические фигурки животных и их стилизации, подобные отмеченным выше на сакской бронзе: охраняя вечный огонь, мерцающий в аташданах [8], они поддерживали крышки над пламенем светильника. Крышки эти чаще всего были украшены изображениями барана или таутеке (горного козла) вместо обычных — собаки или пти-

---

[1] C. Hentze. Schamanenkronen zur Hanzeit in Korea. OZ, Heft 5, 1933.

[2] См. Японские издания Kosaku Hamada u Sueji Umchara. A royal tombe «Kinkan Tsuka» or the gold Crown tomb at Keishu and its treasures, Chosen, 1924—1927 (имеется в библиотеке Гос. Эрмитажа).

[3] См. А. Н. Бернштам. Хуханье и Чжичжи Шаньюи. Из истории гуннов I в. до н. э. Советское востоковедение. I, 1941.

[4] А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник (в серии Археологические экспедиции Эрмитажа, вып. II), Л.. 1940.

[5] В. А. Петров. Некоторые проблемы исследования растительных остатков с мест археологических раскопок. КС ИИМК, VI, 1940.

[6] Е. Жиров. Об искусственной деформации головы, КС ИИМК, VIII.

[7] См. А. Н. Бернштам. Согдийская колонизация Семиречья, КС ИИМК, VI, 1940.

[8] Адекватных либо сакским светильникам с Иссык-куля, либо аташданам, воспроизведенным на сасанидских монетах; см. К. В. Тревер. Художественное значение сасанидских монет, ТОВ, II.

цы. В свете Авесты, Бундахишна, и в свете ранних произведений пехлевийской литературы типа Аик-Намэ и мусульманских изводов IX в. (как, например, у Джахиза) [1] становится понятен весь этот комплекс с богатой и семантически ясной орнаментацией, где собака и птица, подобно авестийским собаке и петуху, защищая негаснущий огонь, помогают бороться Сраошу с демонами ночи, и где баран и таутеке, видимо, являются семиреченским вариантом авестийских представлений, ибо Авеста, по словам Geiger, «была составлена главным образом для оседлого населения» [2].

Богатое собрание глиняных изделий и терракот этого времени, происходящее в основном из городища на р. Сукулук, дает представление об авестийском и иранском пантеоне. Здесь встречен и Гопатшах [3] и Захак [4], здесь найден пирей для огня — аташгах и сосуд в виде мифического космогонического существа «химар» — сосуд, находящий себе лучшую аналогию, как это ни странно на первый взгляд, в микенском ритоне XIII в. до н. э. [5]. Все это указывает на далеко ведущие на запад связи Семиречья того времени. Говоря об этих западных связях, укажем на находки варварских подражаний восточному римскому солиду V в. [6], брактеатов с варварских подражаний византийским монетам императоров Ираклия (611—629) и Константина Погоната (641—668) [7], и на широкое распространение в резной кости орнамента и технических приемов обработки кости, типичных для коптского искусства IV—VI вв. [8].

Эти явления были обязаны своим существованием не только согдийцам, принесшим сюда сасанидский орнаментальный круг, обнаруженный нами в достархане из Баласагуна, в облицовочной плитке из Сукулука (где он сочетается с лотосом — мотивом, известным на тканях из тюркских погребений Алтая и Монголии), принесшим и геральдических фазанов на аташдане из Сукулука и модифицированный в кибиткообразный оссуарий — астодан Согдианы; в значительной мере эти западные связи идут и от манихейцев-сирийцев, имена которых известны по нашим эпиграфическим находкам из Тараза и Сарыга, прочитанных покойным А. Я. Борисовым.

С ними связано развитие согдийского письма, первого буквенного письма Семиречья, приспособленного тюрками, точнее, быть может, тюргешами, для своего языка и нашедшего распространение не только в виде надписей на сосудах (находки у с. Лебединовка, Красная Речка), но прежде всего на монетах [9], обогативших нас новыми сериями восточной нумизматики.

Не менее чем западное влияние, шедшее из Согдианы, Ирана, Се-

---

[1] См. Grundriss der iranischen Philologie, II. Strasbourg 1896—1904 (статьи E. W. West u. H. Ethé). См. также серию The Saered Books of the East, т. V и XVIII, а также К. Иностранцев. Сасанидские этюды, СПб., 1909. Его же. Материалы из арабских источников для культурной истории Сасанидской Персии, ЗВО, т. XVIII.

[2] Geiger. Ostiranische Kultur in Alterthum, стр. 344—345.

[3] К. Тревер. Гопатшах, пастух-царь, ТОВ, II.

[4] Н. Дьяконова. Терракотовая фигурка Захака, ТОВ, III.

[5] Claude F. A. Schaefer. Les fouilles de Ras-Shamra-Ugarit, septième campagne (1935) Syria, XVII, 1936, табл. XVII.

[6] Определение А. Н. Зографа.

[7] Определение Л. А. Мацулевича.

[8] В этом убеждает сравнение вещей, происходящих из тюркских могильников и городищ этого времени в Семиречье, с вещами, воспроизведенными O. Wulff в его Altchristliche und Mittelalterl. byzantinische und italiänische Bildwerke, I, Berlin, 1909, табл. XXI, XXII, XXIII.

[9] См. А. Н. Бернштам. Тюргешские монеты, ТОВ, II.

верной Индии и Византии, имело значение влияние Китая, о чем сигнализировали наши раскопки, особенно в отношении буддийских памятников, доселе вообще мало известных и обычно приписываемых джунгарам (XVI—XVIII вв.).

По находкам Сукулука мы можем ясно выделить ранние формы буддийской пластики, происходящей из Гандары и лучше всего сохранившейся в Вэйской скульптуре Китая; в наших находках она представлена апотропеем — головой бодисатвы под ручкой сосуда, типичного для VI—VII вв. (так называемого кафыркалинского типа); в идеально трактованной голове бодисатвы (что, по Foucher, особенно характерно для Гандары) чувствуется Вэйская традиция; голова увенчана диадемой, лучшей аналогией которой могут служить диадемы на фресках Кизила (оазис Куча), изданных Грюнведелем [1].

Прекрасные памятники буддизма открыты нами в районе древнего города Джуль (в 10 км к западу от Фрунзе) в буддийской сангараме IX в., где найдены фрагменты Ваджрапани и шакья и других атрибутов буддизма. Сюда примыкает ручка от сосуда из Сарыга с изображением женщины с поднятой рукой, типа буддийской феи Нагини, и сосуд из Александровского городища с фигурками в позе анжала; по деталям костюма эти фигурки находят себе аналогии в известных изображениях ступы из Санчи, в буддийских изображениях Китая и в мелкой и монументальной китайской пластике, особенно полно представленной в сводной монографии упомянутого Osvald Sirén. Росписи глиняных фигур, обнаруженных нами в сангараме Джуля, принадлежат турфанскому типу Уйгурского периода [2], в то время как в домашней чайтьи из Сарыга, в манчжурских астрах, нарисованных техникой al secco, сильней ощущается манера манихейской росписи из Ходжо [3] или росписи Бамиана в Афганистане [4].

В заключение отметим, что собственно тюркская культура Семиречья сохраняла в себе и черты енисейско-алтайской культуры (особенно последней); в этом убеждает прежде всего манера обработки украшений из бронзы для платья, оружия и сбруи, иногда покрытых листовым червонным золотом; на это указывает и кыргызская палеография надгробных стел Таласа, а керамика находит себе аналогии и в близких районах, например в Ташкентском оазисе и Фергане, и в таких далеких, как Паннония, особенно керамика баночной формы [5].

В свете приведенных данных с несомненностью выступает синкретический характер культуры Семиречья VI—VIII вв. Культура тюркских кочевников вошла в тесное взаимоотношение с культурой обитателей согдийских колоний.

На эти основные явления культуры в свою очередь оказали влияние культуры тех стран и областей, с которыми входили в соприкосновение тюрки. Этим объясняется тот факт, что здесь, в Семиречье, сказались влияния Византии, Индии и Ирана, Согда и Ферганы, Шаша и Южной Сибири, Восточного Туркестана и Китая. Все это подверг-

---

[1] Al. Grünvedel. Alt-Kutscha, Berlin, 1920, см. табл. III—IV, 1—2.

[2] По тону они напоминают раскраску лица и тела лепных глиняных фигур из Шорчука VII—VIII вв. См. A. van Le Qoq. Die buddhistische Spätantiken in Mittelasien. Die Plastik, Berlin, 1922, стр. 36.

[3] См. A. van Le Qoq. Die buddhistische Spätantiken in Mittelasien, Die manichaeischen Miniaturen, Berlin, 1923, табл. 5.

[4] J Hackin et J. Carl. Nouvelles recherches archéologiques à Bamiyan, MDAFA, III, Paris, 1933, ср. табл. XIII.

[5] См., например, Tibor Horvath. Die avarischen Gräberfelder von Ullö und Kiskörös, Archeologia Hungarica, XIX, Budapest, табл. XIX.

лось сильной переработке, в процессе которой создавалось новое качество, культура особого типа. Семиречье в VI—VIII вв. функционально исполняло роль «Византии Востока», синтезируя культуры Центральной и Средней Азии, Дальнего и Ближнего Востока [1].

Карлукский период VIII—X вв. (766—940) принес в Семиречье существенные перемены: усилилась оседлость, начали нарождаться города, появилась более органическая связь тюркских кочевников с оседлым населением, наступила стабилизация караванных путей, возникли рибаты, завершилось оформление шахристана, возник рабад. На Таласе, в г. Таразе ощущалось сильное влияние Мавераннахра, увеличился согдийский экспорт глазурованной керамики, а на Чу и Или, отделенных от Таласа кочевьями карлуков Кульшуб и Касрибас, наблюдалась отсталость и провинциализм, не говоря уже о центральном Тянь-шане, среднем и нижнем течении Или и ее притоков. Настойчиво сказывался Иран и традиции Самарры в декорировке внутренних помещений жилых домов (г. Сарыг); в искусстве победил орнаментализм, развивались согдийские традиции, под влиянием которых перерабатывались эстетические вкусы тюрок, что особенно ярко сказалось в орнаментации глиняных изделий. Семиречье не знало саманидской монеты. Саманидский диргем (по определению М. Е. Масона) встречен лишь однажды, и то как височное украшение. В ходу была медная тюргешская монета, свидетельствующая о господстве в основном натурального обмена и слабой развитости товаро-денежных отношений при больших сделках. Разнообразие форм и техники посуды и конкуренция ручной лепки с гончарным кругом — уже одно говорит о все еще сохранявшемся значении домашнего ремесла.

Картина резко меняется к концу X в. при сложении в Семиречьи караханидской династии. Город к этому времени приобретает все свои типические черты и по долине Чу. В бассейне Или и на Тянь-шане возникают города караханидского типа, также четырехугольные в плане, ориентированные углами (а не сторонами, как прежде) по странам света, но без цитадели. Ремесленник завоевывает господство, что ярче всего проявилось в строгих, серийных формах станковой посуды — поливной и неполивной, в орнаменте штампом, в росписи и резьбе по трафарету, в клеймах мастеров. Город наполнился монументальной архитектурой [2], был оснащен водопроводом (обнаружен нами в Таразе, Текабкете и в ряде других пунктов) [3], замощен, приобрел четкую социальную физиономию. В Чуйской долине возникли собственные центры производства глазурованной керамики, где традиции свободомыслия в росписях посуды оказались более живучи, чем в каком-либо другом районе Средней Азии; реализм в изображении птицы и медведя, человека и лягушки здесь несравненно выше, чем в керамике Самарканда и Бухары, Фостата и Рея.

В эту эпоху является характерным распространение и развитие оседлой жизни в глубинных районах, появление новых торговых путей, уже неоднократно нами отмеченных. Многочисленные наши разъезды по этой стране позволили найти и отождествить с названиями глав-

---

[1] На синкретический характер византийской культуры и на ее значение культурного рубежа Запада и Востока указывало много авторов (см. об этом, например, D. Talbot Rice. Byzantine Art, Oxford, 1935). Аналогична и кушанская культура Индии, что в свое время уже отмечал, например, J. Kennedy. The secret of Kanishka, IKAS, июль, 1912, стр. 1005 сл.

[2] См., например, нашу статью — Баня древнего тараза ТОВ, II.

[3] См. нашу статью — Строительные приемы древних зодчих и использование их опыта в современной практике. Труды Киргизского филиала АН СССР, т. I, вып. 1, 1943.

ным образом мусульманской географической литературы десятки городов и селений. Характерной чертой этой эпохи является наиболее органичное включение Семиречья в среднеазиатскую общность, но вместе с тем и сохранение в Семиречье (меньше всего по Таласу, больше по Чу и особенно сильно на Тян-шане и в бассейне Или) — в разной степени и в различных проявлениях — черт самобытности и явлений архаизма и пережитков глубокой (даже для XII в.) древности.

Памятники материальной культуры XI—XII вв. в Семиречье, открытые нашими экспедициями, помогли понять подлинный характер караханидского государства — не столько выяснить до сих пор неясную (несмотря на обилие нумизматических находок) генеалогию династов, сколько социально-экономическую и культурную жизнь государства.

Важнейшим результатом экспедиций является обнаружение каракитайской культуры в столице каракитаев (на месте бывшей столицы караханидов) в г. Баласагуне и в двух других пунктах Чуйской долины (дома у с. Ворошиловское, поселение гончаров и могильник у с. Александровское). В ней ясно проявился синкретизм китайско-буддийской культуры со среднеазиатской. Хэнаньского типа скульптура, восходящая к Вэйским стелам будды (нами найдены фрагменты таких стел с изображением будды, бодисатв, мифических существ «фо» и т. д.), сочетается здесь с глиняными статуями, ближайшие аналогии которым встречены в Миране. Караханидская керамика лежит вместе с селадоном, керамикой типа, известного по Харахото, фарфором с краклэ типа тин-яо. Китайские монеты еще времени Кайюань (713—742) обнаруживались здесь вместе с караханидскими дирхемами, а кровельная черепица типа находок из Фурдучэна украшалась здесь налепами по китайскому образцу, орнамент которых представлял собою не обычную маску тао-тье, а сасанидский круг с лотосом посредине. Уйгурским шрифтом и на санскрите писались здесь непонятные нам, хотя и хорошо читаемые слова, являющиеся, быть может, первыми свидетельствами каракитайского языка. Здесь, наконец, вместе с местной грубой неполивной керамикой были обнаружены изящно обработанный нефрит и тонко сделанное из глины изображение ветки дерева, в которой ботаник И. В. Выходцев определил священное для буддистов ныне реликтовое дерево Hinka Biloba. Многочисленные находки каракитайских памятников являются пока единственными; они представлены в Музее национальной культуры Киргизского филиала АН СССР.

Памятников времени после монгольского завоевания и разрушения монголами городов Семиречья экспедиции, естественно, мало удалось открыть. Но в тех центрах, где жизнь существовала и при монголах, например в Таразе, или в тех поселениях, которые были восстановлены Тимуром (города Ашпара, Шельджи), экспедиции удалось обнаружить большой нумизматический материал, особенно монет Шахруха, местную керамику, а вместе с ней китайскую (например, сосуд типа яо), выяснить структуру городов, а на обрывистом гребне надпойменной террасы р. Кызыл-Су в районе Кенбулуня было обнаружено тимуридское кладбище воинов, быть может, свидетелей кровавой битвы тимуридов с моголистанцами в конце XIV в. на берегах Сурхоба (иранское название Кызыл-су) или, быть может, похода Улугбека 1425 г.

Не обойдены были вниманием и памятники джунгар и более поздние, вплоть до мазаров XIX в., в которых особенно привлекала фрес-

ковая роспись, подкупающая художественной простотой графического рисунка [1].

Таковы в самых общих чертах и самые существенные предварительные итоги экспедиций, которые мы провели в Семиречье. Благодаря главным образом археологическим памятникам мы получили теперь возможность четырехтысячелетнюю историю Семиречья рассматривать по этапам, охарактеризовать его культуру и искусство, раскрыть в ряде случаев внутреннюю жизнь племен и народов и их социально-экономические отношения. В результате проведенных обследований многое теперь стало понятным. Не мало удалось исправить и уточнить в прежних представлениях, сложившихся в литературе, особенно по исторической топографии [2].

На очереди стоят работы по хронологически более ранним эпохам, территориальное расширение работ по Тянь-шаню с выходом на Фергану — с одной стороны, и по Чу до стыка с Сыр-дарьей — с другой, а также от Или к Западному Алтаю. Для выяснения культурной роли Семиречья, пожалуй, наиболее актуально сейчас изучение Северо-Таримских памятников, которые в свете проведенных работ в Семиречье могут раскрыть много нового как для истории Восточного Туркестана, так и для истории нашей страны в целом.

А. Н. Бернштам

---

[1] Предварительное описание ее дано участником экспедиции 1936 г. А. И. Тереножкиным в журн. «Искусство», 1938, № 2, стр. 159—162.

[2] См. нашу статью — Историческая топография Чуйской долины. ВДИ, 1940, № 2, стр. 191 сл., а также специальную главу в Археологическом очерке Северной Киргизии.

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
вып. XIII ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1946 год

РАБОТЫ НИМФЕЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА В 1939—1941 гг.[1]

Среди греческих городов, расположенных по обоим берегам Керченского пролива, кроме Пантикапея — столицы Боспорского царства — немалое экономическое и политическое значение имели Фанагория, Гермонаса, Нимфей и, наконец, Феодосия. Территории таких городов, как Пантикапей или Феодосия, в настоящее время почти полностью застроены, а остатки некоторых других сильно разрушены. Совершенно незастроенное, почти не тронутое раскопками городище Нимфей представляет поэтому значительный научный интерес.

Упоминание о Нимфее, как о торговом городе Боспора, мы находим уже у писателей IV в. до н. э. В научной литературе XIX и начала XX в. утвердилось мнение о Нимфее, как о греческой колонии Афин, переданной после поражения Афин в Пелопоннесской войне Гилоном — наместником Нимфея — боспорскому царю[2].

Экспедиция Отдела античного мира Государственного Эрмитажа приступила к раскопкам Нимфея в 1939 г.[3] и продолжала их в 1940—1941 гг.

Городище Нимфей находится на берегу Керченского пролива, в расстоянии 17 км на юго-запад от Керчи, у селения Эль-Тегень. Городище, размерами в 9 га, расположено на плоскогорье с наивысшей точкой в 24 м над уровнем моря. Постепенно понижаясь от берега, плоскогорье прерывается балкой и дальше переходит в степь, где расположен некрополь Нимфея и курганы, далеко уходящие на запад.

Городище в плане имеет вид неправильного треугольника, вершиной обращенного к морю, на восток. С запада городище ограничено балкой. Очертание северной границы — склона нарушено в настоящее время разработками известняка. Южный пологий склон переходит в низину, на которой расположено селение Эль-Тегень.

Раскопки были начаты в юго-восточном углу города у берега пролива. Вероятно, здесь находилась гавань Нимфея. Эта часть города должна была существовать в течение всей жизни Нимфея, так как в

[1] Первое краткое сообщение о раскопках Нимфея дано в моей работе — Раскопки в Нимфее. Сообщения Государственного Эрмитажа, I. Ленинград, 1940, стр. 21—23. Подробный отчет о работах Нимфейской экспедиции за 1939 г. помещен в первом томе Трудов Отдела античного мира Государственного Эрмитажа, выход которого был задержан начавшейся войной. Работы Нимфейской экспедиции велись под руководством автора настоящей статьи.

[2] Вопрос о передаче Нимфея Гилоном, свидетельства древних авторов и вся историческая обстановка на Боспоре этого времени подробно разбираются акад. С. А. Жебелевым (Боспорские этюды, Известия ГАИМК, вып. 104).

[3] Перед началом раскопок была произведена полуинструментальная съемка городища.

античное время основная связь греческих колоний с метрополией осуществлялась водным путем.

Раскопы были заложены у северного и южного склонов городища и на нижней террасе — по берегу с тем, чтобы в дальнейших работах соединить эти участки и вести исследование по всей площади городища в направлении к западной балке.

Самыми поздними строительными остатками на верхнем плато городища оказались строения римского времени — II—III вв. н. э. У северного склона, на высоте 23.72 м над уровнем моря, открыта часть большого дома. Хорошо сохранившиеся три ступени входа вводят в большой открытый двор, по которому проходил простейшего вида водосток.

Другой дом, меньших размеров, был открыт у южного склона. Здесь сохранилась часть комнаты с печью в углу. За стеной находилась небольшая кладовая с тремя земляными ямами хозяйственного назначения.

К северу от дома был открыт мощеный плитами двор третьего большого жилого здания. По краю двора были найдены жернова и врытые в землю амфоры.

На восток от двора находилась еще одна хозяйственная кладовая, принадлежащая четвертому дому с хорошо сохранившейся зерновой ямой [1]. В глиняном кувшинчике у входа в яму были обнаружены электровые монеты боспорского чекана II в. н. э.

В домах, открытых раскопками, была найдена обиходная посуда — обломки больших амфор с желобчатыми ручками, большое количество обломков красноглиняной посуды — типичной массовой посуды, встречающейся в домах античных колоний Северного Причерноморья. В меньшем количестве была найдена краснолаковая керамика малоазийских центров. Зато значительное место занимала посуда местного изготовления — толстостенная и лепная кухонная посуда, а также сосуды, покрытые красной краской в подражание привозной краснолаковой керамике. Медные монеты, найденные внутри домов, оказались боспорского чекана царей Риметалка и Савромата I.

У южного склона городища, под зданием II—III вв. н. э., залегала оборонительная стена Нимфея IV в. до н. э., открытая на высоте 23.15 м над уровнем моря. Высота стены местами сохранилась до 1 м, ширина ее 2.35 м. Снаружи стены выведены из правильных рядов камня, середина заложена камнями разной величины. Стена идет строго по рельефу южного склона и открыта на протяжении в 50 м (рис. 34).

Чернолаковая керамика — обломки чашек, кубков, светильников, тарелок и «рыбных блюд», найденная у оборонительной стены, относится к IV в. до н. э.

Любопытно, что оборонительная стена Нимфея IV в. не имеет близких аналогий в Северном Причерноморье. Она отличается как от стен Тиритаки и Мирмекия, расположенных на том же берегу Керченского пролива, так и от стен Херсонеса или Ольвии, значительно уступая им по размеру; кроме того, стены Нимфея не имеют ни рустованных плит, ни блоков, ни башен. Наиболее близкой аналогией ей является городская стена в Олинфе, также относящаяся к IV в. до н. э. [2].

---

[1] Форма ямы грушевидная. Глубина ее 2.5 м, диаметр — 2.30 м.

[2] Excavation of Olynthus. David M. Robenson, London, 1938, часть III, табл. 12, 2. Городская стена Олинфа, имеющая ширину 0.80 м, в месте поворота у склона холма расширяется до 3.25 м, причем в этом месте нижний ряд камней кладки лежит на щебне.

Под оборонительной стеной IV в. до н. э. открыты были остатки строений V в. до н. э. В классическом слое была в изобилии обнаружена аттическая чернолаковая керамика — фрагменты килико в, кубков и чашек, преимущественно с резным и штампованным орнаментом. В нижнем горизонте классического слоя обнаружен уже материал конца VI в. до н. э.: обломки ионийских тонкостенных килико в, коринфской и навкратийской керамики, а также кувшины и чашки так называемой серой керамики. Культурный слой эллинистического времени на данных участках плато городища полностью отсутствовал.

Рис. 34. Нимфей. Общий вид оборонительной стены IV в. до н. э.

Наиболее важным результатом работ экспедиции было открытие на берегу (на высоте 10.7 м над уровнем моря) древнего святилища.

Святилище это представляло собой вытянутый прямоугольник с входом с юго-западной стороны. Стена с входом сохранилась по всей длине на протяжении 14.40 м. Каменный пол шел, вероятно, внутри всего здания: большие плиты от него сохранились у входа. Обломки штукатурки красного цвета указывают на то, что стены святилища были оштукатурены. Крыша здания была, по всей вероятности, черепичной с терракотовыми и мраморными украшениями, из которых найдены часть акротерия с листом аканфа, обломки карниза с овами и с жемчужной нитью и водосток в виде головы льва.

За стенами здания святилища, у самой скалы, открыто основание алтаря (алтарь I), состоящее из двух рядов плит известняка [1]. Святилище было два раза перестроено. Первая перестройка его относится ко второй половине V в. до н. э.— ко времени значительного расшире-

[1] См. М. Худяк. Раскопки в Нимфее. Сообщения Государственного Эрмитажа I, 1940, рис. на стр. 22.

ния торговой деятельности Нимфея, когда город занял определенное положение на Боспоре, и вел оживленные торговые сношения с Афинами.

Вторая перестройка значительно расширила здание святилища: были возведены новые стены параллельно разрушенным старым, надстроены некоторые уцелевшие части старых стен. Вторая перестройка относится, вероятно, к середине IV в. до н. э., когда Нимфей входил уже в состав Боспорского царства. Нам представляется, что Нимфей был разрушен архонтом Боспора Левконом во время его похода на Феодосию. Разрушенные за время этого похода здания были в IV же веке заново отстроены. Восстановлено было и здание святилища.

О двух перестройках святилища свидетельствуют также весьма интересные и характерные сооружения загородки из камней так называемой loculi, или фависсы, шедшие друг над другом, под полами святилища. Подобные фависсы были открыты в целом ряде святилищ и на территории храмов древней Греции, Италии и Малой Азии [1].

В фависсах святилища Нимфея было найдено большое количество терракот с изображением женского божества, миниатюрные посвятительные сосуды, бронзовые зеркала и ювелирные изделия — подвески и перстни. В одной из фависс, открытой в июне 1941 г., была обнаружена великолепная чернофигурная гидрия, небольших размеров и своеобразной формы, с изображением женской фигуры у источника, бьющего из скалы, и змеи, выползающей из расселины. Фависса эта относится к святилищу первой половины V в. до н. э.

Как внутри здания, так и вне его у стен и на прилегающем участке было найдено большое количество керамики и посвятительных терракот, преимущественно в обломках. Любопытно, что материал, найденный как внутри здания, так и снаружи его, был совершенно однороден: и там и здесь были найдены терракоты и миниатюрные посвятительные сосуды. Это обстоятельство указывает на тот факт, что прилегающий к открытому зданию участок являлся, вероятно, священной округой. Действительно, раскопки показали, что на запад от святилища находились еще один алтарь (алтарь II), жертвенник и оградительная стена, замыкавшая священную округу с севера [2]

На площади священной округи, в расстоянии 2 м от алтаря II, на северо-восток от него, открыто еще одно очень небольшое здание, примыкающее к северной оградительной стене.

По аналогии с сокровищницами Олимпии, также расположенными у своей оградительной стены священной округи, представляется возможным счесть и миниатюрное это помещение «сокровищницей» святилища Нимфея.

Между алтарями I и II на площади священной округи стоял жертвенник неправильной круглой формы, заполненный внутри пережженными костями животных и золой [3].

Алтарь II, жертвенник и «сокровищница» принадлежали святилищу V в. до н. э. (рис. 35).

---

[1] Ср. например, Daremberg et Saglio. Dictionnaire des antiquités Grégues et Romaines, Paris, т. II. стр. 1024, s. v. Favissae. Ср. также J. H. S, LVI, 1936, ч. II; LVII, 1937, ч. II; ср. ВДИ, 1939, № I, стр. 233, хроника.

[2] Алтарь II открыт на высоте 8.55 м над уровнем моря, на 1 м ниже основания алтаря I, открытого у стен святилища.

[3] Диаметр жертвенника от 1.30 до 1.45 м. Жертвенник был выложен из двух рядов камней; зола и пережженные кости находились в нем на глубине 0.45 м.

Под жертвенником был открыт угол еще одного помещения, стены которого, расположенные на высоте 7 м над уровнем моря, уходят под здание святилища. Кроме ионийской и аттической чернофигурной керамики середины VI в. до н. э. у стен этого помещения были обнаружены большой сосуд серой глины и две архаические уникальные формы: одна от великолепного фигурного сосуда в виде обнаженной фигуры юноши типа так называемого Аполлона, с вытянутыми вдоль тела руками и с волнистыми волосами, падающими на плечи; другая форма терракоты типа «толстого демона». Аналогичные фигуры известны из раскопок на Самосе, в Эгине и на острове Березань [1].

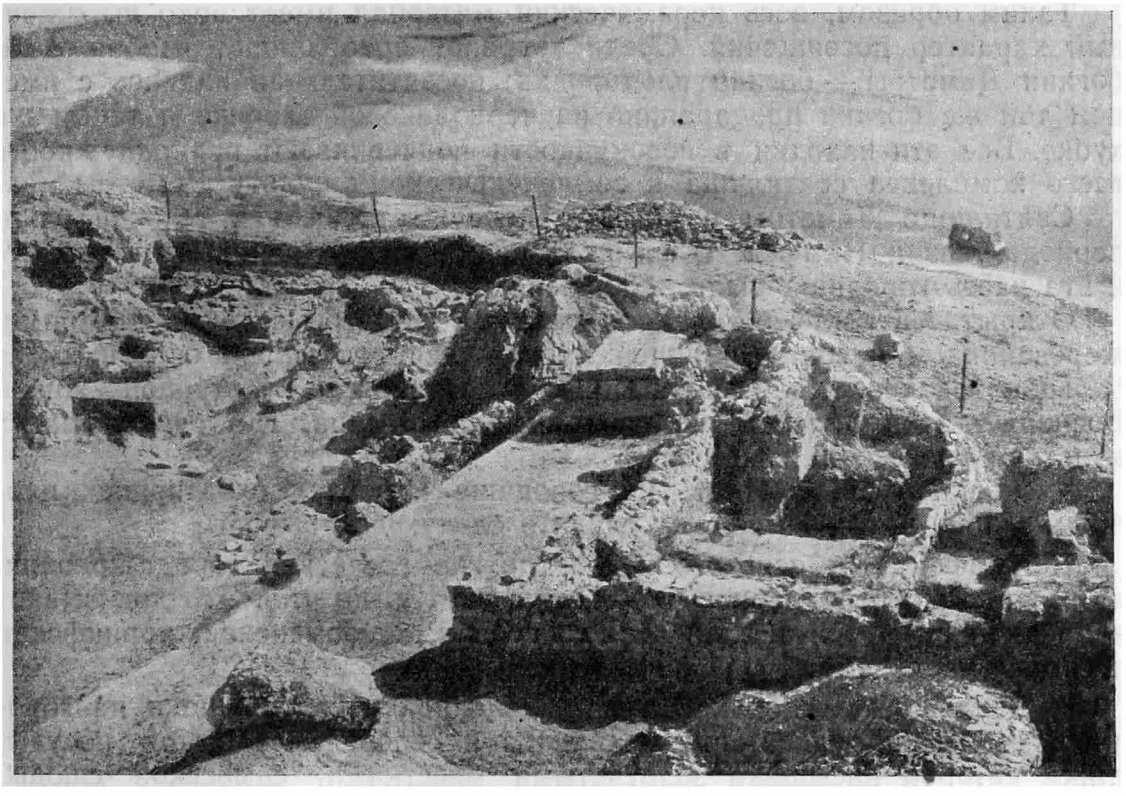


Рис. 35. Нимфей. Общий вид священной округи святилища.

Со стороны моря помещение это было, вероятно, отграничено стеной полигональной кладки, открытой на высоте 6.36 м над уровнем моря [2]. У основания стены были найдены обломки аттической чернофигурной керамики и обломки клазоменских амфор с чешуйчатым орнаментом. Дальнейшие раскопки покажут, не являлся ли угол открытого в июне 1941 г. помещения частью архаического святилища VI в. до н. э.

Материал, найденный на территории расширенного святилища V в., состоял преимущественно из чернолаковой аттической керамики второй половины V в., украшенной резным и штампованным орнаментом [3]. Наряду с этим было найдено большое количество терракот V и IV вв., как сохранившихся полностью, так и в обломках, среди

Ср. Böhlau. Aus ionischen und italischen Nekropolen; ср. A. Furtwängler, Aegina, табл. 110. 14. Ср. также экземпляр в Эрмитаже, найденный на острове Березань, инв. Б. 374. ОАК за 1908 г., стр. 93, рис. 81.

[2] Высота стены 2 м, длина 11 м, ширина 1.20 м.

[3] Ср. М. Худяк, ук. соч. Сообщения Гос. Эрмитажа, I, рис. на стр. 23.

них протомы и полуфигуры, изображающие женскую богиню, одной рукой придерживающую грудь, а в другой держащую плод.

Среди находок выделяются фрагменты женских фигур с кувшинами на головах — так называемые гидрофоры, головки в высоких головных уборах и т. п. [1].

Вход в святилище IV в. был устроен на 0.5 м выше входа в святилище V в. (сохранились камни порогов). Первое из них было расположено за выходами громадных скал и двух оградительных стен, тянущихся между скалами с севера и юго-востока.

В святилище IV в. было также найдено большое количество посвятительной миниатюрной керамики и терракот.

Таким образом, весь керамический материал имеет ярко выраженный характер посвящений. Среди терракот преобладают изображения богини Деметры — богини плодородия; посвятительная надпись с именем той же богини процарапана на чернолаковой тарелке и таком же кубке. Все эти находки в совокупности подчеркивают принадлежность всего комплекса святилища к земледельческому культу Деметры.

Святилище Деметры в Нимфее просуществовало в течение всего периода жизни Нимфея. В римское время оно, однако, было забыто, и эта часть городища была заброшена.

Открытие в Нимфее здания святилища Деметры с двумя алтарями, жертвенником и сокровищницей на площади священной округи имеет большое значение для понимания особенностей культурной жизни Боспора — этой далекой окраины античного мира, где скрещивалась культура греческая и местная.

Раскопки 1939—1941 гг. на городище Нимфея, охватившие площадь в 2600 кв. м, позволяют сделать следующие выводы:

1. Нимфей был основан, как и другие греческие города-колонии, на северном берегу Черного моря, уже в VI в. до н. э. Это доказывает найденная здесь аттическая чернофигурная, клазоменская, коринфская и самосская керамика середины VI в.

2. Обилие самосской керамики, найденной в святилище и на городище (обломки тонкостенных киликов и серой, не местной посуды, глина которой насыщена золотистыми блестками самосской слюды, наконец, формы терракот, в самосском происхождении которых сомневаться не приходится), позволяет высказать предположение, что Нимфей мог быть основан выходцами с острова Самоса.

3. Сооружение на разрушенных строениях V в. оборонительной стены IV в. до н. э. с несомненностью говорит о том, что в первой четверти IV в. Нимфей был разрушен. Это было во время похода на Феодосию архонта Боспора Левкона. Путь на Феодосию лежал через Нимфей. Открытые под оборонительной стеной IV в. остатки строений V в. до н. э., а также разрушенное здание святилища позволяют предположить, что Нимфей был Левконом разрушен, свою автономность потерял и был включен в состав Боспорского государства.

---

[1] ВДИ, 1940, № 3—4 (12—13), рис. 13 на стр. 315 и рис. 14—15 на стр. 316, где изображены терракоты из святилища Нимфея, найденные при разведке 1938 г. Аналогии и реплики этих терракот найдены в большом количестве при раскопках того же святилища в 1939—1941 гг. В. Гайдукевич в статье «Раскопки Мирмекии и Тиритаки и археологические разведки на Керченском полуострове 1937—1939 гг.» (ВДИ, 1940, № 3—4) ошибочно отнес найденную при этом печь к III—II вв. до н. э. Установлено, что печь была выстроена на месте разрушенного святилища Нимфея в III в. н. э. Скопление терракот, обнаруженное около печи, объясняется тем, что ниже уровня пода печи находилась самая поздняя фависса святилища (см. рис. 12 на стр. 314, слева от печи).

4. Исходя из того, что дома римского времени основаны были на разрушенных строениях поздне-классического времени, можно думать, что Нимфей в конце IV в. до н. э. подвергся вторичному разрушению, после чего город пришел в упадок и запустение. Это подтверждается отсутствием строительных остатков эллинистического времени. На всей вскрытой раскопками площади найдены лишь отдельные обломки ранне-эллинистической керамики.

5. Раскопки показали, что в римское время — в I—III вв. н. э.— Нимфей был связан с малоазийскими центрами.

М. М. Худяк

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
вып. XIII ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1946 год

III. ТЕЗИСЫ ДИССЕРТАЦИЙ, ЗАЩИЩЕННЫХ В ДНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ПОЗДНЕ-ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В НАВЕСЕ ШАНКОБА И В ГРОТЕ МУРЗАК-КОБА В КРЫМУ

(Тезисы кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого совета ИИМК 21 сентября 1941 г.)

1. Изучение поздне-палеолитических стоянок Крыма было начато в последней четверти прошлого столетия К. С. Мережковским. После него изучение каменного века в Крыму было надолго прервано. Если не считать отдельных сборов краеведов, сделанных в предреволюционные годы, систематическое исследование поселений с микролитическим инвентарем в Крыму было вновь начато только в 1918 г. геологом А. С. Моисеевым. Позднее ряд исследователей усиленно занимался изучением стоянок с микролитическим инвентарем. Подобное изучение продолжалось вплоть до последнего времени (Н. К. Клепнин, С. И. Забнин, Б. С. Жуков, О. Н. Бадер, Г. А. Бонч-Осмоловский, Д. А. Крайнов и др.).

Все возрастающий интерес к памятникам переходной поры от палеолита к неолиту (мезолит) объясняется прежде всего тем, что с этим временем связывают исключительно важные приобретения человечества, послужившие базой для развития неолитической культуры. К числу таких приобретений относят начало приручения домашних животных, начало изготовления керамики, изобретение и широкое применение лука со стрелами, развитие техники изготовления составных орудий (вкладышевая техника) и т. п. В это же время произошли немаловажные изменения и в организации общественной жизни коллективов. Например, отмечается распад крупных родовых сообществ на более мелкие группы, сохраняющие родовые связи, индивидуализация охоты, возникновение и развитие идеологических представлений, отраженных в своеобразной геометризации и схематизации в искусстве (росписные гальки-чуринги), а также в формах ритуала, связанных с обрядом погребений (наличие различных форм захоронений).

Общим вопросам изучения переходного времени от палеолита к неолиту посвящены работы акад. П. П. Ефименко, проф. Г. А. Бонч-Осмоловского, М. В. Воеводского и других исследователей. Эти работы ввели памятники мезолита СССР в круг памятников Евразии и тем самым определили их место в общекультурном развитии человеческих сообществ.

2. В результате многолетних исследований в Крыму накопился огромный фактический материал, в значительной части необработанный и не введенный в научный обиход. Собранные коллекции из более чем ста местонахождений по своей научной значимости не равноценны. Открытые стоянки, как правило, встречаются в обстановке вторичных залеганий и мало что дают для комплексной характеристики их. Весьма выгодно от них отличаются пещерные местонахождения, часто сохраняющие в непотревоженном виде культурные остатки.

3. Стоянки с микролитическим инвентарем в Крыму можно разделить на две группы. Первая группа — высокогорных стоянок, занимающих по преимуществу плато основной (первой) гряды Крымских гор. Вторая группа стоянок связана со второй грядой и бассейнами протекающих здесь рек. В последние годы наметилась и третья группа стоянок — степных (район Евпатории и сел. Зуя). Но последняя группа весьма слабо изучена.

4. Вопрос о возрасте стоянок с микролитическим инвентарем нельзя считать решенным в том виде, как он изложен у ряда авторов (Г. А. Бонч-Осмоловский, О. Н. Бадер и др.), отнесших стоянки на Яйле к тарденуазскому времени. Трудность решения этого вопроса усугубляется отсутствием выдержанной стратиграфии и материалов по фауне и флоре. При датировке недостаточно учитывались находки керамики и не расчленялись кремневые изделия по, казалось бы, мелким, но важным признакам. Немалое затруднение в датировку их вносили находки явно поздних предметов. В смысле стратиграфической спутанности открытые стоянки с микролитическим инвентарем очень напоминают дюнные стоянки Украины.

5. Среди стоянок с микролитическим инвентарем в Крыму особое место занимает навес Шан-коба. Его значение прежде всего состоит в том, что, сохранив целостную стратиграфию, состоящую из четырех культурных слоев, отделенных переходными прослойками, он служит шкалой, определяющей культурно-историческую последовательность в развитии отдельных фаз позднего палеолита Крыма. Кроме того, навес Шан-коба в сравнении с другими многослойными памятниками Крыма (не считая ранних) наиболее полно исследован.

6. При раскопках навеса Шан-коба была использована наиболее точная методика исследования. Известно, что пещерные памятники требуют иных исследовательских приемов, целиком зависящих от той, подчас очень сложной, обстановки, в условиях которой залегают культурные остатки (завалы обломками скал, путанная стратиграфия, сырость, отсутствие достаточного освещения и т. п.). Все эти неблагоприятные факторы имели место и в Шан-коба.

При раскопках навеса был использован опыт деления толщи напластования по стратиграфическому признаку, в сочетании с пространственной расчисткой слоев по площади раскопа. Как вспомогательный элемент, использовался также прием расчленения однородных по своей консистенции слоев на горизонты. Применение такой методики дало возможность в толще культурных напластований выделить комплексы, легко связываемые с жилыми площадками. Кроме очагов, удалось установить (например, в третьем слое) остатки каменной кладки, служившей основанием для заслона восточной части навеса от ветра. Подобное сооружение, открытое в Ля-Ферасси, известно по описанию Пейрони. Этот метод раскопок позволил четко определить границы залеганий каждого культурного слоя вместе со всеми бытовыми деталями, встреченными на жилых площадках, а также установить перемещение центров поселения в пределах навеса в разное время.

7. Собранные в навесе Шан-коба археологические материалы дают достаточно полную характеристику техники изготовления кремневого и костяного инвентаря, бывшего в употреблении у древнего человека. В основе технических приемов при изготовлении кремневых орудий лежали те же навыки, которые известны нам по инвентарю позднепалеолитических стоянок Евразии. Призматический нуклеус, а следовательно, и пластинка были теми основными заготовками, которые определили набор инвентаря. Многочисленные кремневые изделия в виде различных скребков, резцов, проколок, наконечников метательных орудий и различного рода вкладышей показывают высокую степень совершенства и умения пользоваться кремневым материалом. Огромное количество сегментовидных и трапециевидных изделий указывает на широкое применение вкладышевой техники. Между прочим, численно подавляющие находки на поздне-палеолитических стоянках микролитов геометрических форм дали повод ряду исследователей неверно интерпретировать их. Эти изделия хотя и определялись в качестве вкладышей, но рассматривались как орудия в собственном смысле слова. Отсюда обычно следуют выводы об упадническом характере кремневой техники, о вырождении и измельчании ее в переходную эпоху от палеолита к неолиту. Причины этого «вырождения» искали даже в недостатке материала (кремня) для изготовления орудий (Б. Л. Богаевский). На самом деле развитие призматического нуклеуса, широкое и разнообразное использование вкладышевой техники, связанной с усложнением метательных орудий, подтверждает факт прогрессивного значения «микролитической» техники. Следует при этом помнить, что геометрические изделия сами по себе вовсе не являлись орудиями, а лишь деталями последних, усиливающими рабочую и разящую способность орудий.

8. Набор костяного инвентаря из Шан-коба представляет особый интерес, так как в поздне-палеолитических стоянках СССР он составляет исключительное явление. Из выдающихся предметов мы можем указать на костяную иглу из третьего слоя, наконечники с прорезями (в одном случае наконечник орнаментирован параллельными насечками), рукоятку для вставного орудия и целый ряд других предметов. Судя по сохранившимся на костяных орудиях следам обработки можно сказать, что древнему человеку были хорошо известны приемы резания кости с целью получения нужных заготовок, шлифовка и сверление. В значительном количестве использовался и рог благородного оленя, причем приемы обработки его совершенно тождественны с теми, которые применялись на классических стоянках Франции.

9. Датировка культурных комплексов нижних и средних слоев Шан-коба в основных чертах дана Г. А. Бонч-Осмоловским. Кроме выводов естественно-исторического порядка, анализ органических остатков вместе с остатками материальной культуры дает основание считать, что от третьего до шестого слоя включительно культурные остатки относятся ко времени азиль-тарденуаз. Сложнее вопрос о датировке верхнего слоя, условно именуемого 1 — А. Этот слой содержал остатки пекарских ям, т. е. сооружений для приготовления пищи, главным образом посредством тушения, широко распространенного у ряда отсталых народов. В этом же слое среди различного кремневого инвентаря был встречен особый тип кремневых изделий, так называемые трапеции со «струганной» или со «стесанной» спинкой. Керамика, найденная в слое 1 — А, имеет архаический облик и содержит примесь толченых раковин. На некоторых фрагментах керамики сохранился орнамент в виде врезанных линий и точек. Как известно, трапеции со

струганной спинкой встречены на ряде наиболее известных стоянок Яйлы, относящихся к тарденуазскому возрасту (Ат-баш, Джейляу-баш и др.). На этих стоянках найдена и архаическая керамика. Совместное залегание их явление не случайное. На основании изучения всего комплекса находок из слоя 1 — А и сопоставления с инвентарем, собранным на Яйле и юге УССР, можно прийти к выводу о неолитическом возрасте слоя 1 — А, а следовательно о неолитическом возрасте большой группы стоянок на Яйле. Таким образом, неолитическая культура в Крыму находит свое место в общем потоке культурного развития, правда, в своеобразном виде, отличном от лесного неолита.

Сейчас можно считать установленным, что развитие палеолита Крыма, в том числе и поздних его фаз, выявляет те исторические ступени, которые характерны для так называемой Каспийской области, в отличие от Атлантической.

10. Грот Мурзак-коба, раскопки которого производились в течение двух сезонов, представляет не меньший интерес, чем Шан-коба, уже потому, что здесь встречено двойное погребение мужчины и женщины с ярко выраженными кроманьонскими чертами. У женщины основные фаланги на обоих мизинцах рук оказались обрубленными еще при жизни. Этот факт нельзя не поставить в связь с рядом этнографических наблюдений (тлинкиты Америки, дравиды в Индии, некоторые австралийские и африканские племена).

Знаменитое изображение рук с отсутствующими на них суставами пальцев, обнаруженные во Франции, например, в гроте Гаргас, находят свое первое археологическое подтверждение. Основные выводы о раскопках грота Мурзак-коба опубликованы в специальной работе (см. «Советская археология», V).

11. Находка кроманьонских костяков представляет двоякий интерес: во-первых, с точки зрения реконструкции физического типа человека и, во-вторых, с точки зрения критики фашистских и фашиствующих «теорий» по вопросу происхождения рас и связи их с «культурами». Совсем необычным является факт находки костяков кроманьонского типа в тарденуазском слое. Этот кроманьонский тип обычно связывают с развитыми формами материального производства ориньякской и мадленской стадии. В позднем же палеолите, как утверждают зарубежные авторы (Брейль, Осборн и др.), появляется несколько новых рас, якобы принесших новую культуру (азиль-тарденуаз). Находка кроманьонских скелетов в тарденуазском слое в корне противоречит реакционной «науке», пытающейся установить прямую связь между физическим типом человека и его материальной культурой. Фюрфозские брахикефалы, средиземноморские типы, длинноголовые и коротконоголовые типы из Офнет и, наконец, кроманьонские типы из Мурзак-коба вместе с некроманьонским из Фатьма-коба находятся в близком стадиальном родстве, поэтому и дают аналогичные черты в материальной культуре.

12. Кроме двойного захоронения в гроте найдены интересные костяные изделия, в том числе гарпуны, большой набор кремневых поделок, очаг, обложенный камнями, ямка для запекания улиток и т. д. Весь культурный комплекс грота Мурзак-коба точно датируется тарденуазским временем.

С геологической точки зрения образование грота отличается весьма любопытной чертой. Под скалистым полом, пробитым в процессе раскопок, оказался еще один ярус грота, замаскированный извне. Потолок первого яруса служил как бы полом тарденуазским поселенцам. В первом ярусе, сплошь заполненном щебнем и глиной, встречены

более ранние остатки культуры, время которых осталось неуточненным ввиду их крайней малочисленности. Пример с гротом Мурзак-коба служит ярким доказательством сложности карстовых явлений, которые необходимо учитывать в процессе раскопок пещер.

13. Подводя некоторые итоги работам по изучению навесов Шан-коба и Мурзак-коба, можно дать, хотя и неполную, характеристику хозяйства и некоторых черт бытового уклада человека азильско-тарденуазской эпохи. На основании собранного фаунистического материала можно сказать, что охота, особенно на кабана и другую лесную дичь, являлась ведущим занятием; охотники пользовались высокоразвитыми орудиями — луком со стрелами, дротиками и гарпунами. Существовала также и охота на рыбу. Собирательство, в частности улиток Helix vulgaris, носило усложненный характер. Обнаруженные ямки для тушения улиток и специальной кладовой для хранения их с полной убедительностью свидетельствуют, что улитки употреблялись в пищу и заготовлялись впрок [1].

Кроме собаки у человека в приручennом состоянии была, повидимому, и свинья. Этот факт, установленный на материалах стоянок Шан-коба и Мурзак-коба, безусловно имеет свое значение. Оценивая в целом поздне-палеолитическую ступень развития человеческой культуры в Крыму, мы с уверенностью можем назвать ее, в противовес зарубежным авторам, прогрессивной и сложной; в ней вызревают начальные черты неолитической эпохи.

С. Н. Бибиков

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ ВО II—I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

(Тезисы кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого совета ИИМК 29 сентября 1941 г.)

1. Северо-восточный Кавказ представляет собой один из наименее изученных в археологическом отношении районов. Наиболее крупные работы были проведены в конце 70 — начале 80-х годов прошлого столетия (V Археологический съезд в Тифлисе, раскопки В. В. Антоновича, В. Л. Беренштама, А. В. Комарова, А. А. Руссова, Штейна, Н. О. Цилоссани, К. Л. Бейера). В последующие годы, вплоть до Октябрьской революции, исследования восточных районов Северного Кавказа носили случайный, бессистемный характер (раскопки А. А. Бобринского, П. С. Уваровой, Ф. А. Афанасьева, А. Н. Грена, Г. А. Вертепова, В. И. Долбежева). Ценная работа по учету археологических памятников проведена Е. И. Козубским.

После 1917 г. на Северном Кавказе были созданы музеи и научно-исследовательские институты, в которых была сосредоточена основная работа по изучению археологических памятников. В музеях организованы археологические отделы. В течение четырнадцати лет (1925—1938) проводилось систематическое изучение экспедициями местных институтов и музея (руководитель Л. П. Семенов). Основное внимание их было сосредоточено на памятниках эпохи позднего средневековья, археологические объекты, относящиеся к доклассовому обществу, не изучались. С 1936 г. систематические работы по изучению северо-восточного

[1] См. статью — Об использовании улиток Helix в азильско-тарденуазское время, сб. Палеолит и неолит, СССР, вып. 5, 1941.

Кавказа начаты экспедициями ГАИМК, а после ее реорганизации продолжены Институтом истории материальной культуры АН СССР. В результате этих исследований получен очень большой и ценный материал, позволяющий наметить некоторые вехи древней истории народов, населяющих северо-восток Кавказа; эти материалы и положены в основу представленной работы.

2. Древнейшие памятники северо-восточного Кавказа, известные в настоящее время, относятся к начальным этапам эпохи бронзы. Материал предшествующих периодов представлен лишь отдельными случайными находками: известен кремневый отщеп мустьерского типа, найденный у совхоза Геджух, кремневые пластины верхне-палеолитического облика из района с. Кая-кент в Дагестане, неолитический топорик из окрестностей г. Орджоникидзе.

3. Памятники эпохи бронзы могут быть разделены на три группы, соответствующие последовательно сменявшимся хронологическим периодам. Данное деление определяет структуру настоящей работы.

4. Древнейшим памятником является поселение у с. Кая-кент в Дагестане, относящееся к первой половине II тысячелетия до н. э. Поселение носило укрепленный характер. Жилища сооружались из камня и плетенки, обмазанной глиной. Основой хозяйства служило земледелие, о чем свидетельствуют: каменные зернотерки, песты, кремневые вкладыши в серпы, находки хлебных злаков в толще глиняной обмазки печи и в глине, из которой изготовлялись сосуды. По определению В. А. Петрова остатки принадлежат твердой пшенице. Большое значение в хозяйстве имело скотоводство; встречены кости крупного и мелкого рогатого скота; можно отметить крупное значение овцеводства. Керамика Кая-кентского поселения, украшенная налепным и вдавленным орнаментом, часто обработанная лощением, находит себе ближайшие параллели в памятниках Закавказья типа поселений Шенгавит, Шреш-блур, Кюль-тапа. С этими памятниками Кая-кентское поселение может быть сближено и по общему облику культуры.

5. Основным источником для характеристики второго периода служит поселение у Джеми-кента. Время поселения — вторая половина II тысячелетия до н. э. Жилища в эту эпоху имели вид небольших землянок, стенки которых обложены камнем; некоторые жилища сообщались переходами. Хозяйство в это время не претерпевает существенных изменений; соотношение его основных отраслей остается тем же, какое установлено для Кая-кентского поселения.

О крупной роли земледелия свидетельствуют находки зернотерок и вкладышей в серпы, а также большие куполовидные ямы, которые могли использоваться для хранения зерна. Значительное количество костей животных подтверждает положение о развитом скотоводстве: преобладают кости мелкого рогатого скота (овца и коза), реже встречены кости быка. В одной из ям найден целый скелет собаки. Характерно полное отсутствие костей домашней свиньи и лошади. Крупный рогатый скот мог использоваться для перевозки тяжестей. Найдено глиняное колесо от модели повозки.

Охота имела второстепенное значение; найдены единичные кости медведя, кабана, лисицы. Несомненный интерес представляет находка костей тюленя, документирующая морской промысел. В зоогеографическом отношении ценно присутствие костей кулана и джейрана, в настоящее время не встречающихся на территории северо-восточного Кавказа.

Материал Джеми-кентского поселения дает возможность охарактеризовать некоторые производства.

а) *Керамическое производство.* Сосуды изготовлялись на матерчатой основе. Лепка больших горшков производилась ленточным способом. Орнаментация керамики состояла из резного геометрического узора по венчику, реже — налепного орнамента.

б) *Текстильное производство.* О характере ткани можно судить по оттискам ее в толще стенок глиняных сосудов. Ткань имела полотняное переплетение. Употреблялось растительное волокно (лен, конопля или крапива).

в) *Металлообработка.* Знакомство с металлом документируется находками на поселении медных предметов. Анализ показал отсутствие олова.

Могильники, одновременные Джеми-кентскому поселению, неизвестны. Древние погребения встречались в культурном слое селища, вблизи жилых построек. Возможная синхронность между Джеми-кентским поселением и некоторыми курганами Прикаспийского Дагестана, раскопанными Руссовым, нуждается в проверке новыми полевыми работами.

6. Основным историческим источником для северо-восточного Кавказа в начале I тысячелетия до н. э. служит целый ряд могильников, которые могут быть разделены на две группы — восточную и западную. К первой относятся: могильники у с. Кая-кент, Нижний Дженгутай, Урма, Берекей, Маджалис, Избербаш, Дургели, Тарки и Гаваз-кутан, у г. Буйнакска, у ст. Кая-кент и у хутора Мамай-кутан. В двух пунктах — хут. Мамай-кутан и у с. Кая-кент — обнаружены поселения, связанные с соответствующими им могильниками. В западную группу могут быть включены: могильник у с. Хорочой, поселение и могильник у с. Дарго и Белгатой, могильник у с. Гагатль.

Погребальный обряд. Погребения производились в каменных ящиках, иногда окруженных каменными кольцами. Известны также захоронения в грунтовых могилах в деревянных срубах. Скорченное положение на боку — типично для западных могильников; сидячее — для восточных. Положение костяков мужчин и женщин различно: на правом и левом боку — в могильниках западной группы, в различных углах ящика — в восточной группе могильников.

По умершим совершались тризны, о чем свидетельствуют очажные ямы, кострища на могильном полу у с. Хорочой. На снабжение умерших пищей указывают глиняные сосуды, находимые во всех могилах. Следует отметить кости животных в погребениях Хорочоевского могильника: кости позвоночника овцы, а в одном случае теленка.

Погребальный инвентарь: а) Керамика. В могильниках западной группы (Хорочой и др.) в каждом погребении находили один глиняный сосуд, в погребениях восточной группы сосуды ставились в большом числе (до пяти). Керамика 1-й группы могильников более или менее однородна. Типичны горшки с широким горлом и непропорционально маленьким днищем; поверхность сосудов неровная. Орнамент — валики с насечками, прерывающиеся горизонтальными выступами. Встречаются высокие сосуды баночной формы и горшки с ручками (в двух случаях ручки на сосудах оформлены в виде лицевых изображений). Значительно более разнообразна керамика восточных могильников: горшки различной формы и размеров, а также сосуды в форме плошек или чаш. Орнамент на этих сосудах нарезной; типичный узор — елочка и зигзагообразные линии.

б) В мужских и женских могилах встречаются разнообразные украшения. Типичными принадлежностями женского головного убора являются височные подвески и накосники, состоящие из медных тру-

бочек и колпачков, иногда замененных раковинами. На груди носились ожерелья, на руках медные браслеты. Бусы и медные браслеты известны и из мужских погребений. Мелким бисером украшалась обувь.

в) Предметы вооружения в могилах не встречаются. Исключение составляет только один наконечник стрелы в могильнике у с. Берекей.

Все медное и бронзовое оружие, найденное на территории Дагестана, происходит из горных районов, где памятники рассматриваемой нами культуры пока неизвестны. По формам этих изделий можно сделать вывод, что они являлись предметами импорта из районов Закавказья — Азербайджана и Грузии.

Отсутствие исследованных поселений делает невозможным точную характеристику хозяйственной деятельности. Материалы случайного характера указывают на земледелие и скотоводство, но недостаточны для суждения о системе хозяйства в целом. Земледелие для данного периода устанавливается только по материалам Прикаспийского Дагестана: зернотерки и кремневые вкладыши в серпы на поселениях у Мамай-кутана и с. Кая-кент, вкладыши в каменных ящиках Берекейского могильника.

Скотоводство в этот период претерпевает значительные изменения; костные остатки документируют наличие домашней лошади и свиньи, неизвестных для первого и второго периодов. Судя по материалам из погребальных комплексов, можно говорить о значительной роли овцеводства.

Изучение металлических вещей из погребений северо-восточного Кавказа указывает на наличие местной металлообработки. Устанавливается местная выделка медных и сурьмяных изделий. Химический анализ медных предметов показал в большинстве из них отсутствие олова, которое встречается только в изделиях из тонких прокованных пластин (трубочки, височные подвески и колпачки).

Отдельные предметы, находимые в могилах, и некоторые детали в устройстве погребальных сооружений свидетельствуют о наличии в эту эпоху солярного культа: некоторые формы подвесок, изображение колесницы на стенке ящика в могильнике у с. Берекей, каменные кольца, окружающие могилы.

Социальный строй характеризуют могильники, представляющие собой родовые кладбища. Могилы располагались рядами. Женские и детские погребения группировались рядом с каменным кольцом, окружающим могилу мужчин. Важно отметить совместное погребение мужчин и женщин на территории Дагестана; известен обычай обрезать косу у женщин и класть ее в могилу мужчины, прослеживаемый по погребениям Хорочоевского могильника. Перечисленные факты свидетельствуют об окончательном утверждении патриархально-семейной организации.

Могильники типа Хорочоевского и Кая-кентского могут быть синхронизированы с поздне-хвалынскими погребениями степной полосы, с захоронениями Кобанской культуры западных районов Кавказа, с древними погребениями могильников Дигории (Кумбулта и др.), с могильниками Закавказья типа раскопанных Реслером и Ивановским в Азербайджане. Памятники северо-восточного Кавказа начала I тысячелетия до н. э. могут быть выделены в самостоятельную культуру, которая может быть названа Хорочоевской по селению, у которого расположен наиболее хорошо изученный могильник.

7. Между тремя условно намеченными периодами прослеживается вполне закономерная смена памятников, подчеркивающая непрерыв-

ность линии исторического процесса на рассматриваемой территории. Это положение доказывается преемственностью некоторых технических навыков и сходством отдельных отраслей хозяйственной деятельности.

8. Анализ памятников северо-восточного Кавказа начала I тысячелетия до н. э. в соотношении их к памятникам смежных районов допускает возможность постановки вопроса о неравномерности исторического процесса в общекавказском масштабе. Население, оставившее могильники Хорочоевской культуры, находилось на средней ступени варварства; в это время в центральных и западных районах Кавказа существовала кобанская культура, созидатели которой находились уже на высшей ступени варварства, а южные районы Закавказья входят в круг государственного образования на нашей территории — Урарту.

9. Находки предметов эпохи бронзы в горных районах Дагестана свидетельствуют о том, что уже в эту эпоху началось их хозяйственное освоение. Наибольший интерес представляет поселение у Дагестанского аула Анди. Поселение расположено на каменистых отрогах хребта, на участке, неудобном для земледелия и используемом сейчас как пастбище для скота. Этот факт указывает на возможность перенесения схемы освоения горных районов Кавказа на восточные его районы. Эта гипотеза ставит освоение гор в связь с развитием скотоводства.

10. В последующий период, соответствующий по времени скифскому периоду для степной полосы Восточной Европы, в предгорьях Восточного Кавказа и на Предкавказской плоскости создается смешанная культура, в которой элементы скифские органически соединены с кавказскими горными. В этот период и на территории Восточного Предкавказья вещи, характерные для горных районов, имеют типичные поздне-кобанские формы. Старые культурные связи с Восточным Закавказьем ослабевают. Материальная культура Восточного Предкавказья в середине I тысячелетия до н. э. приобретает общий характер с культурой центральных и западных районов Кавказа, сохраняя свои локальные особенности.

А. П. Круглов

ПРЕДСКИФСКИЙ ПЕРИОД НА СРЕДНЕМ ДОНУ

(Тезисы кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого совета ИИМК 29 сентября 1941 г.)

1. Вплоть до настоящего времени Среднее Подонье известно своими палеолитическими стоянками, «Частыми курганами» скифского времени, Маяцким городищем хазарской эпохи и ранне-славянскими укрепленными поселениями. Местные археологические памятники эпохи бронзы открывались случайно; случайно и немногочисленно они представлены и в литературе. Для того чтобы иметь о них более полное представление, необходимо рыться в архивах, просматривать музейные коллекции, собирать воспоминания отдельных лиц.

2. Все это тем более прискорбно, что, оставаясь в тени и забвении, данные археологические объекты отнюдь этого не заслуживают. По своему научному значению они, по ценности обнаруженных в них материалов, превосходят многие синхронные им и давно известные нам

памятники соседних областей. Они характеризуют содержащую их территорию, как совершенно особую область, население которой в то время отличалось своеобразием внешнего облика культуры и имело свой собственный путь развития. Наконец — и это главное — среднедонские памятники эпохи бронзы дают нам возможность постепенно раскрыть конкретное содержание одной из наиболее существенных ступеней в истории первобытного общества — средней ступени варварства, наименее изученной в лесостепной полосе Восточной Европы и во многом определившей характер дальнейшего исторического процесса.

3. Большинство археологических памятников, взятых в качестве основных исторических источников для настоящей работы, находится преимущественно в пределах Воронежской области. Это объясняется тем, что данная часть среднедонского бассейна археологически изучена гораздо лучше, чем выше и ниже лежащие его участки. В прошлом памятники эпохи бронзы здесь открывались от случая к случаю преимущественно в процессе археологических работ местных Губ. Стат. Комитетов и Уч. Архивн. Комиссии (раскопки Л. В. Вейнберга, Ст. Зверева, В. Н. Тевяшева, М. М. Юргенсона и др.). В советский период активная деятельность по изучению древностей местного края была развернута работниками Воронежского областного музея краеведения (сборы, разведки и раскопки С. Н. Замятнина, Д. Д. Леонова и Н. В. Валукинского). Большое значение в этом отношении имели палеолитические экспедиции ГАИМК — ИИМК, обнаружившие в процессе своих основных исследований памятники интересующего нас времени, которым уделялось иногда специальное внимание (работы С. Н. Замятнина и П. П. Ефименко).

4. Не говоря уж об отсутствии систематического изучения памятников эпохи бронзы в Воронежской области в прошлом и настоящем, о методической недоброкачественности полевых исследований, проводившихся здесь в дореволюционное время местными археологами-любителями, следует отметить, что если раньше раскопкам подвергались исключительно памятники погребального характера — курганы, то в последние 10—15 лет исследовались почти исключительно поселения. Исторически это вполне понятно и объяснимо. Однако нужная координация различного вида источников не создалась. Курганы вследствие низкого уровня методики раскопок оказались теперь менее изученными, чем синхронные им поселения.

5. Тем не менее накопившиеся материалы позволяют уже сейчас составить определенное представление об истории обитателей Среднего Дона, о развитии культуры этого населения, и не только в эпоху бронзы, но и в предшествовавшем и последовавшем периодах.

6. Средняя ступень варварства на Среднем Дону в своем развитии состояла из двух этапов, различавшихся между собою внешним обликом местной культуры. Первый этап в основном характеризовался оседанием населения в связи с освоением пастушеского скотоводства и мотыжного земледелия, а также появлением металлических предметов; второй — освоением и развитием собственного металлургического производства, а также упрочившейся оседлостью и дальнейшим развитием основных производств средств существования. Настоящая диссертация, представляющая только часть задуманной мною и в значительной степени осуществленной работы, посвящена второму этапу.

7. Судя по известным немногочисленным данным, культура среднедонского населения в первой половине II тысячелетия до н. э. по своему облику, а вероятно и по существу, была более родственна не той,

которой обладали в то время степные племена, а той, которой характеризовалось население расположенных к северу лесных областей. Судя по низкому местоположению поселений, отсутствию в них костей домашних животных и следов земледелия, а также наличию керамики, очень близкой к «ямочно-гребенчатой», бывшие обитатели их были рыболовами, охотниками и собирателями.

8. Примерно к середине II тысячелетия до н. э. из среды лесостепных племен Восточной Европы, стоявших на низшей ступени варварства, население Среднего Дона перешло на следующую ступень общественного развития, сохранив на первых порах некоторые элементы своей прежней культуры. В основном же последняя стала иной вследствие новой социально-экономической базы и тесным общениям среднедонского племени уже не с северными, а с южными и юго-западными соседями, втянувшими его в сферу своих культурных воздействий.

9. Оседлость, упрочившаяся к концу II тысячелетия до н. э., дальнейшее развитие новой производственной деятельности, новые общественно-экономические и семейно-брачные отношения, а также все увеличивавшийся, но изменивший свое основное направление междуобщинный обмен в корне преобразили культурный облик среднедонских родоплеменных групп. В начале I тысячелетия до н. э. местное население перешло на второй этап средней ступени варварства, характеризовавшийся так называемой срубной культурой.

10. Многочисленные поселки располагались теперь на первых надпойменных берегах — террасах. Жилища представляли собою четырехугольные полуземлянки, перекрытые двускатной крышей.

11. Скотоводство и земледелие, обогатившиеся металлическими серпами, в этот период достигли такого развития, что почти полностью могли удовлетворять потребности населения. Охота в целях добычи практиковалась чрезвычайно редко.

12. Как и в предшествующем периоде, стада домашних животных юга и севера степной полосы по своему составу не были однородными. В северных лесостепных районах в стаде преобладал крупный рогатый скот. В составе мелкого рогатого скота было больше коз, чем овец. Большое внимание уделялось разведению свиней, кости которых на иных поселениях встречаются в большем количестве по сравнению с костями коз и овец. Гораздо дольше, чем на юге, лошадь использовалась в значительной степени как средство питания. На юге основное внимание уделялось не крупному, а мелкому рогатому скоту; свиньи же, повидимому, не разводились вовсе. Кости домашних животных утилизировались для выделки разнообразных предметов бытового и хозяйственного инвентаря.

13. Развивавшаяся и становившаяся все более разнообразной деятельность обитателей Среднего Дона не могла довольствоваться получаемыми извне редкими металлическими и изготовленными на месте каменными орудиями. Появилась и развилась местная металлургия — сначала меди и бронзы, а затем и железа. Из металла повсеместно стали изготовляться путем литья различные предметы бытового и хозяйственного инвентаря, вооружения и украшения. В обиход вошли новые, более совершенные типы орудий производства.

14. Основным источником сырья среднедонской металлургии меди и бронзы в этот период были рудные залежи Южного Урала и Приуралья, питавшие также промежуточную территорию — Среднее Поволжье.

15. Относительная сложность нового производства — металлургии — заставляла специализироваться в нем поселки и отдельные семьи, что, в свою очередь, активизировало междуобщинный обмен.

16. В процессе межплеменного обмена, путем которого осуществлялась передача металлургического сырья, создавалась определенная культурная общность между племенами, связанными таким обменом. Этим, в частности, объясняется сходство между собою и преобладающего большинства металлических предметов, а также и некоторых форм керамики у племен Среднего Дона и Среднего Поволжья в период срубной и абашевской культуры. Несмотря на все это, культура среднедонского племени, по крайней мере в своем внешнем облике, не утратила своей специфичности.

17. Близость столь удобных для передвижения путей, как Дон, с одной стороны, Ока в ее нижнем и среднем течениях, Цна, Сура, не говоря уже о Волге, с другой стороны, благоприятствовали общению среднедонского племени со своими южными и северными соседями. Происходившее культурное взаимодействие осуществлялось путем далеко шедшего обмена, либо глубоким проникновением степного населения в лесостепную область (например, памятники поздняковского типа на Оке) и лесостепного в степь (керамика абашевского типа на Среднем Дону).

18. В середине I тысячелетия до н. э. пути развития хозяйства и культуры у населения лесостепных районов среднедонского бассейна и чисто степных племен, с которыми оно было раньше связано, резко разошлись. Если на юге, в степях с начала I тысячелетия, почти повсюду господствовавшей формой хозяйственной деятельности становилось пастушеское скотоводство, перешедшее впоследствии в кочевое, то здесь, как и на Оке и в лесостепном Среднем Поволжье, продолжал сохраняться вплоть до высшей ступени варварства и далее земледельческо-скотоводческий оседлый тип хозяйства. Вещественный инвентарь среднедонских поселений этого времени (поселение Костенки 4, Александровска), с одной стороны, несет в себе черты преемственности срубной культуры, а с другой, представляя новые формы, имеет много общего с инвентарем Дьяковых, Хвалынских и даже Ананьинских («костеносных») городищ VI—V в. до н. э.

19. Встречающиеся на территории Воронежской области скифские курганы и отдельные находки скифских предметов, будучи немногочисленными и в большинстве своем поздними, не имеют генетической связи ни с предшествовавшими, ни с современными этапами в развитии местной культуры, и представляют собой инородное явление. Наиболее мощные скифские волны захлестнули среднедонскую лесостепь к концу IV и началу III в. до н. э., т. е. тогда, когда местное население перешло уже на высшую ступень варварства.

Г. В. Подгаецкий

КУЛЬТ АФРОДИТЫ НА БОСПОРЕ КИММЕРИЙСКОМ

(Тезисы кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого совета филологического факультета МГУ 24 декабря 1942 г.)

Названная тема разрабатывалась неоднократно и преимущественно русскими учеными, но только немногие из них посвятили этому вопросу небольшие по объему специальные труды, используя древние литературные источники или публикуя отдельные религиозные памятники. В общем, тема о Боспорской Афродите монографически еще не изучена, материалы не сведены и критически не пересмотрены.

Основная задача, поставленная автором, заключается в том, чтобы из скудного, случайного и явно недостаточного материала литературных и вещественных источников извлечь возможно больше прямых и косвенных достоверных свидетельств для построения схемы исторического развития этого культа и определения места и значения его на Боспоре.

Первая часть труда посвящена своду и обзору источников, вторая часть — разработке проблем.

1. Руководствуясь свидетельством Гекатея (вторая половина VI в. до н. э.), сообщившего о факте почитания Афродиты в Фанагории, и свидетельством Арриана (II в. н. э.) о том, что основателями Фанагории были теосцы, можно предположить, что культ Афродиты Урании на Боспоре принесен извне, повидимому, первыми поселенцами города — теосцами.

Хронологически существование культа на Боспоре определяется, таким образом, со второй половины VI в. до н. э. и до конца III в. н. э. (на основании посвятительной надписи, датируемой этим временем — IosPE, II, 28, и изображений культовой статуи богини на боспорских монетах того же времени). Непрерывное существование культа Афродиты на Боспоре продолжалось не менее восьми веков.

2. Различные сокращенные виды наименований богини, встречающиеся преимущественно в надписях, свидетельствуют, что на протяжении всех восьми веков Афродиту на Боспоре почитали, главным образом, с эпитетом «Апатуры». Полная форма ее титулатуры: Афродита Урания Владычица Апатура, т. е. посвященного ей святилища, именуемого Апатуром.

Наименование святилища, в свою очередь, могло быть производным от названия известных общеионийских национальных праздников «Апатурий», справлявшихся, повидимому, в Фанагории и Боспоре, как это было в Ионии и Аттике, но поставленных там в связь с Зевсом, Афиною и Гефестом и выражавших собою религиозную связь фратрий. Таким образом, Боспорская Афродита Урания Апатура почиталась в роли устроительницы и покровительницы родового и племенного единства и, несомненно, единства ионийских колонистов Боспора и в первую очередь древнейших почитателей богини теосцев-фанагорийцев.

Страбон (XI, гл. II, 10) сообщает, что эпитет Афродиты на Боспоре производился от слова απατη (обман), и для объяснения прозвания «обманщицы» приводит миф о том, как богиня, будучи преследуема гигантами, призвала на помощь Геракла, а затем, обманув гигантов, предала их Гераклу для уничтожения.

Явно неправильное и наивное образование эпитета богини, основанного на внешнем звуковом сходстве со словом απατη, не дает нам, однако, права игнорировать этот миф, потому что его содержание не стоит в противоречии с природою боспорской Афродиты. В нем она обрисована богиней строгой и чуждой низменной чувственности, хитростью противодействующей дерзости демонов, покушавшихся на ее честь, и одерживающей победу над ними.

Несомненно, этот миф местного происхождения и, возможно, отражает в героическо-художественной форме какие-то реальные факты из истории «ионийской колонизации, встретившей в момент своего оседания на Боспоре какие-то столкновения с местными силами и одержавшей в такой борьбе победу» (Сибирский), приписанную заступничеству почитаемой ионийцами Афродиты. Связь мифа с Боспором подтверждается тем, что повторений или вариантов его в других ме-

стах античного мира мы не знаем; с другой стороны, он в какой-то мере сходен с мифом о происхождении скифских правителей, сообщенным Геродотом (IV, 5).

3. Письменные свидетельства не дают возможности уточнить локальную специфику Боспорской Афродиты; необходимо поэтому обратиться к источникам изобразительным и, в первую очередь, нумизматическим. Однако монеты сами нуждаются в генеральном пересмотре и только после этого могут стать ценным источником.

Памятники изобразительного искусства оказываются более надежными. Они самостоятельно дают ответ на интересующий нас вопрос и могут быть полезными при истолковании монетной иконографии боспорских божеств.

Известные нам памятники изобразительного искусства Боспора, привозные и местных мастеров, дают одиннадцать иконографических и композиционных разновидностей Афродиты, свидетельствующих, что многие местные типы повторяют или варьируют привозную художественную продукцию, а также модифицируют произведения больших зарубежных мастеров. Особо интересна в этом отношении Керченская стела II в. до н. э. (IosPE, II, 19) с посвятительной надписью Афродите Апатуре и с изображением Афродиты Урании с Эротом на взлетающем лебеде; изображение это, как доказано О. Ф. Вальдгауером, отражает традицию, восходящую к не дошедшему до нас произведению Фидия, упоминаемому Павсанием (I, 14, 7). Однако навряд ли мастер стелы заимствовал этот иконографический мотив в произведениях импортной художественной промышленности; не исключена возможность, что он прямо повторил какое-то скульптурное произведение, находившееся на Боспоре и связанное с почитанием местной Афродиты. Вероятнее всего, это была фронтонная композиция; намеком на это служит то, что Афродита на лебеде включена в треугольник небольшого фронтончика с тремя акротериями, что можно понимать, как воспроизведение венчающей части фасада храма — фронтона со скульптурным заполнением.

Памятники изобразительного искусства показывают, что в классическое и эллинистическое время иконография Афродиты Урании Апатуры выражала собою разнообразные оттенки почитания ее на Боспоре и шла по пути заимствования извне готовых образов, подвергавшихся нередко местным изменениям. Среди большого иконографического разнообразия следует выделить тип сидящей одетой Афродиты с одним или двумя Эротами в различных композиционных вариантах, начиная от строгих и торжественных и кончая жанровыми. Этот тип, известный в терракотах, произведениях торевтики и глиптики, повидимому, свободно варьирует официальный культовый образ богини, в монументальной скульптуре до нас не дошедший.

Неотъемлемым признаком Афродиты является ее спутник Эрот (один или два), дающий нам основание признавать в стоящей женской фигуре, изображенной на Керченском надгробии (изданном Кизерецким и Вацингером под № 407), жрицу храма Афродиты в одежде и с атрибутами культовой статуи богини и по ее внешнему облику составить себе представление о культовой статуе Боспорской Афродиты. Именно в таком виде представлена она на золотом медальоне с Кубани из б. собр. Д. И. Толстого — сидящей на троне с высокой спинкой, с двумя Эротами по бокам, с высоким головным убором (скорее всего башенной короной), с патерой или сферой в руках. Тот же образ фигурирует на боспорских монетах со времен Августа в виде бюста или головы с калафом, башенной короной или диадемой, а со

времен Савромата II — в виде сидящей в профиль богини, иногда с длинным жезлом и также с Эротом (Бурачков, табл. XXXI, 244).

4. Литературные источники не дают никаких описаний древних боспорских святилищ Афродиты. Единственным реальным архитектурным остатком такого святилища пока является лишь случайно найденный в станице Таманской в 1851 г. фрагмент антаблемента с обломком фриза, впервые изученный и опубликованный автором (Советская археология, VII, 1941, стр. 81—93). Обломок этот служит доказательством существования небольшого храма или сокровищницы Афродиты Апатуры в Гермонассе. Фрагмент позволяет в какой-то мере воссоздать внешний облик постройки, выполненной в ионийском ордере и украшенной скульптурным фризом, сюжетом которого послужил местный миф о гигантах, сообщенный Страбоном. Этот архитектурный памятник создан, повидимому, в III в. до н. э. местными мастерами и, возможно, варьировал мотивы монументальных сооружений более высокого качества и, всего вероятнее, одного или двух известных святилищ, созданных в более раннее время в честь той же богини в Фанагории и Синдике.

Исходя из нового истолкования архитектурных мотивов, имеющихся на двух давно известных боспорских памятниках работы местных мастеров, и монетных изображений, автор делает опыт реконструкции главнейших архитектурных элементов и главных святилищ Афродиты Боспорской. Он высказывает предположение, что изображение Афродиты Урании с Эротом на лебеде в треугольном обрамлении на керченской стеле фиасотов (IosPE, II, 19) варьирует или копирует фронтонную композицию одного из храмов Боспорской Афродиты, всего вероятнее, одного из главных святилищ богини — Апатура Синдского или Фанагорийского, и что на Керченском надгробии, изданном Кизерицким и Вацингером за № 407, изображена сцена либации близ храма Афродиты, фасад которого изображен во втором ярусе. Характерная особенность изображенного фасада заключается в наличии ионийского ордера и нечетного количества колонн (в данном случае пяти). На основании аналогии с фасадом такого же пятистолбного ионийского храма, изображенного на боспорских монетах времен Котиса II и Эвпатора II, автор заключает, что скульптурные и монетные изображения воспроизводят один и тот же архитектурный памятник, существовавший на Боспоре. Памятником этим мог быть храм Афродиты, притом, вероятно, древнейший фанагорийский. Появление на монетах такого изображения могло произойти в связи с восстановлением храма и возрождением культа во II в. н. э.— в эпоху больших строительных и восстановительных работ боспорских царей. Об этом имеется ряд эпиграфических свидетельств, в частности указания на постройку нового храма Афродиты в Горгиппии (ИАК, вып. 23) и о восстановлении в одном из старых храмов Афродиты разрушенных портиков в их первоначальном виде (IosPE, II, 352).

5. Литературные источники сообщают нам названия только трех храмов Афродиты и указывают приблизительное местоположение их на Боспоре. Таковы древнейшие святилища Апатур в Фанагории, святилище Апатур в Синдике (свидетельства Гекатея, Страбона, Плиния, Птоломея, Стефана Византийского) и святилище Афродиты в Танаисе (свидетельство Ямвлиха). Эпиграфический памятник из Анапы, сообщающий о построении храма Афродиты Навархиды в Горгиппии при Савромате I, и фрагмент фриза с гигантами из станицы Таманской, свидетельствующий о существовании в III в. до н. э. храма Афродиты Апатуры в Германассе, доводят этот список памятников до

пяти. Все они засвидетельствованы пока исключительно на азиатской стороне Боспора.

Значительное внимание уделяется вопросу о местоположении этих храмов, исходя из свидетельств древних авторов, топографии археологических находок (в особенности эпиграфических) и главным образом из данных неопубликованных архивных документов старых раскопок, а также собственных археологических и топографических исследований на месте.

6. Основные линии исторического развития культа представляются следующим образом:

а) Центром культа Афродиты Апатуры Боспорской была с древнейших времен Фанагория, откуда он распространился главным образом по азиатской стороне Боспора. Наиболее ревностными почитателями культа были, повидимому, соседи фанагорийцев — синды, легко поддававшиеся эллинизации. Заимствовав культ Афродиты от фанагорийцев, они создали свой аналогичный религиозный центр — святилище того же наименования Апатур (с поселением вокруг него), основанный в эпоху расцвета Боспора, не ранее V—VI в. до н. э.

б) В первой половине III в. до н. э. был построен небольшой храм, или сокровищница, в честь Афродиты Апатуры в той же Синдике, но в другом месте — в Германассе, на что указывает таманский фрагмент фриза с гигантами.

в) Расцвет культа Афродиты совпадает с эпохой наибольшего расцвета Боспорского государства в V—IV вв. до н. э. Богиня почиталась на всем Боспоре, но преимущественно на азиатской стороне его.

г) В эпоху эллинизма, в период понтийской оккупации Боспора и в эпоху Августа о судьбах культа нет достаточных сведений. По всей вероятности он сохранялся главным образом на азиатской стороне. Политические события на Боспоре способствовали разрушению архитектурных сооружений, в частности, построек в честь Афродиты, на что указывает Плиний, упоминая в I в. н. э. о «почти опустелом Апатуре», а также последующие факты строительной и восстановительной деятельности, развернувшейся во II в. н. э. при Савромате I, Котисе II, Эвпаторе II и Савромате II,— деятельности, известной исключительно по эпиграфическим данным и монетным изображениям.

д) Официальный характер культ Афродиты приобретает еще при Августе, но прочно утверждается в значении «государственного», «общебоспорского» только в II в. н. э.— в эпоху расцвета Боспора. Богиню продолжают почитать не только под старым неизменным наименованием Урании-Апатуры, но одновременно ее начинают почитать и в качестве Верховного Кормчего — Афродиты Навархиды. Новый аспект возникает постепенно, еще при Асандре, утверждается при Августе и получает свое наибольшее развитие во II в. н. э. как одновременная, параллельная ипостась той же чтимой всеми боспорской Афродиты-Апатуры. При Соврамате I в честь Афродиты Навархиды сооружается самостоятельный храм в Горгиппии.

е) В III в. н. э. культ Афродиты переживает период упадка, растущего под влиянием все усиливающейся сарматизации Боспора и варваризации всех форм общественной и культурной жизни. Монетные изображения и грубые глиняные статуэтки, изображающие культовую статую богини, являются лучшей иллюстрацией такого обеднения религиозных представлений и творческих возможностей.

Л. П. Харко

ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ

(Тезисы кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого совета ИИМК 15 января 1944 г.).

1. На месте Херсонеса, до основания его греками, существовало туземное поселение, принадлежавшее, вероятно, таврам.

2. Херсонес, как колония, был основан гераклеотами и делосцами в конце V в. до н. э. и являлся чисто дорийской колонией.

3. Рост городской территории происходил в направлении с востока на запад. В конце IV в. была построена крепостная стена, охватившая основную часть города.

4. Планировка города была произведена в строгом соответствии с рельефом местности, что успешно разрешало задачи водоснабжения и канализации города.

5. Эллинистический период — время экономического подъема, политической независимости и культурного расцвета города. Владения Херсонеса в это время распространялись на весь Гераклейский полуостров и на все западное побережье Крыма, которые были его экономической базой. Торговля Херсонеса имела не только посреднический характер, но основывалась и на широко развитом местном производстве.

6. К середине IV в. до н. э. Херсонес представлял собою уже вполне сложившийся полис (город-государство). Классовая борьба происходила в Херсонесе между аристократией и демократией и выразилась в попытках установить олигархию или тиранию (об этом свидетельствует присяга) и между рабовладельцами и рабами (восстание Савмака). Культурный расцвет Херсонеса, в соответствии с его экономическим подъемом, относится к IV—II вв. до н. э., что подтверждается памятниками архитектуры, скульптуры и терракотами. Кроме общегреческих богов, в Херсонесе почиталась Дева, покровительница города, культ которой возник в результате слияния греческих верований с местными (таврскими).

7. Войны со скифами привели Херсонес в конце II—I вв. до н. э. к экономическому упадку, что вызвало новые попытки установления в городе олигархии и привело Херсонес к потере политической независимости (подчинение Митридату и Боспору).

8. Начало римского периода истории Херсонеса следует отнести ко времени, начиная с 60-х гг. I в. н. э., т. е. с момента появления римского гарнизона в Херсонесе. С этого времени происходит ряд перемен как во внутренней жизни города и его экономике, так и в государственном устройстве и культуре (экономический подъем, усиление роли аристократии в государственном управлении).

9. В IV—V вв. н. э., в связи с нашествиями варваров на Крым, Херсонес переживал период упадка, но уцелел и сохранил свое значение как форпост Рима в Крыму. Увеличение местных элементов в составе населения города в IV—V вв. привело к усилению процесса варваризации его культуры, что нашло свое наиболее яркое отражение в памятниках искусства.

10. С конца V в. Херсонес находился в зависимости от Византийской империи, которой он был нужен как форпост для защиты ее владений в Крыму и как торговый центр для обмена с местным населением. Этим значением Херсонеса объясняются все мероприятия византийских императоров по усилению его обороноспособности, по строительству храмов и по созданию на месте административного аппарата, обеспечивающего подчинение города Византии.

11. Период с конца V до середины VII в. был для Херсонеса временем экономического подъема, наибольшего расширения городской территории и интенсивного городского строительства. Херсонес в это время становится экономическим, политическим и культурным центром Крыма.

12. В следующий период, с середины VII до середины IX в., вследствие внешних нападений, сельское хозяйство Херсонеса оказалось расстроенным: город лишился тех областей, которыми владел в античную эпоху, а его торговля сильно сократилась.

13. В середине IX в. была учреждена Херсонесская фема, в которую входил весь Крым с Херсонесом во главе. Последний был поставлен в более тесную политическую зависимость от Византии, что объясняется возросшим значением его для внешней политики империи; Херсонес служил орудием византийской дипломатии в сношениях с племенами причерноморских степей. Особенно важную роль посредника выполнял Херсонес в отношениях между Византией и Русью.

14. В IX—X вв. Херсонес переживал период хозяйственного оживления: он снова стал самым крупным торговым, а также и главным политическим и культурным центром Крыма, средоточием византийской администрации и дипломатии, рассадником христианства, очагом и проводником византийской культуры для Крыма, Северного Причерноморья и Руси.

15. В конце X в. Херсонес подвергся сильному разрушению, после чего территория города значительно сократилась: западная его часть осталась незаселенной и заброшенной навсегда. После XI в. начинается постепенный упадок Херсонеса. Вследствие сокращения внешней торговли, бывшей главным источником существования города, его население обращается к сельскому хозяйству, рыболовству и ремеслам. Херсонес в целом в XII—XIV вв. представлял собою небольшой город, с незначительной прилегавшей к нему территорией, с замкнутым хозяйством, экономически слабо связанный с другими областями.

16. Наиболее вероятно, что гибель Херсонеса наступила в конце XIV в., когда Крым подвергся страшному опустошению со стороны татар во время междоусобной войны, происходившей между ханами Тамерланом и Тохтамышем.

Г. Д. Белов

ДРЕВНИЙ ХОРЕЗМ

ОПЫТ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

(Тезисы докторской диссертации, защищенной на заседании Ученого совета Института истории АН СССР 31 августа 1942 г.)

1. Представленная работа является опытом обобщения важнейших результатов Хорезмской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, проводившейся под руководством автора в 1937—1940 гг.

Основным районом работ экспедиции были земли древнего орошения Турткульского и Шаббасского районов Кара-Калпакской АССР. Здесь было подвергнуто рекогносцировочному обследованию около 250 объектов, 14 из которых подверглись стационарным раскопкам. Кроме того, были проведены разведочные маршруты по линии Чарджоу — Турткуль (по обоим берегам реки), в глубь Каракумов по маршруту Ташауз — Гяур-кала — Дэу-кала, вдоль левого берега Аму-Дарьи по маршруту Турткуль — Нукус. В целом работами было охвачено свыше 300 памятников разных эпох. Впервые были выявлены памятники домусульманского Хорезма от неолита (IV—III тысячелетие

до н. э.) до VIII в. н. э., а также существенно дополнены данные по археологии ранне-средневекового Хорезма.

2. Задачами исследования являются: а) Выяснение на основании изучения археологических памятников и освещения при их помощи скудных свидетельств письменных источников основных особенностей социально-экономического строя домусульманского Хорезма и опыт периодизации социальной истории этой части Средней Азии.

б) Установление основных вех политической истории древнего Хорезма и выяснение его политических и культурных связей с окружающими областями — в первую очередь с Восточной Европой.

3. Исследованием установлено, что в IV—III тысячелетии до н. э. Хорезм представлял болотисто-лесистую область, пересеченную многочисленными угасающими протоками древней верхней дельты Аму-Дарьи. Население (носители кельтеминарской культуры) вело оседлый рыболовно-охотничий образ жизни, обитало в больших овальных общинных домах из дерева и камыша, с конусообразным перекрытием и центральным неугасимым очагом, пользовалось микролитоидными кремневым и костяным инвентарем и круглодонной, богато орнаментированной керамикой.

Кельтеминарная культура оказывается связанной с неолитическими и энеолитическими культурами Евразиатского Севера (Приуралье, Сибирь), восточного Туркестана и побережьем Индийского океана. Возможно, что к этим связям восходит возникновение общих черт в языках мунда и дравидийских, с одной стороны, и угорских — с другой.

4. Во II тысячелетии до н. э. происходит переход к употреблению меди и к примитивному каирному земледелию (земледелие без полива, в пойме реки). Это время тазабагъябской культуры Хорезма, близкой к андроновской культуре Сибири и Казахстана и срубной культуре Поволжья. Это период образования больших племенных союзов и начальных этапов индоевропейского этногенеза. В процессе скрещения носителей культур охотничье-рыболовных и примитивно земледельческих (типа Анау, влияние которого идет с юга) формируются палеоиндоевропейские группы населения Хорезма, видимо близкие к фрако-кимерийским группам Восточной Европы и хеттоидным группам Малой Азии. К этому периоду приурочивается начало древнехорезмийского летосчисления, ассоциирующегося с мифом о культурном герое Хорезма Сиявуше, аграрном божестве, связанном с тотемическим культом коня и близком к фрако-фригийскому Сабазию. Образ этого божества впоследствии становится центральным образом хорезмийского пантеона.

5. В начале I тысячелетия до н. э. тазабагъябская культура сменяется амирабадской, наиболее близкой к предскифской кобяковской культуре Северного Кавказа. Видимо, в рамках объединений, связанных с этой культурой, начинается формирование типа хорезмийской речи, близкой к аланскому и осетинскому языкам. Общество сохраняет первобытнообщинный характер, земледелие остается каирным. Основной тип поселения — «длинные дома» из глины, возведенные на вершинах дюн у побережья протоков дельты.

С этим периодом связана, видимо, последняя трансгрессия Арала, приведшая к кратковременному затоплению более древних стоянок. Вскоре, однако, древние верхние протоки дельты совсем отмирают и их ложа превращаются в полосы такыров, на поверхности которых встречаются следы поселений амирабадской культуры.

6. Следующий период, начинающийся во второй четверти I. тысячелетия до н. э. связан с созданием сети великих хорезмийских каналов.

Эта сеть, структурно вполне соответствующая современной, значительно шире последней — хвостовые части древней сети сейчас далеко уходят в пустыню, в область ныне мертвых «земель древнего орошения». Анализ культурных отложений в районе древних каналов показывает, что к середине I тысячелетия до н. э. эта древняя сеть была целиком построена и дальнейшая ее история — это история ее сокращений и повторных частичных освоений заброшенных ранее земель. Этот факт свидетельствует о наличии в Хорезме во второй четверти I тысячелетия до н. э. уже достаточно сильной центральной власти и, таким образом, подтверждает гипотезу Маркварта и Тарна о существовании сильного доахеменидского Хорезмийского царства. Как показывает анализ древнеиранских, античных и позднейших китайских свидетельств, местное население называло это государство Кангха (в позднейших китайских хрониках Кангюй). К моменту ахеменидского завоевания это государство, видимо, охватывало Хорезм, область нижней и средней Сыр-Дарьи, Согд, Парфию и Ариану.

Кангха-Хорезм служит вместе с тем естественным центром тяготения массагетских племен Закаспия и Приаралья, к которым культурно и этнически примыкают и оседлые хорезмийцы.

7. В конце VI в. до н. э. Хорезм вместе со всем Кангхским царством входит на некоторое время в состав государства ахеменидов, но уже к началу IV в. до н. э. освобождается от этой зависимости, теряя, однако, Согдиану, Парфию и Ариану. Ахеменидское господство на юге обусловливает северное направление развития политической экспансии Кангхи-Хорезма, с которым связаны движения сарматских племен в Северном Причерноморье.

8. Во время завоевания Александра Кангха-Хорезм сохраняет независимость и, ведя переговоры с Александром, одновременно поддерживает антимакедонские движения прияксартских саков, массагетов и согдийцев (Спитамен). После завоевания Средней Азии Александром независимый Хорезм становится политическим центром антимакедонской борьбы. Под хорезмийским влиянием развивается движение парфян в середине III в. до н. э. Под хорезмийским влиянием начинается во II в. широкое антимакедонское движение массагетских племен Приаралья, приведшее к крушению греко-бактрийского царства. Уже в 60-х годах II века Кангхское царство возвращает себе Согдиану, но дальнейшее развитие движения массагетов (юе-чжи) на юг приводит к переносу политического центра сперва в Бактрию, а затем — в Индию. К началу I в. н. э. Кангха-Хорезм входит в Кушанскую империю, сохраняя, однако, известную самостоятельность. Как и в IV в. до н. э., ограничение политической экспансии Кангхи-Хорезма на юге Кушанами приводит к новой волне ее политической активности на севере, с которой связано движение аланских племен.

9. Памятники античной культуры Хорезма (период «городищ с жилыми стенами» ахеменидского времени, кангюйский — эллинистического времени, кушанский — римского времени) дают возможность охарактеризовать общественный строй и культуру этой эпохи. Общество характеризуется общинно-рабовладельческим строем древневосточного типа, сочетающим черты развитого рабовладельческого общества (большое ирригационное строительство, обилие городов, развитие городского ремесла, торговли, высокоразвитая военная организация, выработавшая свою тактику, эквивалентную тактике античной фаланги в условиях кочевого окружения — сомкнутый строй линейной тяжелой конницы, развитая монетная система, письменность и т. д.) с глубоко архаическими чертами общинного строя (большие общинно-родовые

дома-массивы, черты матриархата и гинекократии, пережитки мужских домов и союзов, родовая и фратриальная организация и т. д.).

10. К концу античного периода (кушанское и кушано-афригидское время) идет быстрый процесс разложения сельской и городской общины, отражающийся в типе расселения (расселение отдельными большесемейными усадьбами). Выделяется слой могущественной землевладельческой аристократии, начинающей закабаление разоряющегося крестьянства. На рубеже V и VI вв. н. э. города начинают приходить в заметный упадок, центр общественной жизни начинает переходить в деревню.

11. В политической истории эти процессы выражаются в распаде кушанского царства. Уже с III в. хорезмийские цари начинают вновь чеканить монету по древнему кангюйскому образцу. В III—V вв. цари Хорезма лавируют между распадающимся кушанским царством и сасанидским Ираном. Движение эфталитов V—VI вв., повидимому, возглавленное, как некогда движение юе-чжи, потомками приаральских массагетов, ведет к кратковременной реставрации кушанской империи над гегемонией эфталитских царей Пейкенда. Однако растущая в сторону феодализма поземельная аристократия, враждебная общинно-демократическим тенденциям эфталитов, действуя в союзе с иноземными интервентами (тюрки, китайцы, сасаниды), разрушает эфталитское государство. Однако борьба общин, иногда возглавляемых сохраняющими патриархально-общинные политические традиции представителями местных династий, продолжается (восстание Хурразада 712 г. в Хорезме и последующие движения в Мавераннахре), и только новые интервенции арабов, а затем — тюрков (караханидов, сельджуков) приводят в XI в. к торжеству феодального способа производства.

12. В Хорезме на протяжении этого периода власть непрерывно сохраняется в руках дома афригидов — потомков древней Сиявушидской династии Кангхи, младшие ветви которой правят в различных городах Согда и Шаша.

Политическая традиция сохраняет роль Хорезма, как центра конфедерации среднеазиатских княжеств, управляемых кангюйскими династами, хотя фактическая гегемония переходит, видимо, к Самарканду.

13. Несмотря на глубокий внутренний кризис, Хорезм продолжает вести активную внешнюю политику, поддерживая тесные связи с Восточной Европой (хазары, булгары, Русь) и вмешиваясь в политические события в Хазарии X в.

14. Материальная культура несет на себе яркий отпечаток этой бурной эпохи. Поздне-афригидское время (VI—IX вв.) — период расцвета частной фортификации, период господства укрепленных большесемейных усадеб-замков аристократии и крестьян. Военные столкновения, завоевания кочевников, народные восстания, ослабление центральной власти приводят к значительному сокращению ирригационной сети. Многие города приходят в упадок. Значительно деградирует городское ремесло. Лишь к X—XI вв. намечается полоса нового хозяйственного и культурного подъема, достигающего апогея к XII—XIII вв.— к периоду расцвета феодальной империи хорезмшахов, подъем которой был подготовлен всем предшествующим развитием Хорзема.

15. Анализ материальной культуры древнего Хорезма позволяет притти к выводу, что облик культуры в целом, как и общественный строй, несмотря на наличие эллинистических влияний, сохраняет древневосточный характер (многочисленные параллели в строительном

деле, архитектуре, фортификации, вооружении, стиле изобразительного искусства и т. д. между Хорезмом V—VI вв. до н. э.— V в. н. э. и древневосточными странами III—I тысячелетия до н. э.— Египтом, Вавилонией, Ассирией, хеттами). Значительные древневосточные традиции сохраняются и в культуре афригидского времени (VI—VIII вв.), однако в эту эпоху налицо уже многочисленные черты, получающие дальнейшее развитие в средневеково-мусульманской культуре.

Таким образом и с этой точки зрения афригидский период может также рассматриваться как переходный от общинно-рабовладельческого к феодальному.

Приложение

ОПЫТ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕГО И РАННЕ-СРЕДНЕВЕКОВОГО ХОРЕЗМА

(Объяснительный текст к таблице)

А. Первобытная культура

Кельтеминарская культура — IV — начало — III-го тысячелетия до нашей эры. Неолит. Рыболовство и охота. Материнский род, возможно еще с дислокальным браком. Большие овальные дома из дерева и камыша. Круглодонная, богато орнаментированная, часто грубо окрашенная в красный цвет керамика. Орнамент расположен кольцевыми зонами, заполненными оттисками разнообразных штампов и штриховым рисунком. Ладьевидные сосуды. Кремневый (микролитоидный) и костяной инвентарь. Круглые подвески из камня и раковин, цилиндрические раковинные бусы.

Характерные памятники: стоянки Джанбас-кала № 4 и № 5.

Материал таблицы — стоянка Джанбас-кала № 4 рис. 20 — реконструкция большого дома в Джанбас-кала № 4.

Тазабагъябская культура. II тысячелетие до нашей эры. Бронзовый век. Мотыжное земледелие и пастушеское скотоводство. Материнский род. Образование союзов племен. Тип жилища неизвестен. Плоскодонная, тонкая, окрашенная, орнаментированная штампованным и нарезным узором керамика, сделанная без круга. Сосуды с узким дном, выпуклыми стенками и прямым венчиком. Основной элемент орнамента — незамкнутые треугольники, опоясывающие перегиб к шейке сосуда, углы, косоугольные меандры. Пиктографические знаки на скалах Чильпык и Кара-Тюбе.

Характерные памятники — стоянки Ангка-кала № 1, Тешик-кала № 1 и 2 и др.

Материал таблицы — керамика стоянки Ангка-кала № 1, наскальные знаки Кара-тюбе.

Амирабадская культура. Первая половина 1-го тысячелетия до н. э. Ранне-железный век. Земледелие и скотоводство. Материнский род. Укрепление и развитие союзов племен. Длинные глиняные прямоугольные общинные дома. Плоскодонная, темная, слабо орнаментированная керамика, сосуды с обычно сильно выпуклыми стенками и резко отогнутым венчиком, с нарезным орнаментом, чаще всего в виде линии углов, опоясывающих шейку сосудов или совсем без орнамента. (Поздние формы амирабадской керамики заходят во II половину 1 тыс. до н. э., встречаясь на окраинах древних оазисов вместе с античной керамикой). Характерные памятники — стоянки Джанбас-кала №№ 1, 2, 7 и др.

Материал таблицы: план «Длинного дома» из ст. Джанбас-кала № 7 (рис. 19); керамика (слева направо): 1) с такыра близ Джанбас-кала № 4; 2) с такыра близ Беркут-кала; остальные из стоянок Джанбас-кала № 1 и 2.

Б. Античная культура

Культура городищ с жилыми стенами. Ахеменидское время. Середина I тысячелетия до нашей эры (VI—IV вв. до н. э.). Постройка больших каналов. Зарождение государства. Вхождение Хорезма в систему империи ахеменидов. «Городища с жилыми стенами», идентичные «Квадратной Варе» Авесты («жилище для людей и загон для скота»). Керамика, сделанная на ручном гончарном круге, с горизонтально-рубчатой поверхностью. Хумы и крупные сосуды с

прямым венчиком, с переходом к корпусу в виде прямоугольного нависающего уступа. Тесто грубое, с дресвой, обжиг неравномерный. Чаши без дисковидного поддона. Появление красного (на чашах) и белого (на горшках) ангоба. Бронзовые трехгранные стрелы небольших размеров, с выступающей втулкой. Статуэтки «архаического стиля» (богиня, кони). Характерные памятники — Кюзели-гыр, Калалы-гыр № 1, ранний слой Базар-калы.

Материал таблицы: план Кюзели-гыра (рис. 17), Калалы-гыра № 1 (рис. 18); реконструкция «жилой стены». Керамика — Кюзели-гыр за исключением левого верхнего усеченно-конического сосуда — подъемный материал из сборов М. В. Воеводского в Ю. левобережном Хорезме (1934 г.). Наконечники стрел и медные бусы — Кюзели-гыр. Статуэтки — женская — с такыров Беркут-кала, головка коня — Базар-кала.

Кангюйская культура. Эллинистическое время. IV век до нашей эры — I век нашей эры. Расцвет кангюйско-хорезмийского государства, городов, ремесел. Укрепленные прямоугольные селения с сохранением общинно-родового уклада. Многокомнатные дома массивы, группирующиеся в 2 основных квартала (фратрии). «Дома огня», как сосредоточие общественной жизни поселений. Отдельно стоящие укрепленные родовые дома — массивы (Кюнерли-кала, Ак-тепе). Планировка городов повторяет планировку селений (дома-массивы, делящиеся центральной улицей на 2 комплекса, соответствующие фратриям). Черная, красная и светлая, с черной и красной раскраской керамика, сделанная на ножном круге. Красный лак, прорезной и раскрашенный орнамент в виде треугольников, спускающихся на плечики сосудов. Хумы с венчиком в виде круглого валика и высокой шейкой, отделенной от корпуса рельефным поясом. Чаши с дисковидным поддоном. Бокалы. Светлая, тонкостенная керамика, сделанная без круга. Сосуды с высоким горлом. Большие блюда с прямыми стенками. Многочисленные статуэтки людей и животных кангюйского стиля. Бронзовые стрелы вытянутых пропорций и крупных размеров. Зернотерки очень крупных размеров. Сердоликовые бипирамидальные, крупные пастовые, мелкие стеклянные и квадратные пиритовые бусы. Перстни с овальным или круглым глазком, кангюйские монеты с надписью, имитирующей надпись монет Эвкратида. Овальные печати, двусторонние и скарабеоиды, с изображениями всадников, грифонов, гиппокампов, птиц. Характерные памятники — Джанбас-кала, Кой-Крылган-кала, Малый Кырк-кыз, Кюнерли-кала, Ак-тепе и др.

Материал таблицы: план городища М. Кырк-кыз (рис. 14), городища Кой-крылган-кала (рис. 15); реконструкция Джанбас-кала, фасад и план стены Дж.-к. (рис. 16). Керамика из Джанбас-кала, Кой-крылган-кала, верхнего слоя Базар-кала (чернолаковый водоносный кувшин в середине внизу из античного поселения близ замка Беркут-кала № 13). Справа от керамики, сверху вниз: стрелы из Джанбас-кала, пряслицы — оттуда же; бусы, перстни, части поясного набора, подвеска в виде руки — оттуда же. Гончарные рельефы и статуэтки — оттуда же; налеп на ручку сосуда в виде головы льва — оттуда же; ручка сосуда в виде какого-то хищного млекопитающего — античное поселение близ замка Беркут-кала № 13. Монеты «неизвестного царя» из Топрак-кала.

Кушанская культура.— Римское время. II—III вв. н. э. Продолжение расцвета античного Хорезма. Переход от укрепленных общинных поселений и отдельно стоящих родовых домов — массивов к деревням, не имеющим внешних стен и состоящим из отдельных большесемейных усадеб. Резкое выделение усадеб аристократии. Сохранение в городах больших общинных домов-кварталов. Цитадель — замок правителя. Иногда, на более ранних памятниках (Гяур-кала на Чермен-Ябе, кушанская цитадель Базар-калы) — refugium и место культа. Керамика с красным ангобом и лаком и с белым ангобом. Черной керамики нет, раскрашенная исчезает почти совершенно. Появление фрагментов керамики светло-зеленого полива. Хумы с низким и прямым венчиком, без шейки. Чаши без поддона. Вьючные фляги с плоским боком. Светлая тонкостенная керамика, сделанная без круга, наряду с более грубой. Дисковидные, грубого теста крышки от котлов (очагов?) с ямочным орнаментом по краю. Бронзовые трехгранные стрелы небольших размеров, со скрытой втулкой. Зернотерки. Появление первых ручных жерновов. Бусы и перстни того же типа, что и в кангюйское время. Характерный памятник — Аяз-кала № 3, средний слой Топрак-кала.

Материал таблицы: план Аяз-кала № 3 (рис. 10); реконструкция замка Джильдык-кала (рис. 11); крестьянская усадьба № 1 близ Аяз-кала № 3 (рис. 12); реконструкция Топрак-кала и деталь оформления угловой башни городской стены в Топрак-кала (рис. 13); керамика — из Аяз-кала; оттуда же — наконечники стрел, пряслицы, зернотерки, перстни, бусы, вотивные подвески, костяные стили; миниатюрный мужской торс из зеленоватой пасты — Базар-кала, статуэтки и фрагмент ступы — верхний слой Джанбас-кала. Монеты: внизу — позднекушанская монета с хорезмийской надчеканкой в виде S-Аяз-кала; вверху — монета «Вазамара» — Гос. Эрмитаж.

В. Афригидская культура

Кушанско-афригидская культура III—V вв. н. э. Упадок античной культуры Хорезма. Города сохраняют прежний тип, но к концу периода многие из них пустеют. Переход к расселению замкового типа. Замки с внешними пахсовыми стенами, с кирпичными донжонами в центре, или цитаделями с внутренним двором. Квадратно-концентрический план и террасообразное расположение (внутренние дворы повышаются по сравнению с внешними). В керамике постепенный переход от античных к афригидским формам. Упадок ремесленного (городского) керамического производства. Из специфических форм характерны хумы с прямым высоким горлом, сменяющиеся затем хумами с венчиком, опоясанным двумя сильно выступающими рубцами. Крупные, грубые сосуды и блюда с лепным орнаментом по краю. Двурогие подставки под котлы. Близкие к афригидским кувшины с неорнаментированной, резко сужающейся книзу ручкой.

К концу периода античные формы исчезают совершенно. Ранне-афригидские монеты (группа А). Характерные памятники — Топрак-кала, Якке-Парсан, Малая Кават-кала.

Материал таблицы: Реконструкция Якке-парсан (рис. 8); общий вид Малой Кават-калы (рис. 9). Керамика, стрелы, двурогая «подставка под котел», медные украшения — серьги, подвески, браслеты, перстни, части поясного набора из Топрак-кала. Монеты «Африга» (Гос. Эрмитаж).

Афригидская культура V—IX вв. н. э. Зарождение элементов феодальных отношений при господстве патриархальнорабовладельческого строя на стадии разложения. Резкое сокращение числа городов. Зарождение городов нового типа в виде посадов при замках-усадьбах крупных феодалов (Беркут-кала). Рассеянное расселение отдельными укрепленными усадьбами-замками. Донжоны со сводчатым или массивным цоколем, расположенные эксцентрически (на углу или в середине одной из стен). Гофрировка донжонов полуколоннами без бойниц или с ложными бойницами. Купольные перекрытия, образованные напуском кирпича, на трапецевидных парусах. Очень крупные хумы с овальным в сечении венчиком, орнаментированным косыми насечками или пальцевыми вдавлениями. Тонкостенные водоносные кувшины, с треугольным в сечении венчиком и широкой плоской ручкой, орнаментированной полосками или пальцевыми вдавлениями. Разнообразная, сделанная без круга, керамика. Крупные железные черешковые трехгранные наконечники стрел и дротиков. Большие тонкие ручные жернова. Шаровидные сердоликовые бусы. Перстни с круглым глазком. Круглые печати различного размера. Афригидские монеты (группа В).

Характерные памятники-замки Мертвого оазиса Беркут-кала, Тешик-кала (верхний слой).

Материал таблицы: план Кум-Баскан-кала (рис. 5); малый замок № 8 близ Беркут-кала (рис. 6); реконструкция и деталь декорации донжона Тешик-кала (рис. 7). Керамика — Тешик-кала; алебастровый — вверху и глиняный — внизу оссуарии из замка № 36 близ Беркут-кала. Наконечник бронзовой стрелы с такыров Беркут-кала, гребень из Тешик-кала, фрагмент костяного предмета, с гравированным изображением рыбы — замок № 36; пряслицы и фрагмент жернова — Тешик-кала. Перстни, части поясного набора с такыров Беркут-кала; полый цилиндр с кружковым орнаментом, бусы, фриз, оттиски печати с изображением всадника и четверорукого божества, головка статуэтки барана — Тешик-кала; серебряная чаша с изображением всадника (Гос. Эрмитаж); монета Шаушафара (ГИМ).

Средневековая культура

Афригидо-саманидская культура (IX—XI вв.) Формирование феодальных отношений. Замки без донжонов, но с большим центральным зданием. Стены пахсовые. Угловые башни круглые или квадратные. Гофрировка башен полуколоннами переходного от афригидского к хорезмшахскому типу. Керамика — черная и серая с лепным орнаментом, поливная керамика, с раскраской под поливу в теплых красновато-коричневых тонах. Отдельные находки согдийской рельефной керамики саманидского типа.

Характерные памятники — Буран-кала, Наиб-кала, «старый город» Наринджана.

Материал таблицы: Наиб-кала — план и угловая башня (рис. 4). Буран-кала — план и башня (рис. 3); керамика из «старого города» Наринджана, кроме двух поливных чаш из Змухшира (раскопки Воеводского, 1934 г.); медные украшения из Наринджана и Змухшира.

Хорезмшахская культура. XII—XIII вв. Расцвет феодализма. Новое освоение заброшенных ранее земель. Новый подъем городской жизни, ремесел, торговли. Дифференциация феодального замка и неукрепленной крестьянской

усадьбы. Декоративное вырождение частной фортификации при сильном развитии фортификации государственной. Сохранение большесемейного характера крестьянских усадеб. Почти полное господство пахсы в строительном деле. Мелкий квадратный сырец, широкое распространение жженого кирпича. Стрельчатая арка. Каптар-ханы. Гофрировка стен тонкими горельефными полуколоннами со стрельчатыми арками. Подчеркнутая фасадность архитектуры. Развитие портала. В парадных и культовых зданиях декоровка при помощи узорной кирпичной выкладки. Керамика черная с исключительно богатым лепным и резным орнаментом и поливная, где, наряду с подглазурной росписью описанного выше типа появляется люстр и роспись в тонах холодной гаммы.

Характерные памятники — Кават-кала

Материалы таблицы. Мавзолей Текеша в Куня-Ургенче; план Кават-кала (рис. 1); план и фасад (реконструкция) замка № 1, крестьянской усадьбы в Кават-кала; одна из каптар-хана близ Кават-кала (план и общий вид); часть развалин дворца в Джанпык-кала (рис. 2).

Керамика — Кават-кала, кроме двух рисунков в правом углу (случайная находка в Топрак-кала). Жернов — Кават-кала; детали архитектурной декорации — Кават-кала: сверху и слева — резьба по глине; в середине внизу — розетка деревянной резной двери, справа — фрагменты резного штука.

Хорезмийско-джучидская культура. Памятники этого периода экспедицией пока специально не исследовались. Общую характеристику см. в работах А. Ю. Якубовского («Развалины Ургенча», «Происхождение ремесленной промышленности Сарая Берке»). Основные признаки: переход к полихромной изразцовой декорировке парадных и культовых зданий, широкое распространение керамики с бирюзовой, синей, зеленой глазурью.

Характерный памятник — Куня-Ургенч.

С. П. Толстов

ТАЛИ-БАРЗУ КАК ПАМЯТНИК ДОМУСУЛЬМАНСКОГО СОГДА

(Тезисы кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого совета ИИМК 8 сентября 1941 г.)

1. Городище Тали-Барзу является археологическим памятником домусульманского Согда, типичным для восточной части долины Зеравшана.

2. Только этот район мы с уверенностью можем назвать Согдом, так как уже в самых ранних письменных источниках долина Зеравшана делится на две части и, возможно, что в бухарской части долины было другое политическое объединение, названия которого мы не знаем.

3. Памятники ранее середины I тысячелетия до н. э. в долине Согда неизвестны, за исключением палеолита.

4. Письменные источники (Авеста, клинопись Ахеменидов, Геродот) свидетельствуют, что в середине I тысячелетия до н. э. Согд был заселен согдийцами — одним из арийских племен, которое является, повидимому, аборигенным для данного района.

5. Археологическое исследование Согда только еще начинается, так как до наших работ (1936—1940) имели место лишь спорадические раскопки, производившиеся людьми неподготовленными, к тому же почти не оставившими следов в литературе и архивах. Поэтому первым важнейшим этапом являются систематические раскопки для установления исторической стратиграфии: выявление существующих комплексов вещей, выявление их функционального назначения, семантики, техники и т. д.

В результате работ материал позволил составить сводную таблицу и установить примерную хронологию.

Всего на городище Тали-Барзу обнаружено шесть слоев, которые датируются примерно следующим образом:

ТБ 1: VI—V вв. до н. э.
ТБ 2: V—IV » » »
ТБ 3: III—II » » »
ТБ 4: I в. до н. э.—II в. н. э.
ТБ 5: VI—VII вв. н. э.
ТБ 6: начало VIII в. н. э.

6. Материалы из двух нижних слоев (ТБ 1 и 2) находят себе ближайшие параллели и могут быть объяснены только при сравнении с материалами Ахеменидского Ирана и сопредельных стран того же периода. Археологические материалы в сопоставлении с письменными известиями говорят о том, что в ахеменидский период в Согде было известно пашенное земледелие, основанное на искусственном орошении; было известно полеводство и садоводство, развито было скотоводство, железное дело, ткачество, керамическое производство и другие ремесла; архитектура и искусство стояли на высокой ступени развития; существовал обмен. Население жило в укрепленных поселениях, строившихся по определенному плану в виде каре из построек. Родовой строй уже изживал себя, и на первый план выступала сельская община. Выделяется родовая аристократия, появляются города вокруг замков вождей (Мараканда, Кирполь и др.). Религией согдийцев был маздеизм, причем подтверждается, повидимому, мнение тех исследователей (Томашек, Гайгер и др.), которые считают Среднюю Азию родиной маздеизма.

7. В конце IV в. до н. э. Согд был завоеван Александром Македонским и включен в состав его обширного государства. После отделения в 256 г. Греко-Бактрии Согд вошел в состав последней.

Отсутствие письменных известий и малое количество археологических материалов не дают возможности осветить этот период в жизни Согда сколько-нибудь полно.

Греки построили в Согде несколько городов, через которые и проникало их влияние на местную культуру. Однако на архитектуре Согда их влияние не сказывалось. Ирригационная сеть и основанное на ней сельское хозяйство, повидимому, продолжали развиваться. Сильное влияние оказали греки на искусство Согда, о чем мы можем судить по статуэткам, изображающим греческие и селевкидские божества, пришедшие на смену старым арийским персонажам. Однако на первых порах замечается слияние местных и греческих черт, причем греческое влияние вначале (II в.) сказалось лишь на материалах из центрального пункта Согда — Мараканды (современный Афросиаб) и лишь затем проникает и в районные центры, каковым в этот период является Тали-Барзу, где третий по счёту слой (ТБ 3) дает материал с явно греческим влиянием.

Ввиду того, что статуэтки, изображающие божества, характеризуют культ, можно говорить о том, что известная часть населения сменила маздеизм на религию греков. Однако основная масса населения продолжала исповедывать маздеизм, но включила в свой пантеон греческие божества и между ними самого обожествленного Александра.

Включение Согда в состав эллинистических государств ввело его в круг средиземноморской культуры и сделало одной из провинций греческого рабовладельческого мира.

8. Падение Греко-Бактрийского царства под напором кочевников во II в. до н. э. вызвало распадение Согда на несколько владений,

находившихся в зависимости от юе-чжей-кушан. К этому периоду (I в. до н. э.— II в. н. э.) относится четвертый слой Тали-Барзу, материалы из которого показывают значительное огрубение эллинистических форм; появляются новые архитектурные приемы. Старые родовые поселения в виде каре изживают себя, и постройки внутри укрепления располагаются без определенной системы.

Археологические и письменные источники показывают, что в Согде в этот период получают большое развитие ирригация, международная торговля, письменность, торевтика. Среди верхов общества получает распространение буддизм.

9. Наиболее темный период в истории Средней Азии III—IV вв. н. э. не освещен и материалами городища Тали-Барзу, так как в этот период замок лежит в развалинах, повидимому, в связи с возвышением другого политического центра.

10. В IV в. н. э. жизнь на данном месте возникает снова. Здесь был расположен центр домусульманского Согда — Ривдад, местопребывание согдийских ихшидов. Вся площадь городища спланирована, и здесь был воздвигнут мощный глинобитный замок с цитаделью в центре.

Материалы из пятого слоя относятся к VI—VII вв. н. э.— периоду, когда Согд был подчинен тюркам, а затем китайцам. В этот период Согд был раздроблен на целый ряд уделов с князьями во главе, ведущими свой род от общего предка. Все князья уделов подчинялись самаркандскому князю, который в свою очередь находился в вассальной зависимости от тюркского хакана. Тали-Барзу-Ривдад был резиденцией самостоятельного княжества маймург, а затем подчинился Самарканду и стал владением наследника самаркандского престола.

Материалы, характерные для слоя ТБ 5, имеют широкое распространение в долине Зеравшана и находятся на целом ряде городищ. Археологические материалы в сочетании с данными письменных источников рисуют Согд этого периода, как высококультурную страну. Большое развитие ирригации (арабы застали уже готовой всю ту ирригационную сеть, которую через 1200 лет застали русские), цветущее садоводство, значительное развитие ремесел и искусств, письменность, оживленная местная и международная торговая деятельность, развитие городской жизни — все это в сочетании с наличием крупного землевладения с использованием полусвободной сельской общины кедиверов указывает на то, что общество переживало начальную стадию феодализма. Замок Тали-Барзу-Ривдад, а также ряд других синхронных слою ТБ 5 замков (Кефир-кала, Чалек, Пенджикент) представляют собою замки крупных феодалов. Около этих замков располагались жилища-хоромы дружинников, купцов и ремесленников. Здесь же располагались ярмарки.

В этот период в Согде были распространены различные культы, но буддизм уже умирал, преобладающее значение получил маздеизм. Последний впитывал в себя черты различных культов, что отражается и на материалах из слоя ТБ 5. По этим же материалам мы можем судить об одежде, вооружении и этническом типе населения Согда в данный период. Последнее является уже в значительной мере смешанным с пришлыми тюрками.

Искусство в Согде стояло на очень высокой ступени развития, в особенности торевтика, причем изделия из серебра служили предметом массового вывоза не только в сопредельные страны, но даже на Урал, где находятся вещи несомненно согдийского происхождения.

11. Арабское завоевание (первая половина VIII в.) нанесло сокрушительный удар согдийской культуре. В огне пожаров погибли замки Тали-Барзу, Кефир-кала, Пенджикент, Чилек. Но в то же время, включив Согд в число областей, подчиненных халифату, арабское завоевание способствовало распространению нивеллирующей «мусульманской» культуры, росту городов и торговли.

Слой ТБ 6, относящийся к данному периоду, не дает сколько-нибудь полной картины, так как он больше всего пострадал от деятельности кирпичного завода и окрестного населения и имеет значение лишь для установления факта гибели замка около середины VIII в., выяснения комплекса вещей и некоторых архитектурных деталей, характерных для данного периода.

12. Результаты исследования городища Тали-Барзу: 1) найдено значительное количество материалов, до настоящего времени неизвестных в науке; 2) установлена относительная хронология различных комплексов вещей, которые становятся руководящими при исследовании всех остальных городищ Согда; 3) материалы Тали-Барзу в той или иной мере освещают жизнь Согда и в особенности его культуры на протяжении почти полуторы тысячи лет: в сочетании с письменными источниками они в известной степени освещают и политическую историю страны; 4) особенно важно их значение для истории искусства Согда и некоторых религий.

Г. В. Григорьев

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ ПРИОБЬЯ ОТ ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО X В. Н. Э.

(Тезисы кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого совета исторического факультета МГУ 27 мая 1942 г.)

Представленная работа является первой попыткой обобщить все имеющиеся материалы по истории племен, населявших и населяющих Среднее и Нижнее Приобье. Материалы эти еще настолько бедны, что позволяют пока лишь наметить основные этапы истории Приобья.

1. Территория Среднего и Нижнего Приобья расположена частью в полосе тайги, частью в зоне тундры. Такое различие в естественно-географических условиях на севере и на юге этой области способствовало развитию и отличных друг от друга форм материальной культуры у обитавших здесь племен.

2. Наиболее ранние из известных нам памятников таежной полосы относятся к позднему неолиту и энеолиту. Они свидетельствуют, что основными занятиями населения были охота и рыболовство. Обнаружены остатки поселений, расположенных чаще всего на песчаных участках первой надпойменной террасы. По содержащемуся в землянках инвентарю эти поселения с известной осторожностью можно отнести к I тысячелетию до н. э. Дальнейшие работы, надо полагать, позволят уточнить эту датировку и определить хронологические рамки данной культуры.

3. Об уровне общественного развития обитателей поздне-неолитических стоянок Приобья можно судить по огромным землянкам (до 600 кв. м), которые при низком уровне развития тогдашней техники могли быть построены лишь силами коллектива; очевидно их сле-

дует считать общинными жилищами, характерными для материнского рода.

4. В памятниках I тысячелетия до н. э. мы находим в общих чертах ту же культуру, но уже с более развитой техникой. Каменные орудия встречаются реже. В то же время глиняные сосуды становятся разнообразнее как по форме, так и по орнаменту. Появляются плоскодонные горшки, неглубокие миски. Орнамент становится богаче, и кроме простого гребенчатого применяются иные виды штампа. Жилищем, по крайней мере зимним, остается землянка, но размеры ее заметно сокращаются и уже не превышают 300 кв. м. Сокращение домовой общины, являющейся, надо думать, основной хозяйственной единицей, идет параллельно с развитием техники, позволявшей выполнять теперь те же процессы при меньшем количестве рук.

5. Иные формы имела древняя культура северной части территории Приобья. Последняя стала известна лишь недавно. В 1929 г. нам удалось обнаружить на полуострове Ямале остатки поселений приморских охотников-зверобоев [1]. Правда, ямальские памятники относятся к сравнительно позднему времени, но генетически они, несомненно, связаны с более отдаленным прошлым, почему и заслуживают особого внимания.

Поселения на мысе Тиутей-Сале не единичны. По сведениям, которыми мы располагаем, аналогичные, повидимому, памятники встречаются и в других пунктах побережья полуостровов Ямала и Явая, на острове Белом, на Востоке — вплоть до устья Хатанги, а на Запад — по всему побережью Большеземельской и Малоземельской тундры до Канина Носа. Эта своеобразная приморская культура выросла, очевидно, из так называемого «арктического неолита», памятники которого, относящиеся к середине I тысячелетия до н. э., обнаружены на Печоре, в устье Индиги (Чешская губа) и на Оленьем острове близ Мурманского побережья. Встречаемые в обеих культурах гарпуны для охоты на морского зверя имеют одинаковую форму. Гарпуны эти выполнены из кости с одним или двумя симметрично расположенными шипами, с вкладными лезвиями. В отличие от беринговоморских, западные гарпуны обычно имели не втулку, а насед, входивший в костяную трубку на ратовище.

6. Для западной приморско-арктической культуры, как и для восточной, характерны были: развитый морской зверобойный промысел (особенно на моржа), оседлые поселения в землянках, расположенные у самого берега моря, чаще всего на мысах и устьях рек, изобилие костных изделий и глиняная посуда, употребление кожаного каяка, типа эскимосского, применение в охоте на морского зверя костяного гарпуна, местами применение костей кита в строительном деле.

7. Об этнической принадлежности населения Среднего и Нижнего Приобья эпохи позднего неолита можно сказать пока очень мало. Данные антропологических исследований указывают, с одной стороны, на наличие монголоидных черт, являющихся, очевидно, древними для данной территории, а с другой стороны, на то, что значительного отличия между северными и южными группами населения по всей вероятности не было. Как для тех, так и для других прослеживаются древние связи с востоком Сибири. По Г Прокофьеву, основывающемуся на данных языка, племена арктического побережья были в некоторых отношениях близки палеоазиатам северо-востока Сибири. Монголоидные черты имеет также и череп из погребения под полом землянки на мысу Хаэн-Сале

[1] В. Чернецов. Древняя приморская культура на п-ве Ямале. Сов. этнография, 1935, № 4—5.

на берегу пролива Малыгина. В таежной полосе связь аборигенов Приобья с Востоком четко прослеживается на основании формы каменных топоров — так называемых «топоров с ушками», считавшихся ранее присущими лишь Восточной Сибири.

8. Во второй половине I тысячелетия до н. э. в культуре племен, обитавших на территории Северо-Западной Сибири, начали появляться элементы до той поры там неизвестные, но хорошо знакомые нам в более южных степных культурах. Вначале они были немногочисленны и лишь к началу нашей эры приобретают более отчетливые черты.

Наиболее ранними следами таких связей являются бронзовые котлы, встречающиеся в лесной части Оби и Иртыша. Некоторые из них, например найденный на горе Куйлайке Нарымского округа, должны быть отнесены к минусинскому курганному этапу. Серединой и второй половиной I тысячелетия до н. э. датируются кельт и миниатюрный вотивный клевец, найденный при устье р. Полуя, а также секира и клевец из Березовского района. К началу нашей эры на территории Приобья кроме импорта вещей началось и местное производство предметов, близких к степным того времени. Выразительным свидетельством этого служит появление глиняных сосудов, копирующих скифские котлы и почти целиком вытеснивших ранее существовавшие типы керамики. Такие сосуды были распространены по всей территории Остяко-Вогульского округа.

9. Большой интерес для понимания событий начала нашей эры в Приобье представляет недавно открытый памятник в устье Полуя. Место это, благодаря исключительно удобному положению на высоком песчаном берегу при впадении Полуя в Обь, невдалеке от Обской губы, на границе леса и тундры, было обитаемо и раньше, задолго до нашей эры. Не было оставлено оно и в дальнейшем. В продолжение почти целого тысячелетия устье Полуя являлось то местом поселения — в ананьино-пьяноборское время, то пунктом для жертвоприношений (IV—XV в. н. э.), а иногда и тем и другим. Существовало там когда-то и городище, от которого сохранились следы вала и рва.

10. В фольклоре остяков и вогулов встречается этноним сёпыр-сипыр-тяпыр, в своих вариантах распространенный также в топонимике, названиях родов и фамилий. Как установлено рядом исследователей, даже не имевших тогда в своем распоряжении современных археологических материалов, этот этноним следует связывать с именем гуннского племени сабиров-себеров или сабир-угров. Второй компонент последнего имени, имеющий параллели среди племенных названий степной полосы, в частности скифского племени иирков, в свою очередь также смыкается с названием обитателей Приобья — югарами. Кроме того, самоназвание остяков «хантэ-хунту» с большой долей вероятия может быть сближено с именем «ханну». Само название «маньси», как известно, совпадает с самоназванием венгров «magyar» по языку близких к хантам (остякам) и маньси (вогулам), для предков которых установлена тесная связь с кочевым населением в начале нашей эры. Следует отметить при этом, что и сохранившаяся в мансейском фольклоре древняя коневодческая терминология, совпадающая с венгерской, указывает на свое происхождение из иранских языков (B. Munkácsi) [1].

Появление в Приобье этого нового этнического элемента и последующее скрещение его с аборигенным населением привело к возникновению современных вогулов и остяков. В основном этот процесс протекал в рамках пьяноборского времени.

---

[1] В. Чернецов. Термины средств передвижения в мансийском языке. Сборник памяти В. Богараза. Изд. АН СССР, 1935.

11. К середине I тысячелетия н. э. этногонические процессы Приобья в основном уже закончились и имели своим следствием возникновение обско-югорских племен, сложившихся в две народности, чрезвычайно близкие между собой по языку и культуре — хантов (остяков) и мансов (вогулов).

В это же время в результате изменений, происшедших в технике (развитие металлургии), расширения межплеменного обмена, а также и непосредственного влияния стадиально более высокого югорского общества на территории Приобья происходит смена матриархального строя патриархальным. Многочисленные укрепленные поселения-городища и находки пластинок от костяных панцырей указывают на то, что военные столкновения в это время становятся более частыми. Вероятно, отражением этой эпохи и являются пляски с мечами во время родовых и племенных обрядов остяков и вогулов, бытовавшие до начала XX в.

12. Развитие обмена способствовало нарастанию новых элементов общественного строя Приобья, во всяком случае в местах, стоявших ближе к торговым путям. Находки на поселениях конца I тысячелетия — «Барсов городок» (Сургутский район) и на месте Искера (близ Тобольска) показывают, что на фоне старых, очень устойчивых культурных традиций появляются новые черты, свидетельствующие о глубоких изменениях в материальной культуре и общественном строе — о развитии скотоводства (по крайней мере в южных частях территории), обработке железа, о торговых сношениях и появлении имущественного неравенства.

Правда, в районах более удаленных развитие югорского общества протекало во много раз медленнее. Там еще во II тысячелетии до н. э. существовали большие коллективные дома, свидетельствующие о сохранности первобытно-общинного уклада.

13. Около X в. н. э. в тундрах Северо-Западной Сибири появляются кочевники-оленеводы самодейцы. Продвигаясь с востока и отчасти с юго-востока на запад, самодейцы ассимилировали аборигенов арктики, а отчасти и северные группы югров, восприняв одновременно с этим и элементы их культуры, более приспособленной к местным физико-географическим условиям.

Освоение тундры самодейскими племенами закончилось, вероятно, уже в первые века II тысячелетия, но в наиболее отдаленных местах арктического побережья древняя приморская культура, как сказано выше, продолжала существовать и позднее, вплоть до XVI—XVII вв. В первые же века II тысячелетия северные племена югров заимствовали от ненцев оленеводство.

В. Н. Чернецов

ВЕРХНЕЕ ПРИКАМЬЕ В X—XIV ВВ.

(Тезисы кандидатской диссертации)

1. Раскопки близ деревни Роданово городище в Чермозском районе Молотовской обл., проведенные в 1935—1937 гг., при которых полностью раскрыт культурный комплекс болгарского времени (X—XIV вв.) в Верхнем Прикамье, позволили обобщить и значительно глубже понять весь остальной археологический материал этой эпохи, накопленный за многие годы, но получивший очень слабое освещение в научной литературе. На Родановом городище, где была вскрыта большая площадь

памятников (700 кв. м), удалось собрать значительно более разнообразный материал, многосторонне освещающий быт населения городища и позволяющий приблизиться к пониманию внутренней структуры общества.

2. Раскопками раскрыта часть поселка, причем многочисленные наслоения различных строительных периодов от X до XII—XIII в. и остатки жилищ в каждом из них частично позволяют проследить развитие поселка на протяжении этого отрезка времени. Особенно полно удалось восстановить жилище и планировку поселка в X—XI вв. Установлено, что поселок состоял из жилищ площадью до 60—70 кв. м, тесно лепившихся друг к другу и расположенных правильными рядами. При каждом был двор, отделенный от соседнего изгородью. Внутри дворов сохранились остатки амбарчиков для хранения запасов. Жилище напоминало собой шалаш под двускатной кровлей с очень низким срубом в основании. Вдоль длинных сторон постройки были устроены для спанья нары около 1.5—1.8 м шириной. Проход между нарами занимал открытый очаг, сбитый из глины, и яма-кладовка для запасов. Кровля покоилась на внутренних столбах-опорах. В жилище мог жить большесемейный коллектив численностью до 20—30 человек. Характер планировки показывает, что каждая семья вела изолированное хозяйство, но вместе они составляли тесную общину, объединенную общими задачами по обороне поселка, так как последний был обнесен деревянными и земляными укреплениями.

3. Основой хозяйственной жизни было плужное земледелие, формы которого были близки, повидимому, болгарским, так как типы важнейших сельскохозяйственных орудий заимствованы именно у них. Найдены остатки культурных растений — пшеницы, ржи, ячменя и гороха. Большую роль играло также скотоводство. Но и охота, особенно пушная, а также рыболовство занимали не малое место в хозяйственной жизни.

4. В поселке были свои ремесленники — кузнецы, литейщики и др., но многие производства оставались еще на стадии домашнего ремесла (например, керамическое производство). Наряду с предметами, изготовлявшимися местными ремесленниками, среди населения в большом количестве распространялись предметы болгарского производства и через болгар же — изделия более далеких (арабских, хорезмийских, византийских и русских) средневековых центров. Эти предметы выменивались на местные изделия камского населения, главным образом пушнину.

5. По знакам собственности (тамгам) на многих вещах ясно устанавливается, что на городищах жили семьи, принадлежащие по меньшей мере к пяти родам. Следовательно, община в целом не являлась родовой, а соседской. Отдельные семьи, входящие в тот или иной род, были разбросаны по многочисленным поселкам, далеко отстоящим друг от друга. Например, по тем же тамгам установлено, что родственники некоторых родановских семей жили на Кудымкарском городище (на р. Иньве и на Вакинском селище на р. Исыле).

Как результат парцеллированного хозяйства, появилось довольно значительное социальное неравенство, свидетельством которого являются большие клады болгарских ювелирных изделий, найденные во многих местах Верхнего Прикамья и во множестве распространившиеся в это время замки также болгарского производства. Но все же говорить о возникновении в это время классового общества еще нет никаких оснований. Очевидно, общество в целом объединялось общеплеменной организацией; картографирование всех известных в Прикамье

памятников родановского типа ясно выявило консолидацию всего населения в Верхнем Прикамье на территориях, отдаленных от соседей обширными таежными незаселенными пространствами.

6. В конце XIV в., когда население Верхней Камы жило еще в значительной мере на тех же самых городищах родановского типа, русский источник (Житие Стефана Пермского) называет это население Пермью Великой, т. е. одноименно с вычегодской Пермью, которая бесспорно связывается с предками коми-зырян. Одновременно и независимо от Перми Великой в том же источнике упоминаются и вогуличи. Территория Перми Великой, раскрывающаяся в более поздних источниках, в своих границах близко совпадает с племенными землями болгарского времени. Близки к ним также границы расселения коми-пермяков — вплоть до того, что внутренняя группировка памятников болгарского времени почти совпадает с границами диалектов, на которые распадается коми-пермяцкое население Прикамья. Эти и другие данные позволяют с уверенностью связывать описанные в работе памятники Верхней Камы с предками коми-пермяков.

7. Русские источники до конца XIV в., повидимому, ничего не знают о населении Верхней Камы. Археологический материал, свидетельствующий об очень тесных связях с болгарами, заставил обратиться к арабским описаниям Болгарского государства. По целому ряду данных в работе установлено, что сообщение о народе Вису неверно связывали с летописной весью на Белом озере. Под именем Вису болгары знали предков коми-пермяков, живших в Верхнем Прикамье. Привлеченные сведения о народе Вису позволили внести некоторые интересные детали в освещение археологического материала.

М. В. Талицкий

ВОЛЖСКИЕ БУЛГАРЫ

(Тезисы докторской диссертации, защищенной на заседании Ученого совета исторического факультета МГУ 5 января 1944 г.)

1. Государство волжских булгар сложилось в результате процесса классообразования у кочевых и оседлых племен Среднего Прикамья. Приход сармато-аланских племен булгар в VI в. не внес ничего принципиально нового в жизнь племен Прикамья, лишь ускорив процесс сложения государства. Этот приход хорошо документируется археологически. В памятниках культуры булгар — керамике, украшениях и некоторых бытовых вещах — заметны черты более древние — сарматские и более поздние, сходные с памятниками аланской культуры Северного Кавказа. Это сходство прослеживается и в обряде погребения, как его описывает Ибн-Фадлан.

2. Государство булгар было многоплеменным и включало в свой состав чудские, сармато-аланские, тюркские и славянские (антские) племена. Памятником последних является курган с трупосожжением близ Балымр, известный под именем Шолома.

3. До половины X в. булгары находились в зависимости от хазарского кагана. Их самостоятельная история начинается со второй половины X в., когда они воспользовались поражением хазар князем Святославом и, опираясь на поддержку арабского халифата, сбросили хазарское иго. С X в. булгары захватили всю торговлю с Востоком в свои руки. Город Булгар стал международной ярмаркой, куда сходились

купцы из далекого Китая, Ирана, Закавказья, Византии, русских княжеств и Запада, а также представители чудских племен.

История булгар XI—XII вв. наполнена войнами с русскими князьями. Стремясь разрушить торговую гегемонию булгар, русские князья нанесли им ряд ударов и уничтожили город Ошель — центр племени Эсегея.

Со второй четверти XIII в. начался тяжелый период в жизни государств. После разведки 1223—1229 гг. монголы начали в 1232 г. покорение Поволжья. После четырехлетнего сопротивления, в 1236 г., булгары были завоеваны.

К концу XIII в. оправившаяся Булгария распалась на два княжества — Булгарское и Жукотинское, подчиненные непосредственно Золотой Орде. Окончательное падение Булгарии относится к 30-м годам XV в.

4. Изучение военной культуры булгар показывает, что они стояли на уровне других европейских государств, но их военная тактика напоминает приемы войны, свойственные кочевникам-сарматам. Являясь первоклассными мастерами крепостного зодчества, булгары в ряде случаев показали себя слабыми защитниками своих городов.

5. Для защиты центральной территории царства ими был создан ряд укрепленных рубежей. Первый — между современным Куйбышевым-Татарским и Бураковым и второй — у Ново-Шешминска. Последний датируется эпохой монгольского нашествия и был создан против татар.

6. Широкий размах торговли послужил причиной роста городского ремесла. Булгары в короткий срок достигли высокой степени развития производства в ряде ремесел. Археологический материал позволяет заключить, что в городах работали кричники, черные кузнецы, оружейники, литейщики, ювелиры, гончары, строители и резчики по кости. В области некоторых из этих производств можно говорить о существовании ремесленных организаций еще в домонгольскую эпоху.

7. В сложении булгарской культуры огромную роль сыграли русские. Их влияние прослеживается в области ювелирного дела и замечается в ряде памятников прикладного искусства.

8. Недостаточные раскопки булгарских городов не позволяют изучить их историческую топографию. Некоторое исключение составляют Булгар, Биляр и Сувар. Два последних города относятся в основном к домонгольскому периоду; в XIII—XIV вв. они являлись небольшими провинциальными городами. Город Великие Болгары возник в X в., в 6 км от Волги. Первоначально небольшой, он в XIII—XIV вв. занял большую площадь, ограниченную в настоящее время валами.

Булгарские города, подобно другим городам средневековой Европы, носили ремесленный и сельскохозяйственный характер. Подсобным занятием жителей являлось скотоводство и полеводство: они сеяли пшеницу, рожь, ячмень, просо и горох.

9. Архитектура волжских булгар сложилась под влиянием Хорезмийской и Сельджукской школ и носит черты, свидетельствующие о традиции античной культуры. В некоторых деталях их орнаментации сказалось ее местное своеобразие.

А. П. Смирнов

АРХИТЕКТУРА СРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНЕСА

(Тезисы кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого совета ИИМК 4 октября 1941 г.)

1. Архитектура средневекового Херсонеса слабо изучена, что прежде всего объясняется крайне плохой сохранностью памятников.

2. а) Вплоть до начала XIII в. Херсонес являлся политическим и экономическим центром средневекового Крыма, будучи вместе с тем византийским форпостом в Северном Причерноморье. На V—VII вв. падает расцвет Херсонеса, период его интенсивного строительства, размах которого в последующее время резко сокращается.

б) В общественной архитектуре ранне-средневекового Херсонеса господствующей формой является базилика, что наблюдается в это время на всем греческом Востоке, в противоположность византийской столице Константинополю.

3. Анализ известных пока 10 херсонесских базилик (их композиции, техники, археологических материалов, а также декоративных мраморов) показывает, что все они построены в пределах V — начала VII вв., причем большинство их относится к VI в.

4. Изучение найденных в Херсонесе ранне-средневековых мраморов (капители, колонны, базы и пр.), относящихся к V в. и особенно к VI в. (не позже), дает основание предполагать, что часть херсонесских базилик имела верхний этаж — хоры.

5. Базилики и связанные с ними комплексы расположены преимущественно на берегу и притом, как правило, тесно связаны с планировкой города, будучи топографически выделены, чем подчеркивалось центральное значение этих комплексов для отдельных районов города.

6. а) Архитектурные формы ранне-средневековых базилик Херсонеса имеют в основе малоазийский источник — архитектуру тех прибрежных областей Малой Азии, с которыми Херсонес в первую очередь был постоянно и повседневно экономически и культурно связан (Ликия, Киликия, Памфилия, большие эллинистические города — Пергам, Милет и др.). К тому же выводу приводит и изучение крестообразных мавзолеев Херсонеса и триконхиальной в плане крещальни близ Уваровской базилики.

б) Вместе с тем все эти херсонесские здания построены в технике чередования кирпича и камня, чуждой ранне-средневековой архитектуре Малой Азии, но обычной для византийской столичной архитектуры и ее периферии.

в) Наличие в Херсонесе этой техники, унаследованной здесь еще от римского времени, доказывает, что строителями херсонесских базилик были местные артели.

7. Среди базилик Херсонеса выделяются две — «базилика Крузе» и базилика к северо-востоку от крещальни; триконхиальность композиции их апсидальной части дает возможность хронологически локализовать их в пределах V в. Композиция эта, известная в архитектуре V в. главным образом в Сирии, а также в Месопотамии и Египте, восходит, несомненно, к римскому погребальному склепу и производным формам римского мавзолея и связывается, таким образом, с гробничной архитектурой. Это подчеркивают херсонесские примеры указанной композиции, именно пещерный мавзолей на главной улице и так называемый склеп Тура, оба относящиеся к V в.

Исходя из указанной связи с гробничной архитектурой, триконхиальность в составе композиции базилик (как в Сирии, Месопотамии, так и в Херсонесе) вернее всего объяснить мемориальным характером этих зданий.

8. а) Факт наличия в Херсонесе большого количества базилик, построенных на протяжении короткого периода времени (V — начало VII в.), следует объяснить в связи с тем значением, которое имел Херсонес в качестве византийского форпоста в Северном Причерноморье для удержания политического господства империи над варварским населением Крыма (варварский элемент количественно господствовал, несомненно, и в самом городе). Пропаганда христианства была одним из важнейших проявлений этой политики. Многочисленные базилики Херсонеса, построенные не городской общиной, а по заданию византийских правителей, служили именно этой цели.

б) Те же политические причины достаточно объясняют предпринятое византийским правительством в V и VI вв. строительство базилик в наиболее значительных варварских поселениях юго-западного Крыма, южного берега, а также на Боспоре (важнейшие из них были превращены в византийские крепости). Таковы базилики Мангупа (древнего Дороса), Эски-Кермена, первоначальная базилика Партенита и Тиритаки.

в) Названные базилики по своим формам и технике всецело примыкают к базиликам Херсонеса и являются, скорее всего, произведениями херсонесских строительных артелей, что еще раз подчеркивает значение Херсонеса, как культурного центра ранне-средневекового Крыма.

9. В следующий исторический период жизни Херсонеса, в VII—IX вв., монументальное строительство резко сокращается, что находит себе объяснение в том социально-экономическом кризисе, который переживала в этот период Византия и внешним проявлением которого явилось иконоборчество. Кризис этот непосредственно отразился и в Крыму.

Перелом наступает и в архитектурном развитии: большая базилика, доступная *всем,* отживает свой век; господствующей формой в культовой архитектуре становится сравнительно небольшое по размерам здание, доступное лишь ограниченному кругу лиц, объединенных социально. Архитектура VI—IX вв., представленная прежде всего монастырями, усваивает простой тип крестовокупольного здания с 4 свободно стоящими столбами, который становится господствующим сначала в Малой Азии, а затем в Греции и Болгарии. Представителем этого нового направления греко-восточной архитектуры в Херсонесе является церковь (№ 29) на акрополе, воспроизводящая древнейший вариант этого типа в виде вписанного креста.

10. Активизация Византии в Крыму и усиление византийского влияния в Херсонесе, падающее на X в.— период его экономического и политического оживления, получили отражение и в архитектуре: на малоазийскую основу композиции вписанного креста наслаиваются черты столичного константинопольского зодчества («пятиапсидный» храм в западной части городища середины X в.).

11. а) В последующий период, в XI—XII вв., Херсонес, политически и экономически оторванный от Византии, следует в основном греко-восточной архитектуре: малоазийский тип простого крестовокупольного здания с 4 свободно стоящими столбами полностью исчерпывает формы культового зодчества поздне-средневекового Херсонеса (здания № 34 и 9, X—XI вв.; здания № 21 и 6, XII—XIII вв.).

б) Вместе с тем отдельные черты столичной архитектурной школы просачиваются в Херсонес и в поздне-средневековый период (глубокое расчленение фасадов в церкви № 21, не характерное для греко-восточного зодчества).

в) Перечисленные здания воспроизводят типично малоазийскую

строительную технику: они сложены из бутового камня с облицовкой из гладко тесаных плит. Эта техника XIII—XIV вв. становится в Крыму господствующей, причем наиболее ранние образцы ее дают памятники Херсонеса и его ближайшей периферии (церковь в с. Лака), что выдвигает Херсонес в качестве рассадника малоазийских строительных традиций в поздне-средневековом Крыму.

12. Подцерковье трех поздне-средневековых храмов (№№ 9, 34 и 6) следует рассматривать, как феодальные по своей природе усыпальницы, связанные обычно с личностью отдельных феодалов, строивших их для себя и своей семьи; подобные двухэтажные церкви-гробницы известны в Армении и Болгарии. Возможно, что эти миниатюрные церкви и сами являлись частной собственностью.

13. Архитектура поздне-средневековой жилой усадьбы характеризует иную социальную среду — среду ремесленно-торговую по преимуществу. Усадьба состоит, как правило, из трех или четырех помещений, частью двухэтажных, из них одного или двух жилых, кладовки, занимавшей нижний этаж, и большого двора. Второй этаж часто был деревянным.

Общий вид усадеб следует представлять себе в виде небольших асимметричных комплексов помещений разной высоты (одноэтажных и двухэтажных), лепящихся одно к другому с обычной в таких случаях односкатной крышей. Усадьбы ориентированы вглубь квартала и выходят большею частью на внутреннюю площадь, соединенную с улицами проулками.

Каждый квартал имел маленькую приходскую церковь типа часовни, расположенную на видном месте.

14. Следуя в основном греко-восточной, малоазийской по преимуществу, архитектурной системе, средневековый Херсонес впитал в себя и некоторые черты византийской (константинопольской) архитектуры. Но это не было простым механическим соединением разнородных элементов. Зодчество Херсонеса замечательно именно тем синтезом, в котором воплотились его реальные исторические связи с близкой ему культурой греческого Востока и культурой его политической владычицы — Византии. Синтез этот, созданный здесь местными строителями, придал своеобразный облик всей средневековой архитектуре Херсонеса.

А. Л. Якобсон

РЕМЕСЛО ДРЕВНЕЙ РУСИ

(Тезисы докторской диссертации, защищенной на заседании Ученого совета исторического факультета МГУ 5 июля 1942 г.)

1. Недостаточная изученность истории русской промышленности неоднократно отрицательно сказывалась на общих исторических построениях.

Накопленный в настоящее время новый материал позволяет заново пересмотреть вопросы, связанные с ремеслом, и уяснить его роль в русском историческом процессе. Этот пересмотр возможен при условии комплексного привлечения всех доступных источников как письменных, так и вещественных, а также данных этнографии и истории техники.

2. Выделение специалистов-ремесленников ранее всего произошло в Среднем Приднепровье, что обусловлено было важной исторической ролью этого района для восточно-славянских племен, подготовленной

всем предшествующим развитием как в скифский, так и в римско-сарматский период.

3. Попытки фашистских фальсификаторов науки объявить культуру Киевской Руси созданием «германского гения» (сначала в лице готов, а позднее в лице варягов) опровергаются многочисленным фактическим материалом.

Решение вопроса о происхождении русского ремесла связано с пересмотром «готской проблемы», являющейся одной из основ немецкой националистической концепции. Относимые обычно к готам предметы с выемчатой эмалью правильнее связывать с приднепровскими славянскими племенами III—IV вв. н. э., находившимися под воздействием римской культуры.

В римский период на Среднем Днепре выделились ремесленники следующих специальностей: эмальеры и гончары, а также кузнецы.

Падение римской культуры повлекло за собой исчезновение эмалевого и гончарного ремесла у славян.

4. Новый расцвет ремесла в Среднем Приднепровье начался одновременно с походами антов на Византию в VI в. К VIII в. и на юге и на севере возник ряд ремесленных поселков, представлявших собой зародыши будущих городов.

Большое влияние на судьбу восточнославянского ремесла в VI—VIII вв. оказывали внутренние социальные сдвиги и усиления культурных взаимосвязей с Востоком. В свою очередь развитие ремесла подготавливало хозяйственный фундамент для создания феодальных отношений.

5. В IX—X вв. в русских городах выделились ремесленники: кузнецы, оружейники, бронники, ювелиры, гончары, литейщики, резчики кости; к концу периода появляются эмальеры и стеклоделы. Техническое оборудование мастерских было довольно сложно.

Продукция русских мастеров X в. вывозилась в западнославянские земли и оказала влияние на ремесло Чехии, северной Польши и балтийских славян.

6. Деревенское ремесло X — начала XIII вв. знало кузнецов, ювелиров и гончаров. Анализ гончарных клейм позволяет установить переход ремесла по наследству. Технические приемы деревенских ремесленников значительно проще, чем городских.

Вотчинное ремесло в качестве особой категории определяется как топографией мастерских, расположенных близ княжеских дворцов, так и наличием княжеских знаков на инструментах ремесленников. Наряду с княжескими и боярскими существовали также монастырские ремесленники. Около середины XII в. вотчинные мастера переходят к работе на рынок, и первоначальная замкнутость феодальной вотчины нарушается.

7. Ремесленники составляли основную массу населения городов. Городские ремесленники XI—XIII вв. знали большое количество разнообразных технических приемов и располагали сложным оборудованием.

По некоторым видам производства (эмаль, декоративная строительная керамика, золотое письмо по меди) русские мастера опередили ремесленников Западной Европы, где подобные производства в то время еще не были известны. Наибольшего расцвета техника городского ремесла достигает во второй половине XII и начале XIII в. К этому времени в крупных русских городах можно указать свыше 60 различных специальностей.

8. Сбыт ремесленных изделий в деревне осуществлялся в пределах очень ограниченного района радиусом в 10—15 км.

Городские мастера, начиная с середины XI в., приспосабливали свои

орудия производства к массовому выпуску продукции. Район сбыта городских мастеров достигал радиуса в 100—200 км (при условии, что продукция попадала в соседние города).

В XI в. начинается производство городскими мастерами изделий, предназначенных для сбыта в деревню. В таких случаях район сбыта достигает 1 000 км. В XI—XIII вв. в Киеве существовал целый ряд производств, рассчитанных на очень широкий рынок.

Близ Овруча в нескольких деревнях существовало производство шиферных пряслиц, расходившихся по всем русским областям и экспортировавшихся за границу.

Изучение сбыта изделий свидетельствует о том, что наряду с ремесленниками, работавшими на заказ, существовали и товаропроизводители, связанные с рынком, что подтверждает вывод о значительном развитии русского ремесла в XI—XIII вв.

9. Городские ремесленники в XII—XIII вв. подразделялись на мастеров и подмастерий. Возможно, что в Новгороде и Киеве существовал институт шедевров (пробных изделий), обязательных для перехода подмастерья в мастера.

Ремесленники участвовали в городском ополчении. Городские восстания и ереси сближают русский город с западноевропейским: и там и здесь в результате борьбы ремесленникам иногда удается провести своих представителей в управление городом.

Общий характер социального развития русского ремесла XII—XIII вв. близок к современному ему западноевропейскому.

10. Татарское нашествие оказало очень сильное и решающее влияние на русское ремесло, так как большинство крупных городов было разгромлено и ремесленники из них уведены в плен. После татар целый ряд производств совершенно исчез. Некоторые из них возродились спустя 150—200 лет, некоторые же совершенно были уничтожены. Татары задержали развитие русского ремесла как раз в тот момент, когда города Западной Европы начинали быстро и плодотворно развиваться.

11. Развитие русского ремесла после монгольской эпохи распадается на два периода: первый из них (до середины XIV в.) характеризуется медленным восстановлением разрушенного татарами. Второй период начинается со второй половины XIV в. и ознаменован целым рядом крупных технических достижений, явившихся в дальнейшем экономической базой образования русского национального государства, а также появлением сложной социальной организации городского ремесла.

12. Городские ремесленники XIII—XV вв. селились компактными производственными гнездами, иногда совпадавшими с уличанским и сотенным делением города. Кроме улицы и сотни, формой объединения городских ремесленников был торговый ряд, обладавший также собственной юрисдикцией.

13. Городские ремесленники в XIII—XV вв. активно участвовали в классовой борьбе, выступая против центробежных тенденций местного боярства и ориентируясь на московского князя, чем содействовали процессу сложения русского национального государства.

Характерное для средневекового города еретическое движение было хорошо знакомо русским городам XIV—XV вв.

14. Косвенные данные позволяют предполагать наличие в крупнейших русских городах XIV—XV вв. (вроде Новгорода и Пскова) ремесленных корпораций, близких по своему характеру к западноевропейским цехам.

Б. А. Рыбаков

ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОЕ ЗОДЧЕСТВО XI—XIII вв.

(Тезисы докторской диссертации, защищенной на заседании Ученого совета ИИМК 11 июля 1944 г.)

1. Исследования владимиро-суздальского зодчества ограничивались до сих пор лишь сохранившимися на поверхности земли памятниками. В основу настоящей работы положен круг памятников, значительно расширенный в итоге археологических раскопок и привлечения новых источников. Общая периодизация истории владимиро-суздальского зодчества остается прежней, но ее содержание в свете этих новых данных существенно изменяется.

2. Каменное строительство на северо-востоке в конце XI — начале XII в., связанное с именем Мономаха, не начинает истории собственно владимиро-суздальского зодчества; оно было лишь эпизодом в истории киево-византийской строительной и художественной традиции на севере (Суздальский собор), имевшим, однако, важнейшее значение для развития здесь каменной архитектуры.

3. Первую страницу истории владимиро-суздальского зодчества открывает белокаменное строительство Юрия Долгорукого 1152—1157 гг., так же как его политика служит прологом нового политического курса владимирских «самовластцев» — Андрея и Всеволода. Ограниченное по своей задаче обеспечить храмами новые княжеские города, это строительство было осуществлено артелью зодчих, пришедших из Галича; возможно, что это были работавшие там романские мастера. Эти храмы единообразны; их пропорции грузны, массы инертны, декоративная обработка отсутствует, романские детали скупы; архитектура еще не развертывает всех средств художественного выражения.

4. Княжение Андрея — время решающей борьбы за гегемонию владимирских князей в общерусском масштабе и подавления центробежных сил внутри княжества — время попытки создать «союз королевской власти и буржуазии» (Энгельс). Но эта ведущая вперед объединительная работа Андрея рисуется еще как продолжение дела Владимира и Ярослава и воссоздание их державы. Этим определяется и органическое слияние в зодчестве Андрея (1158—1165) старых и новых принципов и его напряженная противоречивость.

5. Наличие в постройках Андрея выразительных деталей и приемов романского происхождения уже давно дало повод говорить о приходе к нему артели западноевропейских зодчих. Обращение Андрея за мастерами на Запад как бы подчеркивает необязательность традиционной духовной гегемонии Византии и утверждает право Руси на самостоятельный путь культурного и художественного развития. Пришлые (возможно, из прирейнской области и средней Германии) мастера оказываются поставленными перед вполне определенной в идейном и бытовом отношении русской строительной программой, подчиняющей целиком их творческую мысль.

6. Наиболее выразителен в этом отношении ансамбль Боголюбовского дворца. При общем сходстве его планировки с аналогичными западноевропейскими ансамблями (Данквардероде и др.) он глубоко своеобразен и самостоятелен; в основе планового решения дворца лежит усложненная и переосмысленная схема русского хоромного комплекса. Боголюбовские лестничные башни восходят одновременно к башням киевской Софии и к теремным вышкам деревянных хором русской знати. Церковное зодчество времени Андрея попрежнему развивает старорусскую типологию крестово-купольного храма. Таким обра-

зом, андреевское строительство глубоко захватывает, осваивает и совершенствует весь предшествующий опыт русской архитектуры.

7. В княжение Андрея зодчество входит в общий поток идейной борьбы и становится одним из сильнейших средств церковно-политической пропаганды. В этом причина его стремительного развития и идейной насыщенности. Внутри старой крестово-купольной системы храма развиваются новые тенденции — стремление придать массам и пространству храма вертикальное движение (Покров на Нерли). Храм теряет изолированность и включается в архитектурный ансамбль и шире — в городской и природный ландшафт. Выразительность архитектурного образа усиливается пластикой, живописью, средствами прикладного искусства.

8. Утвердившаяся в литературе легенда о болгарском камне и болгарских мастерах в строительстве Андрея должна быть оставлена. На андреевском строительстве воспитывались кадры владимирских зодчих, начавших уже в это время свою самостоятельную работу (Золотые ворота, возможно, Покров на Нерли).

9. Всеволод довершает дело Андрея. Общерусский авторитет владимирского князя становится несомненным. Архитектура приобретает спокойные и торжественные пропорции. Ее парадный характер подчеркивается пышной резной декорацией фасадов придворного Дмитриевского собора, которая, однако, не вступает в противоречие с его кристально ясными архитектурными формами. Рядом с этим княжеским — возникает другое течение, связанное с епископскими и монастырскими кругами. Оно характеризуется строгостью и аскетическим ригоризмом. Памятники этого течения почти лишены тератологической пластики (собор Рождественского монастыря, Успенский собор, собор Княгинина монастыря).

10. Зодчество Всеволода — целиком дело русских мастеров. Они исходят из совершенных образцов и богатого художественного опыта андреевского времени и знакомства с зодчеством соседних княжеств; их художественные и технические приемы становятся разнообразнее; развивается разделение строительного труда на ряд профессий; складывается местная школа скульпторов-декораторов, создающая убранство Дмитриевского собора.

11. Феодальное дробление Владимирского княжества после смерти Всеволода ведет к расчленению строительства на два потока: 1) строительство Константина (в Ростове, Ярославле) и 2) строительство Юрия и Святослава (в Нижнем, Суздале, Юрьеве-Польском). Оно осуществляется по меньшей мере двумя корпорациями русских зодчих: первая сближается по своим приемам с архитектурой Рязани и Чернигова, вторая — более органично и последовательно развивает традиции всеволодова зодчества.

12. В зодчестве наследников Всеволода получает широкое распространение композиция храма с притворами и приделами, характеризуемая чертами асимметрии. Декорация фасадов решается как самостоятельная задача, теряя связь с конструктивной логикой здания; появляется главный фасад. Архитектурный образ существенно изменяется: любовь к сказочной орнаментальности и нарядности характеризует интерьер и внешний облик Суздальского собора, сменившего в 1222—1225 гг. строгий храм, созданный Мономахом. Георгиевский собор в Юрьеве-Польском является последней вехой этого пути, обращаясь к зрителю в первую очередь своим резным нарядом, в котором явно звучат народные, фольклорные мотивы (китоврасы, сирины и т. п.), соединенные в единое целое с главенствующими и ясно выделенными

христианскими композициями. Нужно отметить также, что в этих последних памятниках владимиро-суздальского зодчества вырабатывается ряд деталей почти готического характера (профили, «статуарный» характер скульптур пояса в Георгиевском соборе) и ряд приемов, подхваченных позднейшим московским зодчеством.

13. Владимиро-суздальское зодчество, развивавшееся в условиях борьбы владимирских князей с феодальным дроблением и создавшее ряд выдающихся памятников, стало важнейшим источником, питавшим в XIV—XV вв. искусство новых центров объединения — Москвы и Твери. Его традиции впитало и русское национальное зодчество XV—XVI вв.

Н. Н. Воронин

РУССКОЕ ЗОДЧЕСТВО XVI СТОЛЕТИЯ

(Тезисы кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого совета филологического факультета МГУ 6 мая 1943 г.)

1. Основную идею, характеризующую русскую архитектуру XVI в., выражают слова инока Филофея, обращенные к Василию III: «вся христианская царства снидошася в твое едино, убо два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти». Общенациональные, государственные интересы и в области архитектуры поглощали местные, областные. Лаконичные летописные известия о строительстве в XIV—XV вв. сменились подробными описаниями и рассказами о сооружениях Москвы XVI в. Роль зодчего возрастает. Имя его не только упоминают источники, но он выступает с собственными взглядами по поводу того или иного решения (как, например, это было при постройке храма Василия Блаженного).

На основе сложившихся традиционных взглядов особое значение приобретает вопрос о новых архитектурных решениях. Национальный, государственный и религиозный идеал подготовлял и даже требовал нового в зодчестве. Но это новое должно было быть своим, а не чужим, заимствованным. Все иноземное было, казалось, противным древней Руси. На основе такого отношения к действительности свободное формотворчество в архитектуре черпало свое вдохновение в уже сложившихся типах и образцах, изменяя и перерабатывая их в связи с новыми задачами.

Изучение сохранившихся источников и изобразительных материалов позволяет утверждать наличие чертежа в русском зодчестве XVI в. и развитого применения пропорциональных построений, определявших не только художественный образ здания, но и его конструктивную сторону.

Естественно, что в силу сложившихся условий русской государственной жизни особое внимание уделяется зодчим разработке задач внешней архитектуры. Превалирование внешней архитектуры над внутренней отвечало не только задачам меморативного характера, что часто имело место в XVI в., но и подкрепляло религиозные воззрения того времени. Красота причудливо украшенного храма уводила человека в умозрительный мир духовных радостей.

Наряду со значительными зданиями разрабатывается и тип небольшого посадского и усадебного храма, отвечавшего как практическим нуждам прихода и вотчинника, так и интимным религиозным потребностям человека.

2. Огромное значение в развитии всего русского зодчества в целом имело градостроительство. Объединение всех русских земель под главенством Москвы потребовало единой, можно даже сказать «плановой» постройки оборонительных сооружений в городах и монастырях. В конце XV в., повидимому, впервые ставится вопрос «регулярного» градостроительства. Постройка оборонительных сооружений, определявших планировку города, подчиняется геометрическому построению (Ивангород, 1492). В XVI в. подобное построение городов получает не только распространение, но и ряд оригинальных решений. План Тулы сделан на основе древнего пропорционального построения и соотношения стороны квадрата к его диагонали. Во время Грозного на западной границе строится ряд городов (Ситна, Туровля, Красная, Сокол и др.), в основе плана которых лежат различные геометрические фигуры.

В постройке монастырей можно проследить те же тенденции. Соловецкий и Кирилло-Белозерский монастыри спланированы в виде более или менее правильных пятигранников. Изучение архитектурных и композиционных особенностей оборонительных сооружений Симонова и Пафнутьева-Боровского монастырей позволяет высказать предположение о том, что они принадлежат творчеству знаменитого горододельца Федора Коня.

Архитектурно-планировочный центр города и монастыря, состоящий из собора, сторожевой башни-колокольни, примыкающих церквей и зданий княжеского или воеводского и епископского дворов, восходит к более древним прототипам. В XVI в. он мало изменяется. Основное внимание зодчих сосредоточено на его максимальной разработке.

3. Архитектура отдельного здания в начале XVI в. приобретает несколько иной характер. Большое внимание к пропорциям и введение отдельных элементов ордерности (от итальянских построек московского Кремля) определило большую архитектоничность в противовес телесной, органической массивности архитектуры предшествующего времени. Высотная композиция и силуэтность достигают значительной выразительности. К «царской школе» в большинстве случаев относятся монастырские и городские соборы. В селе и посаде разрабатывается тип небольшого храма. Как в тех, так и особенно в последних нарушаются привычные каноны византийской архитектурной традиции. В посадских храмах разрабатывается новая система крещатого свода, дающего единое внутреннее пространство (первый пример — церковь с. Юркина до 1504 г.). Отличие местных архитектурных школ почти исчезает, что можно проследить и в Новгороде.

В ряде монастырских и городских соборов появляются своеобразные завершения, во многом подготовляющие сложные завершения шатровых храмов середины XVI в. (соборы Рождественского и Старицкого монастырей 1501 и 1530 гг. и др.). Значительное влияние оказывает Архангельский собор, порождая целую группу произведений, в которых ярко сказалось воздействие его убранства.

Особое значение приобретают монастырские трапезные — полугражданские сооружения. Отсутствие алтарей у большинства церквей, находящихся при них, и наличие шатрового или купольно-сферического покрытия (Новгород) заставляет видеть в них отзвуки более древних, не дошедших до нас зданий.

4. Особенный интерес вызывают шатровые храмы — наиболее блестящие произведения русской архитектурной мысли XVI в. Проблема возникновения каменного шатра в русских храмах теперь бесспорно решается на основе текста, открытого М. Н. Тихомировым («Князь великий Василий постави церковь камену Вознесения Господа нашего

Иисуса Христа вверх на древяннсе дело в своем селе в Коломенском»). Но изучение фактов литературного и архитектурного порядка заставляет внести в теорию Забелина о происхождении каменного шатра от деревянного существенную поправку: каменный церковный шатер действительно произошел от деревянного, но не от церковного, а от гражданского. Но несмотря на происхождение от дерева, каменный шатер XVI в. по приему его воспроизведения стал принципиально новой формой — каменной, а не деревянной.

Большое градостроительство в первой половине XVI в., глубокая идейность основных сооружений Москвы — таких, как церковь в Коломенском, Дьякове, Василий Блаженный и т. д., объясняет введение в архитектуру храма формы шатра и высотности крепостной башни. Поэтому-то в XVII в., при Никоне, шатер как форма не церковная был запрещен. Получив в XVI в. «освящение» митрополита всея Руси в царской постройке, шатер как в камне, так и в дереве быстро распространился, тем более, что многие предыдущие постройки, как, например, храмы «иже под колоколы» и др., несомненно подготовили появление этой формы.

Храм Василия Блаженного занимает первенствующее положение в русском зодчестве XVI в., соединив в себе многие архитектурные приемы, прослеживаемые, например, в храмах Дьякова и Коломенского. В храме Василия Блаженного эти приемы не только усложнены и развиты, но и приобрели совершенно новое звучание. Это подчеркнуло то бесспорное значение, которое получил храм Василия Блаженного благодаря своему положению в центре каменного города Москвы XVI в. (включая Китай-город).

Композиционное своеобразие архитектурного решения Василия Блаженного таит в себе большой идейный смысл. Оно преследовало задачи градостроительного порядка. Василий Блаженный как бы объединил архитектурно всю тогдашнюю Москву и служил ее новым центром.

В остальных столпообразных шатровых храмах (в Коломенском, Дьякове, соборе в Старице и т. д.) прослеживаются те же черты. В шатровых храмах намечается та ярусность, которая получила дальнейшее развитие в архитектуре XVII в.

5. Необычные формы шатровых многопридельных храмов, получивших распространение в XVI в., оказали влияние и на прочие здания, строившиеся в конце XVI в. В это время общие консервативные политические и религиозные тенденции в сфере архитектурной сказались в возврате к формам начала столетия. Но, несмотря на это, острота силуэта, оригинальность покрытия и композиция храма попрежнему являются характерной чертой русского зодчества.

Тип небольшого храма с многоярусным покрытием кокошниками и с боковыми приделами — так называемый «годуновский» — становится ведущим.

В конце XVI в. появляется двухстолпный тип храма. Рождение этого типа было обусловлено тем практицизмом, который исстари был свойственен русскому человеку. Он не покидал его даже при постройках, далеких от утилитарных жизненных требований. Иконостас, закрывавший два восточных столба, сделал их излишним.

В архитектуре XVI в. значительную роль играет цвет. То немногое, что сохранили нам источники и сами здания, позволяет высоко оценить применение зодчими цвета в архитектуре. Окраска здания в целом, выделение его деталей особым, обычно белым цветом и введение многоцветности в отдельных наиболее важных местах было рассчитано как

на отдаленную, так и на близкую точку зрения. Кроме того, окраска здания производилась с расчетом на природное окружение с целью выделить здание или целый ансамбль на фоне окружающих построек.

Архитектура XVI в. определила основные решения и типы зданий XVII в. Основное же ее значение заключается в том, что в ней соединяются и глубокий лиризм, и величественный эпос, и жизнерадостность, и исключительное ощущение красоты природы. Широкое привлечение народных художественных форм и непосредственность архитектурного чувства позволили русским мастерам создать произведения исключительные по оригинальности и мастерству художественного воплощения. Они полноправно входят в мировую сокровищницу искусства.

М. А. Ильин

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
вып. XIII ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1946 год

IV. 25 ЛЕТ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

(В связи с 25-летием ГАИМК — ИИМК АН СССР)

18 апреля 1944 г. исполнилось 25 лет со дня учреждения Российской (в дальнейшем Государственной) Академии истории материальной культуры (ГАИМК), основанной по инициативе гениального ученого-новатора академика Николая Яковлевича Марра, бессменного председателя Академии вплоть до своей смерти (1934 г.), имя которого с тех пор носит Академия, а затем Институт.

Приводим текст декрета СНК об учреждении Академии, подписанный В. И. Лениным:

Утвержден
в заседании Малого Совнаркома
18 апреля 1919 г.

ДЕКРЕТ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ О РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

1. Для археологического и художественно-исторического научного исследования вещественных, как монументальных, так и бытовых, памятников, предметов искусства и старины и всех вообще материальных культурных ценностей, а также научной охраны всех таких ценностей, находящихся в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, утверждается в Петрограде Академия Истории Материальной Культуры.

2. Государственная Российская Археологическая Комиссия в Петрограде ликвидируется, а ее личный состав полностью входит в учреждаемую Академию Истории Материальной Культуры, в распоряжение которой передается все имущество и учреждения ликвидируемой Комиссии, а также ассигнованные ей по смете Наркомпроса на 1-ю половину 1919 года суммы.

3. При Академии состоят исследовательские и научно-учебные институты, различные научные учреждения и общества, преследующие задачи, упомянутые в п. 1 настоящего декрета, или способствующие их выполнению.

4. Российская Академия Истории Материальной Культуры ведает в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики научной стороной всех археологических раскопок и разведок, право на производство которых выдается Археологическим Отделом Всероссийской Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины на основании заключения Академии.

5. Российская Академия Истории Материальной Культуры, сохраняя тесную органическую связь с Коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного Комиссариата по Просвещению, находится в ведении его Научного Отдела.

6. Академия Истории Материальной Культуры существует на основании утвержденного Народным Комиссариатом по Просвещению положения.

7. Российская Академия Истории Материальной Культуры, временно, впредь до утверждения особого положения о ней, продолжает деятельность ликвидируемой Археологической Комиссии, на основании ее устава, утвержденного 17-го октября 1918 года Народным Комиссариатом по Просвещению.

8. Все сметные предположения Академии Истории Материальной Культуры предварительно рассматриваются Всероссийской Коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного Комиссариата по Просвещению и проходят по §§ и статьям сметы, находящимся в распоряжении Научного Отдела Наркомпроса.

Председатель Сов. Нар. Ком.— *В. Ленин*
Управляющий Делами Сов. Нар. Ком.— *В. Бонч-Бруевич*
Секретарь — *М. Фотиева*

В 1937 г. ГАИМК была включена в состав Академии Наук СССР и преобразована в Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра.

В течение четверти века ГАИМК — ИИМК фактически является центральным археологическим учреждением СССР, объединяя большой коллектив специалистов — историков, археологов и историков искусства Ленинграда и Москвы, планируя и контролируя всю археологическую деятельность на территории РСФСР. Судьбы советской археологической науки были теснейшим образом переплетены с историей Академии — Института. 25-летие его существования является вместе с тем и 25-летием советской археологии.

Эти два юбилея, неразрывно между собою связанные, отмечены были в Москве специальной Сессией Отделения истории и философии Академии Наук СССР (5 и 6 VI 1944) и пленумом Института (7—10 VI 1944), а также юбилейными заседаниями Ташкентской и Елабужской групп ИИМК (18 VI 1944).

СЕССИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ АН СССР

(5 и 6 июня 1944 г.)

Сессия открылась вступительным словом академика В. П. Волгина:

18 апреля исполнилось 25 лет со дня подписания Лениным декрета об организации Российской Академии истории материальной культуры, которая затем была переименована в Государственную Академию истории материальной культуры, а позднее вошла в состав Академии Наук СССР под наименованием Института истории материальной культуры.

На Академию истории материальной культуры были возложены те функции, которые до революции несла Археологическая комиссия — функции изучения и охраны памятников археологии и искусства на территории нашей страны.

Во главе Академии истории материальной культуры был поставлен один из виднейших ученых нашего времени — ученый-революционер Н. Я. Марр. Ему удалось сосредоточить в стенах Академии истории материальной культуры лучшие силы нашей археологической науки.

Н. Я. Марр как ученый-революционер не только воспринял задачу продолжать работу старой Археологической Комиссии, но, опираясь на коллектив Академии истории материальной культуры, произвел в нашей археологической науке весьма решительный и весьма значительный по своему характеру переворот. Марр обладал исключительным знанием не только вещественных памятников, но и всей совокупности источников исторического знания — языковыми, памятниками письменной литературы, художественными и т. д. Именно под руководством Марра наша вещеведческая археология превратилась в подлинную марксистско-ленинскую историческую науку.

Руководимый Н. Я. Марром коллектив продолжал работу в данном им направлении и после его кончины. Здесь в ряде докладов специалистов будут охарактеризованы результаты этой работы по основным отраслям археологического знания и археологического исследования. Я же только кратко отмечу в своем вступительном слове некоторые основные линии этой работы.

Мы знаем, какие значительные достижения имеются именно сейчас в области изучения памятников палеолита и неолита, открытых на территории нашей страны. Мы поистине можем гордиться этими первоклассными памятниками. Мы знаем, как значительно продвинулась вперед работа в области изучения античного Северного Причерноморья; мы знаем, что значительно расширен круг изучения по сравнению с дореволюционным временем; мы знаем, что результаты этих исследований пролили новый свет на характер хозяйственной деятельности и культуры античных центров.

Очень значительны результаты исследований, проводившихся в Средней Азии. Мы имеем новые данные для понимания хорезмийской культуры; мы получили громадный материал, характеризующий основные этапы развития этой средне-азиатской территории от каменного века вплоть до времени позднего феодализма.

Громадные достижения имеет коллектив наших археологов в решении проблем этногенеза восточного славянства.

Я не буду перечислять имен всех работников, которые в каждой из этих областей сделали свой значительный вклад. Это, повторяю, сделают докладчики, которые будут характеризовать различные разделы работ наших археологов.

В результате деятельности Академии истории материальной культуры, а затем Института истории материальной культуры, коллектив его сотрудников приобрел значение центрального и наиболее авторитетного в Советском Союзе органа, по праву претендующего на руководство археологической работой в СССР, органа, который являлся руководителем комплексных экспедиций, ряда конференций и совещаний.

Многогранная деятельность Академии, а затем Института истории материальной культуры отражена в ряде многочисленных изданий — отдельных работ, сборников работ, «Материалов», «Известий» и «Сообщений» Института.

Война затруднила деятельность Института, разбросав его работников по территории Советского Союза. К сожалению, оказалось так, что ленинградские работники Института очутились в двух весьма отдаленных друг от друга городах. Условиями военного времени была затруднена и полевая работа наших археологов.

И, тем не менее, мы должны отметить, что несмотря на все трудности военного времени археологи продолжали весьма активно работать везде, где только к этому представлялась возможность. Вы знаете, конечно, об участии нашего Института истории материальной культуры в работе по обследованию городов и музеев в освобожденных районах, о связи работы Института с работой Чрезвычайной Государственной Комиссии. Вы знаете о том, что среднеазиатская группа принимала участие в больших археологических раскопках, связанных с строительством Фархадского канала. Вы знаете, что эти раскопки принесли весьма значительные результаты. За годы войны не прерывалась и подготовка к печати трудов Института.

Я думаю, что настоящее заседание должно явиться началом нового подъема в деятельности наших археологов.

Вы знаете, что за Сессией последуют заседания Пленума Института истории материальной культуры. Нынешней осенью мы предполагаем провести, если позволят обстоятельства, всесоюзное археологическое совещание, на котором будут поставлены основные вопросы, связанные с работой наших археологов, с дальнейшим направлением работы и с организационными ее формами.

В уверенности в том, что наша археологическая работа вступает на путь нового подъема, я позволю себе приветствовать от имени Отделения наших археологов с их праздником 25-летия.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ, ЗАСЛУШАННЫХ СЕССИЕЙ ОИФ АН СССР

А. В. Арциховский. *Русская археологическая наука и пути ее развития за 25 лет.*

(«Программы и тезисы докладов научной конференции...», изд. МГУ, Москва, 1944, стр. 78, тезисы 22—28).

Т. С. Пассек. *Изыскания по трипольской культуре за 25 лет*

1. В дореволюционный период, несмотря на большое число раскопанных трипольских памятников, основные вопросы по трипольской культуре (ее происхождение, этапы развития, относительная хронология, назначение так называемых площадок и др.) оставались в значительной мере не разрешенными.

2. Изыскания в области трипольской культуры велись советскими археологами двумя путями: путем проработки в музейных собраниях археологического материала, накопленного в результате раскопок прежних исследователей, и путем проведения систематических раскопок для получения нового материала.

3. За истекший 25-летний период памятники Триполья открыты в совершенно новых районах, благодаря чему наши знания распространенности культуры во много раз расширились по сравнению с теми, которые существовали до революции.

4. На основе вновь открытых в районах Поднестровья, Поднепровья и Побужья трипольских поселений разрешен вопрос о раннем и более позднем этапах развития культуры. Установлены соотношения различных комплексов находок со стратиграфически датируемыми памятниками на Западе (Кукутени А и В, Извоар I и II, Эрозд А и В и др.).

5. Совершенно заново открытыми районами, где до революции вовсе не были известны памятники Триполья, следует считать территорию

севернее Киева по течению р. Тетерева и в верховьях рек Случ, Стырь и Горынь. Раскопанные здесь трипольские поселения (Городск, Колодяжное и др.) относятся к более позднему этапу развития культуры — к эпохе ранней бронзы.

6. За эти годы выявлена граница проникновения Триполья на восток: трипольские поселения открыты на левобережье Днепра по течению его притоков (Десна, Остер, Супой), причем здесь, на периферии своего распространения, позднее Триполье сталкивается с одним из вариантов так называемой катакомбной культуры эпохи ранней бронзы.

7. Памятники (поселения и курганные могильники) позднего Триполья, соответствующие патриархально-родовому этапу развития общества, изучены на юге у берегов Черного моря по раскопкам у с. Усатово, близ Одессы. Особого внимания заслуживают открытые здесь в курганных погребениях изделия из меди, позволяющие делать выводы о существовавшем в ту эпоху обмене на широкой территории с племенами Дунайского бассейна и странами восточного Средиземноморья.

8. За эти годы большое внимание советские археологи уделили изучению трипольских поселений и жилищ в районе среднего Поднепровья (ни одна из работ прежних исследователей не была специально посвящена этим вопросам).

9. Стационарными раскопками трипольской экспедиции ИИМК АН СССР и Ин-та археологии УАН на поселении Коломийщина I (близ с. Халепье Киевской обл.) исследован целиком трипольский родовой поселок. Благодаря методу раскопок большими площадями были установлены границы поселения, отдельных глинобитных жилищ, расположенных двумя концентрическими кругами, причем окончательно выяснено жилое назначение так называемых площадок — этих типичных трипольских памятников.

10. Новые материалы из раскопок трипольской экспедиции (Коломийщина I, II, Владимировка) позволили впервые дать полную реконструкцию трипольского жилища и поселения в целом.

11. Раскопками впервые установлено, что трипольские жилища представляли большие, многоочажные наземные дома площадью до 100—150 кв. м, в которых жило несколько парных семей.

12. Установленная за эти годы большая общность в системе земледельческих в основе хозяйств, выразившаяся в орудиях производства, в керамике, в характере больших, многоочажных жилищ у племен Поднепровско-Дунайского бассейна, позволяет рассматривать археологические комплексы этой обширной области, как появившиеся в результате общих изменений, единого процесса развития в эпоху неолита и раннего металла, на основе ранне-земледельческой культуры, известной в археологии под именем «дунайской», или культуры «линейно-ленточной керамики».

13. Новые открытия по Триполью опровергают различные теории происхождения племен, живших в Поднепровье и Поднестровье в III—II вв. до н. э., и разоблачают фашистских фальсификаторов истории Днепровско-Дунайского бассейна, с точки зрения которых восточные и юго-восточные пространства были еще в глубокой древности покорены путем военной оккупации «полноценной северной расой».

14. Пути развития Триполья не могут быть правильно поняты без изучения интенсивных культурно-исторических связей населения Поднепровья и Поднестровья с племенами восточного Средиземноморья, стоявшими в изучаемую эпоху на более высокой ступени развития, причем сравнение материалов показывает, что трипольские земледель-

ческие племена являлись в доскифский период наиболее развитыми в Восточной Европе.

15. На поздних этапах Триполья, в начале II тысячелетия до н. э. происходит развитие скотоводства, приводящее к коренным изменениям в системе земледельческого в основе хозяйства и выделению скотоводческих племен; совершается переход от матриархально-родового строя к патриархально-родовым отношениям.

16. На основании материалов культур эпохи бронзы, тесным образом связанных с поздне-трипольскими памятниками, на территории Днепровско-Дунайского бассейна складываются племенные взаимоотношения, выявляющие черты перехода к скифским этническим образованиям.

17. Установленные за эти годы новые положения о путях развития трипольской культуры и большое значение и роль территории Днепровско-Дунайского бассейна в период сложения славянских этнических образований заставляют советских археологов с особым вниманием изучать процесс развития живших здесь племен на рубеже неолита и эпохи раннего металла.

С. В. Киселев. *Открытия памятников эпохи бронзы в СССР за 25 лет.*

1. Дореволюционная русская археология лишь накануне первой мировой войны приступила к обработке накопленных материалов по бронзе, причем в основном тогда ставились задачи их систематизации. Трехчленная схема развития эпохи бронзы в южнорусских степях, разработанная В. А. Городцовым, до сих пор не утратила значения. Из исследований отдельных памятников бронзового века России сохраняет свое значение анализ Майкопского кургана Б. В. Фармаковским, Одесского кургана В. А. Городцовым. Однако для большинства работ по бронзовому веку той поры характерно отсутствие постановки задач исторического исследования, а наблюдаемые различия и смены бронзовых культур, как в западноевропейской науке, объяснялись, главным образом, миграцией и этнической обособленностью. В целом, несмотря на наличие ряда выдающихся открытий и богатейших находок, бронзовый век в дореволюционной России был изучен недостаточно, оставались неразведанными памятники на огромных пространствах Севера, Сибири, Кавказа и Средней Азии.

2. После Великой Октябрьской революции были коренным образом перестроены методы археологических исследований. В частности, и памятники бронзового века стали изучаться с целью построения конкретной истории древнейшего населения СССР. Задачи систематизации заняли необходимое, но подчиненное историческому анализу место. Обращено было внимание на внутреннее развитие древних племен, как на важнейшую причину внешних изменений культур бронзового века. Под влиянием работ Н. Я. Марра теория миграций перестала быть универсальным объяснением культурно-исторических изменений. Наличие миграции стало необходимым доказать, как и всякое другое событие.

3. Параллельно с теоретическим перевооружением развернулась исключительно многогранная работа советских археологов по изучению памятников бронзового века во всех важнейших областях Советского Союза. Впервые мы узнали о бронзовом веке Сибири, Урала, Прикамья, Поволжья и Средней Азии. Значительно обогатились и прояснились наши представления о бронзовом веке Кавказа, особенно Закавказья, Причерноморья и Средней русской полосы, в частности Волго-Окского междуречья. Поставлен вопрос о бронзовом веке на Севере.

4. Систематические исследования на Кавказе привели к определению ряда стадий бронзового века. Нальчикский могильник и Шингавитское поселение на севере и на юге Кавказа, а также многочисленные памятники, примыкающие к ним в других районах, отметили первые шаги металлической культуры в III тысячелетии до н. э. В различных районах эта древнейшая стадия приобрела различный хозяйственно-политический характер, но важно отметить широкое знакомство на юге с земледелием и скотоводством. Последующая ступень развития, представленная памятниками Элара на юге и Долинско-Майкопской группой памятников на севере, демонстрирует взлет культуры кавказских племен. Они вошли в это время в тесное соприкосновение с переднеазиатскими передовыми центрами древневосточной цивилизации. Это отражают находки в памятниках майкопской группы и замечательные открытия в Цалкинских курганах. Там обнаруживаются глубокие корни того прогресса, который завершился вхождением Закавказья в среду древневосточных государств. Бронзовая металлургия, имевшая большое значение в историческом развитии Кавказа, получила специальное освещение. В частности, поздняя бронза Кобани из узколокального явления выросла в важнейшую проблему общекавказского развития позднейшей бронзовой индустрии. Она имела ряд местных центров как на Северном Кавказе, так и в Закавказье и на черноморском берегу.

5. В исследовании бронзового века степей Причерноморья особое значение имело изучение мест поселений, сделавших возможным исследование образа жизни населения, оставившего памятники ямного, катакомбного и срубного типа. Установление последовательной смены охотничье-рыболовческого, скотоводческого и земледельческого по преимуществу быта явилось важным этапом в изучении внутренней структуры этих племен, приведших, в частности, к выявлению признаков развития патриархальных отношений. За последнее время особое внимание было уделено выявлению местных своеобразий в развитии бронзовых культур степей. В частности, изучение так называемой Полтавкинской группы памятников Поволжья продвинуло решение вопроса о происхождении срубной культуры и ее непосредственных связей с древнеямной. Изучение манычских древностей выпукло обнаружило близость степных культур с Кавказом, тесно связанным в это время с переднеазиатской цивилизацией. Раскопки поздне-трипольских памятников типа Усатово — Евминка — Городск ставят проблему взаимосвязи степных культур Восточной Европы в целом. Подвергается изучению заключительный этап бронзового века степного юга, свидетельствующий о высоком уровне развития ряда местных очагов бронзовой индустрии и о зарождении еще в ту эпоху ряда особенностей культуры, ставших затем характерными в последующее время скифского преобладания.

6. Важнейшим достижением советской археологии в лесной зоне Восточной Европы является выяснение сравнительно позднего бытования стоянок так называемого лесного неолита и одновременного существования на соседней территории фатьяновской культуры. Необыкновенное расширение количества изученных фатьяновских могильников уже позволяет приступить к их рассмотрению во времени и по-новому подойти к проблеме происхождения Фатьяна. Существенно также выделение районных вариантов фатьяновской культуры. Открытие на средней Оке памятников Поздняковской группы показало глубину проникновения на север степных культур и помогает разобраться в вопросе о сложении поздне-бронзовой индустрии сейминского типа. Не меньшее значение имеет открытие Абашевских памятников; они дадут возможность не только изучить характер населения Чувашии, лесостепной Та-

тарии и Башкирии в бронзовом веке, но и своеобразные явления в культуре соседних областей на севере (Галич) и на востоке (Средний Урал).

7. На Урале и в Приуралье за советский период впервые было поставлено изучение бронзового века. В настоящее время уже можно говорить о нескольких этапах в развитии местного населения этой эпохи. Вскрыта глубокая древность металла на Урале по стоянкам Левшинской группы, ряд промежуточных звеньев и заключительная Турбино-Шигирская стадия, отличающаяся высоким уровнем развития металлургии сейминского типа и своеобразными местными чертами, ярко проявившимися при исследовании поселений и святилищ Горбуновского торфяника.

Особый интерес вызывает здесь своеобразный облик искусства, послужившего основой для позднейшего развития ряда сторон звериного орнамента скифо-ананьинского времени.

8. Бронзовый век Сибири вообще стал известен только в 20-х годах нашего столетия. Сначала были изучены памятники Минусинской котловины и на их основе построено первое деление сибирской бронзы на три ступени — Афанасьевскую, Андроновскую и Карасукскую. Позднее было выяснено внутреннее своеобразие развития населения Южной Сибири на каждой из этих ступеней и связи с Причерноморьем и Прикаспием, особенно в андроновско-срубное время. Тогда же оказалось, что и Алтай и степи Северного Казахстана и Южного Приуралья пережили в основном те же ступени культуры бронзового века, но открылись и местные, чрезвычайно важные отличия. На основании, главным образом, Алексеевского поселения в районе Кустаная выяснилось весьма позднее существование Андроновской культуры в северо-западном Казахстане, где она продолжала существовать еще в предскифскую эпоху, представляя здесь культуру племен с ярко выраженным земледельческим бытом. Наоборот, для Востока — для Алтая и Минусинской котловины — обнаружилось сравнительно раннее изменение облика культуры в связи с распространением новых карасукских форм. Изучение последних указало на их происхождение из Северного Китая Шан-Иньской эпохи. Палео-антропологические исследования также выяснили северокитайские элементы в карасукском. Изученные за последнее время памятники Прибайкалья также отметили это проникновение северокитайских бронз. На запад они прослежены вплоть до Турбина (г. Молотов) и Сеймы (г. Горький). Последнее ставит на очередь вопрос о роли дальневосточных культурных связей наряду с переднеазиатскими и средиземноморскими в истории сложения значительного культурного единства древнего населения СССР.

9. Об этом же говорят и последние открытия ранних этапов бронзы на севере Средней Азии. Кельтеминарская культура Хорезма оказывается связующим звеном между ранней бронзой Сибири (афанасьевской) и югом (Анау — Иран). Явления, аналогичные андроновским, прослеживаются и в Киргизии, и в районе Джезгазгана, и в Хорезме (Тазабагъябская культура), а в керамике находят себе параллель даже в Южной Туркмении. Наконец, своеобразные варианты китайско-карасукских форм бытуют широко не только на востоке, но и на юге Казахстана. Это имеет важнейшее значение для вопроса о путях сближения культур бронзового века Переднего и Дальнего Востока, выясняющегося на материале Ирана.

10. Все исследования памятников бронзового века СССР доказывают, что уже в то отдаленное время древние племена, населявшие территорию нашей страны, достигли высокого уровня развития особенно

к концу эпохи бронзы; даже во многих северных районах СССР стали известны металлургия, скотоводство и земледелие. В связи с этим и социальное развитие сделало большие успехи; в большинстве областей проявились тенденции к сложению патриархата. В передовых районах выделилась богатая племенная знать — предшественница аристократии древнейших государств Урарту и скифов. Вместе с тем все в большей степени обнаруживается значительное единство культуры древнего населения территории СССР. Степи Евразии, с одной стороны, и лесные и таежные районы Восточной Европы и Сибири — с другой, оказываются тесно связанными друг с другом. При всем их своеобразии они имеют много общих черт материальной культуры. При этом культурное единство, как показали палеоантропологические исследования, одинаково проявились у этнически различных групп. Развитие культур бронзового века СССР шло своеобразно, но в тесной связи с окружающим миром, используя в своем неуклонном совершенствовании важнейшие достижения передовых цивилизаций древности.

В. Д. Блаватский. *Изучение античных городов на территории СССР за 25 лет.*

1. Русская наука дореволюционного времени достигла значительных успехов в изучении античных городов Северного Причерноморья. Раскопки Б. В. Фармаковского в Ольвии положили твердую основу наших представлений об истории этого города. Ценные материалы дали также изыскания в других античных поселениях. Свидетельства древних авторов и многочисленные эпиграфические памятники были исследованы В. В. Латышевым, М. И. Ростовцевым и другими учеными. Среди этих эпиграфических памятников некоторые имеют совершенно исключительное значение. Таковы Ольвийский декрет в честь Протогена, херсонесский — в честь Диофанта и особенно присяга херсонесцев.

2. Должно отметить и значение находок в Причерноморье для истории античного искусства. Южнорусские стенные росписи античного времени, а также произведения торевтики в большинстве не имеют аналогий среди зарубежных находок; в силу этого они заполняют существенный пробел в истории античного искусства (исследования Б. В. Фармаковского, М. И. Ростовцева).

3. За 25-летие после Октябрьской революции историки, эпиграфисты, нумизматы, историки искусства проявили значительную активность в исследовании античных городов. Расширилось и археологическое изучение этих городов.

4. За это время вышла новая монументальная работа М. И. Ростовцева «Скифия и Боспор» (1925). С. А. Жебелев опубликовал целый ряд трудов, совершенно по-новому осветивших различные вопросы истории Боспора и других городов. А. В. Орешников и А. Н. Зограф исследовали монетное дело, а в связи с этим и экономическую историю нашего юга. Б. Н. Граков написал ряд работ, посвященных керамической эпиграфике и истории торговли. Истории античного искусства были посвящены многочисленные статьи и работы ряда авторов — как о памятниках импортированных, так и местного происхождения (следует отметить работу Б. В. Фармаковского о фанагорийских фигурных вазах).

5. В раскопочной деятельности за последнее 25-летие намечаются два периода: первый (приблизительно до конца 20-х годов XX в.) охватывает время деятельности Б. В. Фармаковского и его ближайших преемников (И. И. Мещанинов), завершивших первую стадию исследований Ольвии.

В это время главным центром античной полевой археологии попрежнему оставалась Ольвия, где разрабатывались новые методы и приемы археологической работы.

6. В последовавший второй период (охватывающий 30-е и начало 40-х годов XX в.) раскопки в Ольвии интенсивно продолжались (Институт археологии УАН совместно с ИИМК АН СССР). Наряду с этим интенсивные работы шли в ряде других городов и населенных пунктов: в Херсонесе, Хараксе, в городах Боспора — Пантикапее, Мирмекии, Нимфее и других поселениях Керченского полуострова, Фанагории и пр. Наряду с исследованием городов велись значительные разведки и изучение прилежащих к городам районов, иногда довольно обширных (около Ольвии, район Евпатории, Гераклейский полуостров, устье Дона, бассейн Кубани, в частности Семибратнее городище, Таманский полуостров).

7. Раскопки в перечисленных пунктах дали разнохарактерные и весьма ценные материалы, в частности по некрополю Херсонеса, виллам Гераклейского полуострова, некрополю Харакса, рыбозасолочным хозяйствам и винодельням Камыш-Буруна и Мирмекии, по истории города в Фанагории и т. д.

8. Кроме Северного Причерноморья, внимание исследователей было направлено и на другие античные поселения на территории СССР — на Кавказе (Гарни) и в Средней Азии.

А. Я. Якубовский. *Археология и история культуры Средней Азии за 25 лет.*

1. Успехи русского востоковедения в XIX и начале XX вв., стяжавшего себе мировое признание, обусловили огромные достижения в области исторического изучения Средней Азии (работы В. В. Григорьева, П. Лерха, В. А. Жуковского и особенно В. В. Бартольда).

2. Археологическое изучение Средней Азии началось со второй половины XIX в. и связано с именами талантливого русского востоковеда П. Лерха, а затем В. А. Жуковского. С этих пор почти беспрерывно происходило накопление разнообразного материала, преимущественно работниками на местах.

3. До работ В. В. Бартольда археологическое изучение Средней Азии, имевшее несомненные достижения, все же лишено было серьезной исторической проблематики за исключением вышеуказанных работ П. Лерха и В. А. Жуковского. Лишь с появлением в 1900 г. классического труда В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», весьма полно разработавшего историю Средней Азии с VII по XIII в., местные археологи получили руководящие сведения по истории страны, исключительно богатой памятниками древности.

4. Начало XX в. знаменуется усилением внимания к археологическому изучению Средней Азии, особенно архитектурных памятников Самарканда, а также и Афрасиаба — городища домонгольского Самарканда.

5. Однако как бы ни были значительны достижения археологического изучения Средней Азии в дореволюционное время, они сильно отставали от успехов ее исторического изучения, блестяще проводившегося В. В. Бартольдом на основе письменных источников.

6. Превращение Российской империи в великий братский Советский Союз выдвинуло на передний план вопросы культурного наследия всех входящих в него народов, в том числе и народов Средней Азии. Особенно выросло значение археологического изучения, поскольку оно имеет дело с многочисленными памятниками материальной культуры, архитектуры и изобразительного искусства.

7. Общими усилиями высшего археологического учреждения нашей страны — ГАИМК-ИИМК — и научных учреждений на местах (Туркомстарис, Средазстарис, Узкомстарис и др.) началось полевое изучение наиболее ценных в археологическом отношении мест в республиках Средней Азии в плане собирания и научного осмысления материала, который помог бы написать историю материальной культуры, в частности архитектуры, изобразительных искусств и городов Средней Азии.

8. В 20-х годах XX в. в археологических работах преобладала тематика по истории средневековой архитектуры (Самарканд, Мерв, Бухара, Шахрисябз, Узгенд, Ургенч и т. п.) и средневекового города (Ургенч, Сугнак, Мздахкан, Узгенд, Шахрисябз и др.), а также проблематика по истории культурных связей Средней Азии и особенно Хорезма с Поволжьем, особенно Золотоордынского периода.

9. В 30-х годах проблематика археологического изучения значительно расширяется. Наряду с изучением средневековья выдвигаются вопросы культурной истории в древности, что являлось наиболее слабым местом среднеазиатской археологии в предшествующее время. В этом отношении особенно ценными представляются работы: 1) Термезской экспедиции 1936—1938 гг., 2) Хорезмской экспедиции 1937—1940 гг., 3) экспедиций в Семиречье 1938—1941 гг., 4) Варахшской экспедиции 1937—1939 гг. и др.

10. За эти годы советские археологи в Средней Азии сделали немало ценных открытий (айртамские фризы, варахшские резные панели и живопись, хорезмские памятники и древности согдийской и кара-китайской культуры в Семиречье), широко осветивших культурное наследие наших братских народов Средней Азии.

11. Археологическое изучение Средней Азии за последние 25 лет стало в уровень с разработкой истории Средней Азии по письменным источникам. Более того, в настоящее время работа археолога стала неотделимой от работы историка, поскольку она фактически сосредоточена в одних руках. Теперь трудно быть историком древности и раннего средневековья Средней Азии, не будучи археологом.

12. Научная разработка огромного фактического материала по археологии Средней Азии, накопленного за последние 25 лет, открыла перед исследователями широкие перспективы написания ряда монографий и сводных трудов по вопросам истории культуры Средней Азии, в частности, истории ее богатейшей архитектуры и замечательного изобразительного искусства, о чем нельзя было и мечтать в дореволюционное время.

Б. А. Рыбаков. *Археологические источники русской истории.*

1. За последние 25 лет археологический материал стал одним из важнейших источников по русской истории. Он позволяет по-новому решать вопросы, связанные с эпохами, слабо освещенными письменными источниками, и существенно пополняет и исправляет представление об эпохах, хорошо представленных летописями.

2. Археологическим данным принадлежит решающая роль в вопросе о происхождении славян. Важнейшие исследования по этой проблеме проведены П. Н. Третьяковым.

3. Сложный и запутанный вопрос о «готской» культуре и ее взаимоотношениях со славянской поддается решению на основе материалов по выемчатым эмалям и пальчатым фабулам из так называемых «полей погребальных урн».

4. Культура антских племен становится значительно яснее в результате работ А. А. Спицына и Л. А. Мацулевича, изучивших местный и привозный инвентарь погребений и кладов V—VII вв.

5. На основе изучения и картографирования инвентаря славянских курганов и типов погребений удалось определить точные границы славянских племен: вятичей (А. В. Арциховский), кривичей и словен (Н. Н. Чернягин), радимичей, полян, северян.

6. Исследование городищ и курганов X—XIII вв. имеет такое же значение для изучения русской деревни, как писцовые книги для XV—XVII вв. Изучена форма земледелия, деревенские ремесла, имущественное неравенство, языческие верования.

7. Важные дополнения к письменным источникам дали раскопки старых русских городов. Наиболее интересны результаты изысканий В. А. Городцова, Н. Н. Воронина, М. К. Каргера, А. В. Арциховского, Н. П. Милонова и ряда других.

8. По-новому встали в свете археологических данных взаимоотношения Киевской Руси с соседями. По отношению к Западной Европе важны работы М. А. Тихановой, к Волжской Болгарии — А. П. Смирнова, к Хазарии — М. И. Артамонова.

9. Изучение русской дружины, особенностей русского вооружения и его тактических качеств, возможно лишь на основе археологических данных.

10. Археологический материал X—XIV вв. очень важен для правильного понимания кардинальных вопросов русской истории (система хозяйства, социальный строй), а также для установления правильной ее периодизации.

В. Н. Лазарев. *Открытия в области древнерусской живописи за 25 лет.*

1. Основоположниками истории древнерусской живописи являются Ф. И. Буслаев, Н. П. Кондаков и Д. В. Айналов. Известный в то время материал объясняет, почему центр тяжести был перенесен на исследование искусства XVI—XVII вв. Руководящее значение получил иконографический метод.

2. Большое значение для изучения древнерусской живописи XV в. имела выставка 1913 г. К этому времени относится оживление работы по истории древнерусской живописи, связанное с деятельностью Н. М. Щекотова, П. П. Муратова, Н. Н. Лунина и др.

Этот этап в изучении древнерусской живописи характеризуется новизной эстетических оценок и использованием метода художественного анализа в применении к иконам. Недостаточная изученность древнерусской живописи привела к переоценке новгородской школы и недооценке московской.

3. Исключительно велики были открытия за революционные годы, связанные с деятельностью Комитета по изучению древнерусской живописи в Центральных государственных реставрационных мастерских. Необычайно широкий размах получили реставрационные работы. Открыты были многочисленные памятники XII, XIII, XIV вв. в Киеве, Владимире, Суздале, Твери, Москве, Новгороде, Пскове, Ярославле и Вологде. Расширены были наши представления о местных школах. Появилась возможность топографической классификации памятников и характеристики ведущих мастеров (Рублева, Феофана Грека, Дионисия). Эти новые открытия имели исключительное значение; они в корне изменили наши традиционные представления о древнерусской живописи.

4. Ближайшей задачей изучения древнерусской живописи является освоение этих новых открытий. В первоочередной план новых работ должна войти консервация памятников и реставрация разрушенных фашистскими варварами произведений русского искусства. Важнейшим является вопрос об организационном центре по исследованию и реставрации памятников древнерусской живописи. При этом необходим самый тесный контакт между археологами и историками искусства.

М. Г Каргер. *Разрушение памятников культуры Великого Новгорода* [1].

1. Войска Красной Армии, оставившие 25 августа 1941 г. под давлением превосходящих сил противника Новгород, отошли на линию р. Волховец и в течение двух с половиной лет оборонялись на этой линии. Драгоценнейшие памятники новгородского зодчества и монументальной живописи XII—XIV вв., расположенные вдоль правого берега Волховца (церкви: Спаса Нередицы, Спаса-на-Ковалеве, Успения-на-Волотове, Кирилловский монастырь, церковь Андрея б. Ситецкого монастыря), а также Благовещения-на-Городище и Михаила-на-Сковородке в течение всего периода оккупации Новгорода немцами находились на переднем крае нашей обороны и безжалостно систематически разрушались немецкой артиллерией.

Все перечисленные памятники превращены немцами в развалины, большая часть которых возвышается над уровнем земли на 2—3 м. Только стены Нередицы и церковь Спаса-на-Ковалеве сохранились несколько лучше.

2. Памятники XII—XVII вв., расположенные на восточной окраине Торговой части Новгорода и по западному берегу Волхова (Георгиевский собор Юрьева монастыря, церкви: Воскресения-на-Мячине, Ильина-Славне, Филиппа апостола на Нутной улице, Спаса-на-Ильине, Знаменский собор, Федора Стратилата и Рождества-на-Кладбище), все оказавшиеся на переднем крае немецкой обороны, наоборот, совершенно не пострадали от артиллерийского огня Красной Армии, несмотря на то, что многие из названных памятников были использованы немцами в качестве дотов, огневых точек и наблюдательных пунктов. Немцы, хозяйничавшие в этих памятниках, превращая их в доты и наблюдательные пункты, пробивали их стены, портили или разрушали фресковую роспись, разворовывали или сжигали все внутреннее убранство.

3. Все городские постройки Новгорода были сожжены или взорваны. Почти все древние памятники Новгорода несут на себе печать разрушительной деятельности немецких захватчиков. Все деревянные части зданий (стропила, связи, рамы) сгорели, своды многих зданий пробиты или разрушены полностью, внутреннее убранство или сожжено или вывезено. Немцы превращали многие древние памятники в казармы, склады, конюшни; в алтаре Знаменского собора была сделана солдатская уборная.

4. В отношении реставрации древние памятники Новгорода распадаются на три группы:

а) Памятники, требующие восстановительного ремонта отдельных частей.

б) Памятники, требующие реставрации первоначальных форм (посводчатые и пощипцовые покрытия, удаление поздних пристроек).

в) Консервация руин.

---

[1] По материалам обследований 1942—1943 гг.

5. При проектировании нового города необходимо по возможности восстановить первоначальный план города (измененный при Екатерининской перепланировке). Необходимо предостеречь архитекторов при проектировании новой архитектуры города от попыток воскрешения ложно-русского стиля.

ПЛЕНУМ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ им. Н. Я. МАРРА

7—10 июня 1944 г.

7.VI состоялись следующие доклады:

А. Ю. Якубовский. *25 лет деятельности ГАИМК-ИИМК* (печатается в «Известиях АН СССР по Отделению истории и философии»)

Б. А. Рыбаков. *ИИМК в годы Великой Отечественной войны.*

8.VI состоялись следующие доклады:

А. Н. Бернштам. *Итоги археологических работ в Семиречье* (помещен в настоящем выпуске КС ИИМК).

С. П. Толстов. *Открытие памятников хорезмийской цивилизации* (см. тезисы его докторской диссертации «Древний Хорезм», помещенные в настоящем выпуске КС ИИМК, а также предварительный отчет о работах Хорезмской археологической экспедиции в КС ИИМК, XII, 1946 и ВДИ, 1941, № 1, стр. 155).

П. Н. Шульц. *Скульптурные портреты скифских царей* (помещен в КС ИИМК, XII, 1946).

Б. Н. Граков. *Каменское городище на Днепре* (к вопросу о скифских поселениях). Каменское городище на левом берегу Днепра находится против Никополя, занимает площадь около 12 кв. км и имеет оборонительную линию естественных рубежей и искусственных валов протяженностью около 19 км. Как и другие скифские городища, Каменское имеет дополнительную цитадель площадью около 32 га. Раскопки показали, что основной оборонительный вал был насыпан из земли, а вал цитадели имел, кроме того, какое-то сооружение по гребню, покоившееся на основании из сырцового кирпича. Заселенною была средняя площадь городища, а промежутки между нею и валами оставались пустыми.

Обнаружены пять столбовых жилищ. Их стены состояли из вертикально поставленных столбов, врытых в канавы. Два жилища имели обширные подполья — зимние помещения. Очаги в виде ям и глинобитных печей. Обнаружено много всевозможных остатков быта. Из греческого импорта резко преобладают винные амфоры. Местная керамика в значительной мере сохраняет традиции киммерийского времени. Многочисленны остатки металлургии: руда и шлаки, медь и железо, кричная печь, крица, бронзовые слитки, кузнечный горн и т. п. Кузнечное и литейное дело находилось в руках одних и тех же мастеров. Употреблялась криворожская железная руда.

Среди скота преобладали лошади; свиней нет совершенно. Признаки охоты и скотоводства отсутствуют. Земледелие констатируется по многочисленным обломкам зернотерок.

Городище было обитаемо около двухсот лет, с рубежа V—IV вв. до начала II в. до н. э. Вероятно, оно было оставлено в связи с перенесением центра скифского государства в Крым.

9.VI состоялись следующие доклады:

П. Н. Третьяков. *Восточнославянские племена в свете археологических исследований последних лет* (помещен в настоящем выпуске КС ИИМК).

А. П. Смирнов. *К происхождению восточных славян.*

Докладчик указывает, что вопрос этногенеза славян принадлежит к числу проблем, мало разработанных в исторической науке. Точка зрения, основанная на мнении летописца, выводившего славян из Прикарпатья, или по мнению А. А. Шахматова с Западной Двины, в значительной мере поколеблена.

За последнее время все большее число сторонников приобретает мысль об автохтонном происхождении славян на восточноевропейской равнине, начиная с глубокой древности.

Доклад ставил задачей проследить сложение славян центральной полосы Восточной Европы.

Анализ памятников эпохи неолита позволяет говорить о наличии нескольких культур этого времени. Исследованиями экспедиций ИИМК и ГИМ собран огромный материал, позволивший установить непрерывный ход развития от неолита до I тысячелетия н. э. В этом убеждает сравнение жилищ, керамики, орудий труда и могильников. Обряд погребения, характерный для неолитических могильников северной части Восточной Европы, продолжает существовать и в чудских могильниках Волго-Окского междуречья до начала II тысячелетия н. э. Весь материал показывает, что местное население — летописная чудь — сформировалось в Волго-Окском междуречье и на верхней Волге на базе племен эпохи раннего железа, бронзы и неолита.

За этот продолжительный период времени неоднократно имели место внедрения племен из других областей. Первыми, повидимому, с юго-запада явились племена фатьяновской культуры. Вопрос о происхождении этой культуры не может считаться окончательно решенным. Однако ее своеобразие и резкое отличие от памятников местного неолита, а также наличие ряда аналогий с памятниками мегалитических культур позволяет утверждать ее иноземное происхождение. Одной из очередных задач археологии является выяснение вопроса, в какой мере эти племена оказали влияние на сложение местного населения, и вопроса об ассимиляции пришельцев с аборигенами. Второе проникновение соседних племен в Волго-Окское междуречье произошло в конце II тысячелетия до н. э. из области срубной культуры. Это документируется погребением Старшего Волосовского могильника и стоянками Поздняковского типа. В первые века нашей эры замечается тесная связь с Прикамьем. Наличие одних и тех же типов украшений, свойственных племенам Прикамья и Волго-Окского междуречья, косвенно указывает на наличие здесь племенного союза, объединившего различные чудские племена этих областей.

Области Смоленщины и Новгорода были искони славянскими. Славянские курганы с трупосожжением восходят к аналогичным памятникам II тысячелетия до н. э., доказательством чего служат курганы у с. Кончанского.

Стоянки и более поздние городища, генетически между собою связанные, дают материал, отличный от Волго-Окского междуречья, и связываются со славянскими городищами и селищами великокняжеской эпохи.

Область к югу от территории чудских племен была занята многочисленными племенами антов.

Окруженная с запада, юго-запада и северо-запада славянскими племенами, чудь рано испытала их влияние, о чем свидетельствуют многочисленные находки керамики типа полей погребальных урн или керамики, возникшей под их влиянием, а также находки вещей с эмалями, происходящими из среднего Приднепровья.

Наряду с этим можно говорить о проникновении славянского населения в область верхней Волги и Волго-Окского междуречья. На это указывает находка на Березняковском городище домика мертвых, аналогию которому дает материал Пастерского городища из раскопок В. В. Хвойко. Сравнительно немногочисленные трупосожжения в чудских могильниках также принадлежат славянизируемому населению. Этот процесс славянизации был результатом оживленных связей населения лесной полосы с югом, в частности со средним Приднепровьем, а также следствием взаимодействия этого населения. Это нашло свое отражение в материальной культуре и обряде погребения чуди. На севере и востоке центральной области, где влияние среднего Приднепровья сказывалось в меньшей мере, культура чудских племен — мери и веси — сохранилась в более неизменном виде.

Б. А. Рыбаков. *Внутренняя торговля древней Руси по археологическим данным.*

Русская Правда и летописи сообщают нам интереснейшие сведения о товарах, продававшихся на городских торгах в XI—XIII вв. Наряду с одеждой и оружием здесь встречаются и продукты питания, дрова, сено, скот. Грамота Всеволода братству церкви Ивана-на-Опоках свидетельствует об известной регламентации внутренней торговли. Из рассказа летописца о событиях 1214 г. узнаем, что князь Ярослав в одном только городе Торжке захватил две тысячи новгородских купцов, что может указывать на значительное развитие мелкой розничной внутренней торговли.

Более полной характеристики внутренней торговли письменные источники не дают. При дальнейшей разработке этой темы будут важны данные топонимики. Так, например, селения, называющиеся Радогощ, можно связывать с древними торжищами — ярмарками (славянский бог Радогост был богом торговли и его сравнивали с Меркурием). Еще важнее данные археологии. Помимо интереснейших материалов об экспорте и импорте, о таможнях с товарными пломбами русских князей (например, в Дрогичине), археология позволяет расширить сведения о торговле внутри страны и даже о сбыте изделий одного ремесленника.

Метод исследования. Определить среди археологического материала вещи, изготовленные одним мастером, возможно только в том случае, если вещи помечены клеймом мастера или если на вещах ясно прослеживаются отпечатки одного и того же инструмента мастера. Такими инструментами в XI—XII вв. были: штампы для тиснения серебра (колтов, очельев), штампы для чеканки монет и печатей, пуансоны для чеканки орнамента, зубчатые колеса для орнаментации височных колец и браслетов, гончарные круги с клеймом. Но лучше всего про-

слеживается тождество по литейным формам. Все металлические предметы, отлитые в одной и той же литейной форме (изготовленной из камня или из глины), сохраняют на своей поверхности все детали этой формы, все мельчайшие линии орнамента, вплоть до дефектов резьбы, до дрожания руки резчика формы. Задача заключается в том, чтобы на какой-нибудь многочисленной категории однородных по внешнему виду предметов проверить это положение и попытаться найти среди

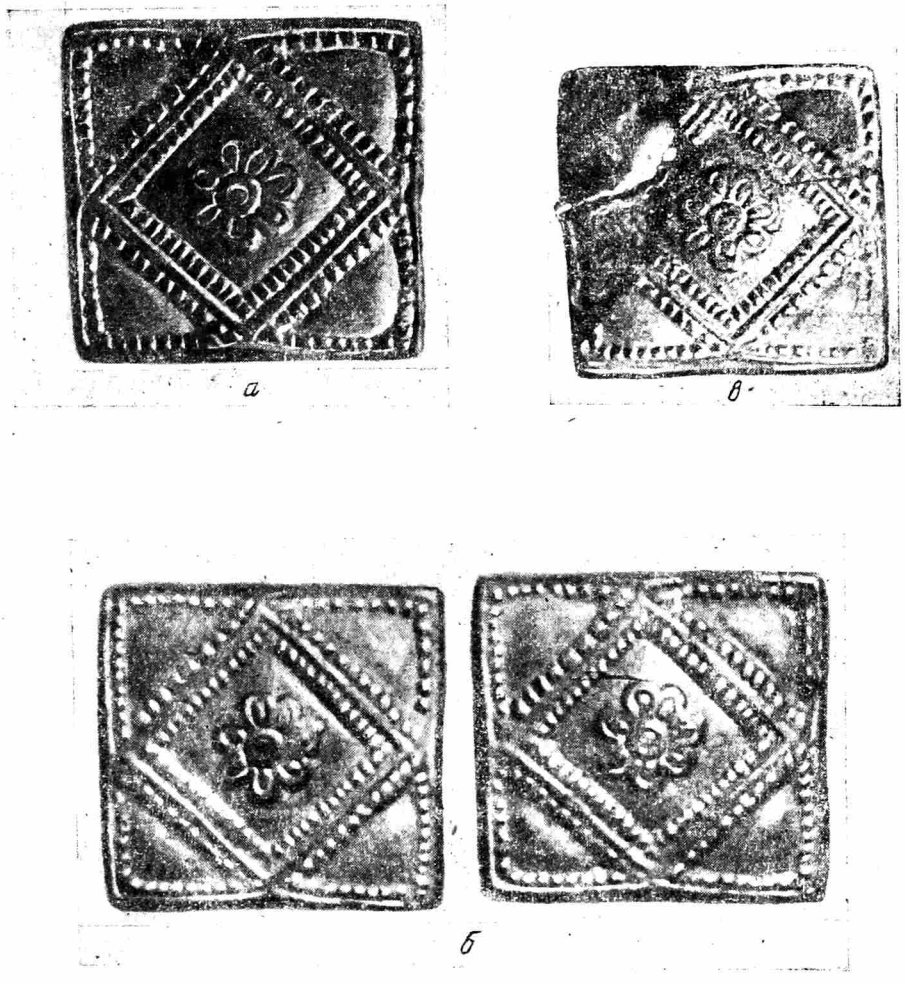


Рис. 36. Серебряные бляшки XIII в., отлитые в одной литейной форме. Найдены в следующих пунктах:
а — Звенигород, *б* — с. Тушино, *в* — с. Троицкое близ Москвы.

них тождественные вещи, отлитые в одной литейной форме. Для начала мною были выбраны вятические семилопастные височные кольца. Несколько сотен этих височных колец из коллекции ГИМ были разложены на столах и тщательно сравнены друг с другом. По формуле $X = \frac{a^2 - a}{2}$, где a — количество предметов, а X — количество сопоставлений, мне для одних только семилопастных колец пришлось сделать 93 тысячи сопоставлений. Тождественные экземпляры нашлись.

Продолжение работы над другими категориями предметов полностью подтвердит выводы о возможности определения вещей, изготовленных одним мастером (рис. 36, *а*, *б*, *в*).

Выводы. После установления тождества вещей все места находок предметов, изготовленных одним мастером, наносились на карту и соединялись замкнутой линией. Оказалось, что район распространения вещей, вышедших из одной мастерской, является районом замкнутым и обособленным, не пересекающимся с районом сбыта другого мастера.

Русские *деревенские* ремесленники XII—XIII вв. обслуживали очень небольшой район протяжением в 10—20 км. Это вполне соответствует нормам средневековой экономики, когда деревенский рынок должен был обслуживать такую малую округу, чтобы крестьяне в течение дня, от восхода солнца, могли дойти до места продажи изделий и вернуться домой (Англия XIII в.). Всего в земле вятичей должно было быть 150—200 таких небольших обособленных районов сбыта, обслуживаемых каждый особым мастером.

Район сбыта *городских* мастеров был несравненно шире, достигая 100—200 км по протяжению. Особенно интересным является установление специальных производств в крупных городах (например, в Киеве, Смоленске и др.), рассчитанных на сбыт городских ремесленных изделий в деревне. Дешевые предметы, рассчитанные на массовое производство и массовый сбыт (крестики с выемчатой эмалью, браслеты из стекла, шиферные пряслица и другой «щепетильный» товар), расходились из Киева по всем русским землям от Буга до Волги и от Ладоги до Роси.

Изделия одного и того же мастера оказываются разобщенными на сотни километров. Такой широкий сбыт требовал специальных торговцев-посредников (вспомним события 1214 г.). Наличие в городах специального производства для сбыта в деревню, приспособление ремесленной техники к массовому изготовлению на широкий внутренний рынок свидетельствует о высокой культуре русских городов XII—XIII вв., преодолевших первоначальную замкнутость натурального хозяйства. Такие города, как Киев, Новгород, Смоленск, Владимир, можно сравнивать в этом отношении с крупнейшими центрами передовых стран Западной Европы. Нашествие монголов уничтожило эту городскую культуру и прервало начавшую развиваться связь города с деревней.

М. К. Каргер. *Итоги археологических раскопок в Киеве за 25 лет.*

Дореволюционная русская археология накопила большой материал из раскопок древних некрополей; исследование же крупных городских комплексов почти не производилось. Лучше других городов изучался Киев, начало серьезного археологического исследования которого положено в 80-х годах XIX в.

К началу XX в. относятся работы В. В. Хвойко, шедшего однако в своих исторических обобщениях по неправильному пути. С 1908 по 1914 г. работы велись Д. В. Милеевым, но большая часть документации их не сохранилась. За эти годы велись раскопки древнейшего Киева, охватив период с конца X и по XIII в.— до монгольского нашествия (1240).

Археологические работы советского периода за последние 25 лет по своим результатам во много раз превзошли все то, что было сделано раньше.

Далее докладчик останавливается на отдельных выдающихся открытиях, начиная с Десятинной церкви, под фундаментом которой еще Д. В. Милеев открыл многочисленные погребения эпохи Владимира (т. е. времени до сооружения церкви), но датировал их неверно, как и А. А. Спицын, относивший эти погребения в деревянных ящиках к XI—XII в.

В 1938—1939 гг. под фундаментом основной части Десятинной церкви было открыто множество других подобных погребений, относящихся к концу IX — началу X в. Среди них встречены и бедные и богатые погребения в виде больших деревянных срубов с накатом и курганной насыпью. В них оказались парные и женские погребения. Основные типы составляют погребения 1) дружинника с конем, 2) дружинника с женой (отдельно погребен конь), 3) женские погребения (см. КС ИИМК, IV).

Раскопками 1936—1937 гг. был обследован ров, отделявший древнее городище IX—X в. от некрополя. В дальнейшем за этим рвом были выстроены Десятинная церковь и город Ярослава с храмами Ирины, Георгия и др. Городище, современное некрополю и рву, заполняли землянки или полуземлянки; для инвентаря характерны лепная керамика и лепные пряслица. На территории Киева было по крайней мере три (может быть, и больше) древних городища и три некрополя (см. КС ИИМК, VI).

Раскопки города на территории Златоверхого Михайловского монастыря также дали жилища типа полуземлянок: это глинобитные сооружения с деревянными каркасами, наполовину опущенные в землю. Особенно интересна землянка ремесленника-живописца, служившая не только жилищем, но и производственным помещением. Она была разрушена в 1240 г. монголами (см. КС ИИМК, X). Землянки IX—X в. в основном не отличаются от землянок XII—XIII в.

В результате археологических исследований Киева последнего 25-летия значительно продвинуто вперед выяснение внешнего вида города и жизни ремесленников. Большие работы проделаны по изучению Десятинной церкви: удалена Стасовская церковь и вскрыт и восстановлен полностью весь план древней постройки.

Благодаря работам Института Археологии УССР археологическое исследование Киева продвинулось особенно далеко, дав исключительную по богатству и внутреннему содержанию историческую картину.

10.VI состоялись следующие доклады:

А. В. Арциховский. *Археологическое изучение Великого Новгорода за 25 лет.*

Докладчик отмечает, что до революции в Новгороде раскопок не производилось. Только в 1932—1937 гг. начались раскопки на Славенском холме (вели А. В. Арциховский и М. К. Каргер).

Культурные слои в Новгороде выражены очень четко. Основной слой Новгорода датируется каменной 3-метровой крепостной стеной, которая, по летописи, была построена в 1335 г. Стена эта, обнаруженная в первые же дни раскопок, шла параллельно городскому валу; она не была достроена. Рядом с ней обнаружены срубы XI—XII вв. Отчетливо прослеживаются два их яруса: верхний относится к XII в., нижний к XI в. Лучше всего сохранилась изба сапожника XII в. Характер соседних построек — кузницы, маслобойни, мастерской игрушек — свидетельствует о том, что данный район города был заселен ремесленниками. Один из срубов (амбар для зерна) может быть датирован XIII в. Сохранность дерева на разных участках различная: чем глубже, тем сохранность бо́льшая.

Мнение многих историков о том, что Славенский холм является районом первоначального заселения города, не подтверждается. В XIV в. он еще имел военное значение, но стена здесь не была достроена; в XV в. ее разрушили для устройства кладбища. Многие могилы датируются монетами, положенными при погребении,— обычай, для других

русских поселений не отмеченный. Преобладают монеты новгородские, псковские, тверские.

Среди находок, обнаруженных на Славенском холме, докладчик отмечает свинцовые печати с надписями, свинцовые пломбы, орудия труда, до сих пор неизвестные: клещи, топоры, молоток, скобель для сдирания коры, оковка лопаты, жернова, серпы, медный нож, копья, стрелы. Найдено много деревянных вещей — ковш, мешалка, совок, жомы и др.; много стеклянных браслетов. Кроме того встречены книжные застежки, костяные изделия, кожаные ножны с растительным орнаментом, железные шипы для хождения по льду, днища сосудов с гончарными клеймами и др. Предметы прикладного искусства имеют аналогии в курганах того же времени (шумящие привески и др.).

В 1938—1939 гг. велись раскопки на Ярославовом Дворище, являвшемся важным политическим центром Новгорода. До переворота 1136 г. там был княжеский дворец. После изгнания князей на Ярославовом Дворище стало собираться вече. Поскольку на этой территории в период раскопок был расположен металлургический завод, раскопки охватили лишь ограниченную территорию: ни княжеские, ни вечевые сооружения не обнаружены. Раскопки производились и вокруг Николо-Дворищенского собора, к югу от которого была вечевая площадь, а к северу — торг. На площади торга найдены остатки лавочных строений, водопроводные и водоотводные деревянные долбленые трубы XI—XV вв. В местах стыка трубы обмотаны берестой. Вода шла из ключей. Водоотводные дренажные трубы устроены иначе, чем водопроводные.

Далее обнаружен 14-венцовый сруб (погреб или ледник). Венцы перенумерованы плотничьими отметками. Из вещей следует отметить кусок кольчуги.

Изучена кладка Николо-Дворищенского собора: на глубине 4 м обнаружен основной фундамент; стена сложена равномерно из тесаных камней и плиточного кирпича, что характерно для новгородского строительства. Встречена декоративная ниша, подобная нишам Георгиевского собора, открытым М. К. Каргером. Верхняя часть фундамента белокаменная, нижняя — сложена из валунов.

На торгу раскопана также деревянная мостовая. Новгород был замощен уже с XI в. (мощение французских городов началось с XII в., немецких — с XIV в., английских — с XV в.). Новгородская мостовая состоит из поперечных плах и продольных лаг. В 6-метровом промежутке между мостовыми в XII в. существовали лавки с заборами. На этом участке торговали съестными припасами — найдены зерна ржи, пшеницы, овса, ячменя, семена яблок, огурцов, малины. Найдена костяная кубическая игральная кость с таким же расположением очков, как на современных костях.

Среди других находок отмечены гончарные клейма, стрела, деревянная чашка, железный молоток, костяные орудия, кусок кольчуги, обувь — остроносая и тупоносая, кожаный кошелек, деревянная утварь, разные бронзовые и железные вещи, изразцы XV—XVI вв. с зеленой поливой и др.

В результате раскопок на Славенском холме открыт интересный уголок древнего города. Выяснен ремесленный характер этого района, техника многих производств; найденные печати дают материал для политической истории города. Теперь можно утверждать, что Новгород был не только торговым, но и ремесленным городом. Хронологическая стратиграфия раскопанного района позволяет датировать керамику и другие вещи.

На Ярославовом Дворище уточнена топография района, добыты новые данные по городскому благоустройству XI—XV вв., жилищам, сельскому хозяйству.

Продолжение раскопок сулит еще более интересные результаты.

Л. М. Славин. *Археологические исследования Украинской Академии Наук за 25 лет* (помещен в настоящем выпуске КС ИИМК).

М. М. Герасимов. *Опыт реконструкции этнического портрета* (основное содержание доклада будет изложено в КС ИИМК XVII).

А. В. Мишулин. *Испанская археология за последнее десятилетие.*

Б. Р. Виппер. *Новые проблемы советского искусствознания.*

На имя Института, в связи с его 25-летием, получены поздравления от следующих учреждений и лиц:

Академии Наук Украинской ССР
Группы истории Академии Наук Белорусской ССР
Института истории Академии Наук СССР
Института этнографии Академии Наук СССР
Всесоюзной Академии архитектуры
Государственного Исторического Музея
Государственного Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
Исторического факультета МГУ
Кафедры археологии исторического факультета МГУ
Кафедры искусствознания филологического факультета МГУ
Института антропологии МГУ
Научно-исследовательского Института музейной и краеведческой работы НКП и его археологической секции
Члена-корреспондента АН УССР Л. М. Славина
От Шуба, Башарина и Окладникова (Якутская ССР)
Проф. В. К. Лукомского (Москва).

Пленум ИИМК послал приветственные письма *Иосифу Виссарионовичу Сталину* и *Вячеславу Михайловичу Молотову.*

ЮБИЛЕЙНОЕ ЗАСЕДАНИЕ ТАШКЕНТСКОЙ ГРУППЫ ИИМК

На заседании Ташкентской группы ИИМК, состоявшемся 18 апреля 1944 г.— в годовщину основания Института и посвященном 25-летию его деятельности, были заслушаны четыре доклада: А. Ю. Якубовского (повторен на пленуме ИИМК, см. выше), С. Н. Замятнина, Т. Н. Кипович, А. Н. Бернштама и М. А. Тихановой. Ниже приводим их сокращенное изложение.

С. Н. Замятнин посвятил свое выступление *исследованиям по первобытной археологии в СССР за 25 лет.*

Докладчик отмечает, что Археологическая комиссия, на базе которой была организована РАИМК, вообще исключала из своего поля зрения проблемы первобытного общества. Отдельные мероприятия, направленные на исследование этих проблем, не могли изменить положение дела.

В большей, но совершенно недостаточной, мере эта тематика была отражена в деятельности археологических обществ — Русского, в Пе-

тербурге (где все же не было соответствующего отдела и работы шли по разряду «Русской и славянской археологии»), и Московского и созываемых им всероссийских съездов, а также некоторых провинциальных организаций.

Лучше всего дело обстояло с изучением эпохи бронзы. Не только были накоплены обширные материалы, но в значительной мере они были упорядочены, классифицированы. Таковы работы А. А. Спицына по фатьяновской культуре и его сводка по курганам со скорченными и окрашенными костяками; такова не утратившая значения классификация этих памятников, данная В. А. Городцовым на основе своих обширных раскопок в Изюмском (1901) и Бахмутском (1904) уездах, работа того же В. А. Городцова о культурах бронзового века Средней России (1913) и т. д.

Яркие результаты дало исследование памятников энеолитического времени среднего Приднепровья, так называемой трипольской культуры.

Много хуже обстояло дело с неолитом. Несмотря на весьма значительные коллекции, накопленные в музеях и довольно широко отраженные в печати, сколько-нибудь отчетливое понимание этого периода отсутствовало. Отсутствовала хотя бы предварительная хронологическая разбивка материала. Только к 1916 г. относится известная, сделавшая эпоху, работа П. П. Ефименко о ранне-неолитических местонахождениях верховьев Волги, появившаяся на страницах Русского Антропологического журнала.

В еще более печальном положении находилось изучение культуры человека четвертичного периода на территории Российской империи. Развернувшиеся в 70-х и в самом начале 80-х годов исследования затем резко оборвались. Само занятие культурой первобытного человека делало исследователя подозрительным для царского правительства.

Наметившееся оживление после 1905 г., связанное с деятельностью Ф. К. Волкова и его учеников, мало изменило положение вещей.

Опубликованная в 1915 г. сводка А. А. Спицына «Русский палеолит» была своего рода сигналом о бедственном состоянии у нас этой отрасли археологического знания.

Дело резко изменилось после Великой Октябрьской Революции. Шагом большой принципиальной важности был уже самый факт объединения во вновь организованной Академии истории материальной культуры специалистов, изучающих все отрезки исторического прошлого человечества и все виды источников, могущих служить освещению этого прошлого.

С тех пор ГАИМК, а затем Институт АН СССР приобрели значение руководящего центра археологических исследований в нашей стране. Направление этих исследований и их достижения в значительной мере определялись деятельностью института; на нем же в первую очередь лежит и ответственность за те ошибки и упущения, которые были в этой работе.

Бурно развернувшиеся в первые же годы после гражданской войны раскопки, сначала на Дону, под Воронежом, в Восточной Сибири — на Енисее и в Крыму, а затем и во многих других местах, резко и коренным образом изменили наши представления о палеолите. Уже раскопки первых лет в Костенковско-Боршевском районе позволили на собственном материале построить хронологическую классификацию, проследить шаг за шагом развитие культуры верхне-палеолитического человека на Дону, в Крыму, позже на Кавказе, на Украине (главным образом на Десне), на Енисее и в Прибайкалье.

Многие области Советского Союза, зиявшие «белыми пятнами» на археологической карте, изучены с большей или меньшей полнотой, бу-

дучи впервые освещены исследованиями этих лет. Не только Белоруссия или Урал, Приазовье или Черноморское побережье Кавказа, но и горная область Южного Узбекистана в сердце Азии, у границ Афганистана, и суровая тайга на Лене и далекие Селенга и Онон в Забайкалье доставили нам ряд местонахождений, нередко первостепенного значения.

Вместо двух десятков пунктов находок остатков культуры четвертичного человека, из которых только семь были исследованы более или менее систематически, сейчас нам известны свыше трехсот местонахождений, из которых значительная часть подвергнута детальному исследованию.

Значительно расширился и хронологический диапазон известных ныне местонахождений. Вместо двух отрывочных указаний на находки ранних мустьерских памятников сейчас мы располагаем целым рядом тщательно исследованных мустьерских местонахождений в Крыму и на Кавказе, на Украине и в Узбекистане.

Систематические, в течение ряда лет проводившиеся экспедиции АН СССР (МАЭ, затем ИИМК и Геологического института) дали возможность установить на Черноморском побережье Кавказа, помимо многочисленных верхне-палеолитических и мустьерских стоянок, целый ряд местонахождений, относящихся к еще более глубокой древности, ранее не известных на территории Советского Союза и пока что являющихся наиболее ранними следами человеческой деятельности в нашей стране.

Впервые на нашей территории были найдены костные остатки четвертичного человека и среди них две находки костных остатков неандертальца (Киик-коба в Крыму и Тешик-таш в Узбекистане).

Древнейшие из известных нам памятников художественной деятельности первобытного человека — знаменитая Венера из Брасампуи и Венера из Виллендорфа, ментонские и другие скульптуры этого типа превзойдены и количественно и качественно изумительными находками в Костенках и Гагарино на-Дону, в Мальте и Бурети в Прибайкалье.

Для познания своеобразного восточно-мадленского искусства, кроме ранее известных Мезина и Киево-Кирилловской стоянки, мы располагаем теперь великолепными открытиями в Елисеевичах и Тимоновке.

Накопленный фактический материал позволил археологам Советского Союза подойти к изучению сложных проблем истории человечества четвертичного периода на основе единственной научной методологии — методологии диалектического материализма.

Новые задачи, ставшие перед археологами — дать историю хозяйства первобытного человека, социального строя и т. д.,— потребовали изменить и методику археологического исследования. Так, например, достаточно было перенести на исследование палеолитических местонахождений практику изучения их не только в разрезе, но и в плане (а исторически так сложилось, что этого почти никогда не делалось, а на западе и поныне не делается), и применить вскрытие большими площадями, чтобы ясно наметилась картина изменения типа жилищ и характера поселений и проступающее за ними изменение социальной организации.

Напомню здесь не имеющую примера в западноевропейских раскопках картину палеолитических жилищ в Гагарине и Костенках I, Александровке, Тельмановской стоянке, Пушкарях и ряде других местонахождений.

В качестве добавления к видовым определениям костных остатков с палеолитических стоянок вошли в практику определения количества особей каждого вида (и, в связи с этим, требование полностью, а не вы-

борочно, как раньше, собирать определимый материал); это позволило проследить изменение значения тех или иных видов промысловых животных и в связи с этим изменение самой техники охоты на протяжении ледникового периода (в отношении позднейших остатков домашних животных этот же прием дает динамику состава стада и т. п.).

Пытливая работа по усовершенствованию методики работы идет на всех участках, во всех звеньях археологического исследования. То, что уже сделано, подчас кажется до-нельзя простым, но далось это в свое время не легко. Достигнутые успехи в этом направлении являются лишь первыми шагами, но и они способствовали существенным сдвигам во многих наших привычных представлениях.

В области неолита многие категории памятников впервые были осмыслены, а зачастую и впервые подвергнуты изучению, только за истекшие два с половиной десятилетия.

Таковы мезолитические и ранненеолитические (кампинийские) памятники Украины и Белоруссии, Крыма и Закавказья, своеобразнейшие памятники так называемого арктического палеолита, рассказывающие о древнейшем заселении крайнего севера нашей страны, изумительные гравировки и росписи «Каменной могилы» близ Мелитополя и Зараут-Сая в Узбекистане.

Для изучения развитого и позднего неолита огромное значение имеют многочисленные и ранее почти совершенно не известные погребения этого времени: в европейской части страны — Языково и Олений остров, Мариуполь и Нальчик; для азиатской — неолитические могильники Ангары, позволившие дать детальную периодизацию восточносибирского неолита.

Совершенно новые страницы прошлого открывает изучение петроглифов Карелии, впервые научно описанных, а в подавляющем большинстве только за эти годы открытых. Произведен ряд детальных и точных исследований поселений развитого неолита — Льялово и Кубенино, Горбуново с его великолепной деревянной скульптурой, Панфилово и много других.

Впервые становятся ясными, в свете непревзойденных по точности обширных и систематических раскопок недавних лет, загадочные «площадки» энеолитической трипольской культуры.

Несмотря на бóльшую, казалось бы, изученность памятников эпохи бронзы, и здесь ход исследований приводит не только к упорядочению и расширению наших знаний, к стиранию «белых пятен», освещению целых неизвестных областей (например, работы С. А. Теплоухова и затем С. В. Киселева на Енисее, А. П. Круглова в Дагестане), но и к полной перестройке наших представлений.

Так, проводившиеся уже во время войны исследования А. П. Окладникова в Якутии показали, что во II тысячелетии до н. э. бронзовая культура была распространена по Лене и ее притокам далеко на север, вплоть до Полярного круга. Тем самым была разрушена устойчиво державшаяся легенда о том, что значительная часть населения Сибири сохраняла пережиточную неолитическую культуру до очень позднего времени, чуть ли не до прихода русских (как это имело место в XVIII в. на Камчатке, по свидетельству Крашенинникова).

По-новому стали пониматься, казалось бы, хорошо изученные курганы эпохи бронзы в бассейне Донца и Дона, приписывавшиеся ранее кочевому населению. Исследованные здесь поселения этого времени показали, что преобладающим типом жилища были обширные долговременные сооружения типа землянок, что земледелие имело большое (пожалуй, преобладающее) значение в хозяйстве местного населения; стала ясной — благодаря обилию находок литейных форм почти в каждом

жилище — и значительно бо́льшая роль металла в повседневном быту, чем это можно было себе представить по погребальному инвентарю.

Исключительные открытия были сделаны в Закавказье. Блестящие раскопки Б. А. Куфтина, не так давно проводившиеся им в бассейне р. Храм в южной Грузии, показали нам наличие здесь богатой и развитой металлической культуры во II тысячелетии до н. э.— культуры, которая во многом была наследницей шумерийской цивилизации Месопотамии.

Накопленный обширный материал и новое его понимание дали возможность приступить к написанию обобщающих трудов. Таковыми являются первые тома «Всемирной истории» и «Истории СССР». Опыт этой обобщающей работы указал и на те слабые участки нашей работы и на те пробелы наших знаний, которые ясно определяют ближайшие насущные задачи исследований.

Т. Н. Книпович выступила с докладом: *«Античная археология северного Причерноморья в ГАИМК — ИИМК за 25 лет»*.

В Академии истории материальной культуры в первые годы ее существования археологическое изучение античных колоний северного Причерноморья велось в двух ячейках: в возглавляемом Б. В. Фармаковским разряде «Ольвия» и в разряде археологии Эллады и Рима, где работали главным образом над эпиграфическим материалом северного Причерноморья академики С. А. Жебелев и В. В. Латышев.

В последующие годы разряд «Ольвии» стал называться «разрядом греко-римского искусства», что было связано с расширением его тематики: сотрудники его стали заниматься древностями не только Ольвии, но и других колоний. С 1924 г. возобновились, под руководством Б. В. Фармаковского, раскопки Ольвии, что сразу всколыхнуло жизнь антиковедов. Но настоящее изменение имело место позже, не ранее 1928—1929 гг.

В работах этого периода и в сопровождавших их дискуссиях было допущено, несомненно, много ошибок, много перегибов, но в итоге выковались некоторые основные установки, утвердившие и упрочившие подход к археологическому материалу как к историческому источнику. Этот новый подход, явившийся основным положительным результатом указанного периода, отразился и в раскопочной и в научно-исследовательской работе последующего времени, проводившейся кафедрой северного Причерноморья рабовладельческого сектора ГАИМК, а затем (после перехода ГАИМК в систему Академии Наук) — сектором древнего Причерноморья.

В Ольвии в течение первых лет Б. В. Фармаковским создан был коллектив работников, продолжавший и после его смерти (1928) раскопки, проводившиеся совместно с украинскими археологами. Продолжалась также работа и в Херсонесе и на территории Боспорского царства, в том числе в отдаленном его участке — районе древнего Танаиса. Но в выборе объектов ясно сказался новый подход. Был поставлен вопрос об исследовании не только крупных центров, но и целых областей, включающих все, в том числе самые незначительные поселения. Раньше всего это проявилось в работе на территории дельты Дона и впервые дало возможность правильно определить роль и положение Танаиса по отношению к другим поселениям той же области. То же значение имеют раскопки поселений района Ольвии, начавшиеся в последние перед войной годы, а также расследование тесно связанного с Херсонесом Гераклейского полуострова. Особенно же плодотворными и интересными оказались систематические раскопки поселений центральной части Боспорского царства. Таковы раскопки Фанагории на

Тамани и работы в двух поселениях Керченского района — Мирмекии и Тиритаке, начавшиеся в связи с новостройками на этой территории. В Тиритаке были обнаружены остатки крупных рыбопромышленных предприятий с целой системой ванн, в которых производился засол заготовлявшейся на экспорт рыбы. В Мирмекии — интереснейшие винодельни. Эти исследования рисуют нам Тиритаку как центр рыбопромышленности, а Мирмекию — как центр виноделия на Боспоре. В результате мы получили представление о хозяйстве района Пантикапея, его масштабах и высоком техническом уровне.

Бросается в глаза большое количество обнаруженных в советский период различного рода производственных и хозяйственных сооружений. Кроме уже упоминавшихся виноделен и рыбопромышленных предприятий Мирмекии и Тиритаки, были открыты гончарные печи Пантикапея, Фанагории и Ольвии, ольвийские хлебопекарни и металлургические горны.

Самые города стали исследоваться более полно, во всех их частях, в противоположность прежним стремлениям непременно искать центр, «агору». Характерно, что в Ольвии участком, исследованным наиболее полно и давшим наиболее интересные результаты, явилась именно окраинная, а не центральная часть города (участок «И»).

Наряду с изучением уникальных находок, которые в столь большом количестве дали новые раскопки, внимание исследователей привлек материал, прежде казавшийся несущественным и неинтересным,— прежде всего местная керамика, преобладающее большинство которой представляет простую обиходную посуду; стали собирать предметы хозяйственного и производственного назначения, как грузила и пряслица, жернова и зернотерки.

Существенное значение имели и расследования некрополей, хотя и более скромные по масштабу, чем в дореволюционное время. Внимание к мельчайшим деталям, дающим представление об особенностях погребального обряда, привело к возможности использовать открытые в советский период некрополи для выяснения вопроса о составе населения причерноморских колоний. В качестве примера можно сослаться на результаты исследования ольвийского некрополя VI в. до н. э., расположенного на территории участка «И», и херсонесского V—IV вв. до н. э.; оба некрополя дали ценный материал по вопросу о греческом и туземном населении в начальный период жизни колоний.

В результате этих изменений в постановке археологических исследований поселений северного Причерноморья, создавались новые предпосылки и для всей последующей исследовательской работы. Большое значение для этой работы имело руководство сектором античных колоний северного Причерноморья такого большого ученого, как акад. С. А. Жебелев, погибший в осажденном Ленинграде, много работавший именно над историей колоний северного Причерноморья (преимущественно по источникам письменным), особенно Боспора, в частности над историей его общественного и экономического развития.

Другой исследователь, сыгравший важную роль в создании новой археологической науки, также погибший в осажденном Ленинграде, А. Н. Зограф внес в археологию вклад исключительного значения своими работами по нумизматике колоний северного Причерноморья.

Исследовательская работа большинства остальных участников античной группы ГАИМК — ИИМК связана была по преимуществу с их полевой археологической работой. Сюда входят как публикация результатов раскопок, так и исследование некоторых важнейших археологических комплексов, а также отдельных памятников и групп памятников.

Среди публикаций результатов новейших раскопок следует выделить два сборника, один из которых посвящен Ольвии, другой — Боспору и Херсонесу; подготовлены к печати и вторые выпуски обоих этих изданий. Характерно, что среди авторов статей мы встречаем не только археологов и историков, а также биолога и химика. Совместная работа представителей различных специальностей дала несомненные плодотворные результаты.

Громадный материал, накопленный за последнее время, ставит на очередь написание обобщающих работ. К сожалению, из монографических исследований обобщающего характера закончены и вполне подготовлены к печати только две: работа Т. Н. Книпович о Танаисе и ценная работа А. Н. Зографа — «Античные монеты».

В 1941 г. коллектив сектора древнего Причерноморья с участием специалистов из других учреждений в основном закончил написание обширного колективного труда «Античная культура северного Причерноморья». Этот большой научно-популярный труд, охватывающий все стороны многообразной культуры северного Причерноморья в античную эпоху, явился своего рода смотром проделанной ранее работы и итогом ее. Особое внимание в работе уделено местным явлениям северного Причерноморья, выявляющим своеобразие этой области античного мира.

А. Н. Бернштам охарактеризовал *археологические работы ИИМК в Средней Азии за 25 лет*. Докладчик отмечает две характерные черты того наследия, которое в области изучения Средней Азии ГАИМК получила от Археологической комиссии: изучение архитектурных памятников и исторические исследования Средней Азии, на базе которых развивалась археология. Изучение архитектуры порождало интерес к эпиграфике, а исторические труды вызвали усиление занятий нумизматикой. Во всем этом отразился круг интересов и специальность первого руководителя среднеазиатского сектора ГАИМК акад. В. В. Бартольда.

Исторические труды В. В. Бартольда и его немногочисленного коллектива, как и значительные успехи русского востоковедения дореволюционных лет, послужили основой дальнейшего и плодотворного развития среднеазиатской археологии в ГАИМК в течение второго десятилетия ее деятельности.

Важнейшим успехом работ ИИМК в Средней Азии было не только охват изучением новых территорий — Хорезма и Семиречья, Ферганы и Согда, и не только более совершенная археологическая методика, но и то, что удалось познать основные черты культур, сменявшихся на территории Средней Азии в древности и в средние века, познать эти культуры как самостоятельную среднеазиатскую цивилизацию.

Археологами Средней Азии прослежены культурные влияния, идущие от Хэнани, пересекающие Тарим, захватывающие Тянь-Шань и уходящие в таежные просторы Сибири, и влияния, идущие от Индийского океана и достигающие отрогов Урала. Эти культурные связи служат ныне базой для решения проблем этногенеза.

Теперь выясняются такие вопросы, как согдийская колонизация Семиречья, как кара-китайская культура. Исследования укрепленных домов и городов Хорезма и Согда позволяют более уверенно говорить о среднеазиатской античности.

Сильно продвинута вперед тюркская, согдийская и хорезмийская нумизматика, значительно расширяющая наши познания в области политической истории Средней Азии.

Все это дало возможность приступить к обобщающим трудам по истории Средней Азии.

В перспективе — огромная работа по составлению археологической карты Средней Азии, которая очертит культурные массивы этой территории в разные исторические периоды. Необходимо завершить археологическое обследование долин великих рек Средней Азии, а вместе с тем провести исчерпывающие раскопки основных археологических памятников; необходимо охватить исследованием не только советскую часть Средней Азии, но и зарубежную. Особенно актуальной должна стать проблема связи Средней Азии с Восточной Европой — древней Русью; исследование этой проблемы осветит ту глубокую историческую общность народов нашей страны, спаянных ныне в великий Советский Союз, которая уходит своими корнями в глубокую древность.

М. А. Тиханова сделала доклад на тему *«Изучение славянства и древней Руси в ГАИМК — ИИМК за 25 лет»*.

Дореволюционная русская наука накопила большой материал по археологии славян, хотя далеко еще не систематизированный, часто случайный и большею частью не опубликованный и еще менее исторически осмысленный. При этом из древнерусских памятников объектами исследования являлись лишь могильники — курганы славян — и некоторые архитектурные памятники. Ни один из древнерусских городов — таких как Новгород, Псков, Старая Рязань и даже Киев (в его старой Владимиро-Ярославовой части) — не подвергались систематическому раскрытию и изучению.

Исследование городищ и поселений начато было, по существу, лишь в послереволюционное время. Значительно шире исследовались памятники древнерусского искусства — памятники живописи и зодчества. Но и здесь научный подход к этим памятникам, их осмысление и использование в качестве исторических источников были редким явлением.

Уже первые годы существования ГАИМК, в деле изучения древнерусской культуры и культуры славян, должны быть отмечены как этап большой и плодотворный. Накоплен был огромный материал. Немало сделано было в деле охраны памятников, их реставрации, подготовки целой школы архитекторов-археологов, а также специалистов художников-копировщиков. Проведена была очень большая работа по изучению памятников древнерусского зодчества, их фиксации, обмерам, восстановлению путем разведочно-архитектурных раскопок первоначального облика монументальных памятников, по расчистке, укреплению и копированию настенных росписей, мозаик и памятников станковой живописи. Весь этот огромный материал, далеко еще полностью не использованный и не опубликованный, приобретает совершенно исключительное значение в настоящее время, когда многие памятники подверглись разрушению, а иногда и полному уничтожению или хищническому разграблению гитлеровскими оккупантами.

Второй этап в истории ГАИМК, начало которого совпадает с годом великого перелома в жизни всей нашей страны (1929), ознаменовался поворотом коллектива ГАИМК на новые пути марксистско-ленинской методологии. Но наряду с этим второй этап жизни ГАИМК отмечен был и некоторыми болезненными явлениями, отражавшими тогдашнее состояние всего исторического фронта. В те годы в Академии был организован ряд институтов, в том числе наиболее крупный — феодальный, с чисто историческими кафедрами. Археологию как историческую дисциплину пытались смести вовсе и выхолостить ее содержание. Археологические работы по изучению древней Руси проводились тогда

в незначительном объеме, преимущественно по линии археологического обследования на новостройках или в связи с реставрацией монументальных памятников.

Третий этап в жизни ГАИМК — ИИМК совпадает с общим переломом на историческом фронте, вызванным решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР о преподавании гражданской истории от 23.V 1934, замечаниями т.т. Сталина, Кирова и Жданова на конспект учебника по истории СССР (от 8.VIII 1934), и особенно ярко проявляется в последние годы в связи с выходом «Краткого курса истории ВКП(б)». Для этих последних лет деятельности ГАИМК, реорганизованной в Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР, характерны оживление и развитие археологической работы и постановка новых широких исторических проблем. Организован был и существует в настоящее время сектор древней Руси и Восточной Европы. Именно здесь, идя по пути, указанному основателем Академии Н. Я. Марром, объединились в деле изучения проблем культуры древней Руси историки-письменники, археологи, историки искусства, историки музыки, лингвисты, литературоведы, правовики, нумизматы, востоковеды и западники, ибо ни один из представителей каждой из этих специальностей не мог бы в одиночку разрешить проблему культуры древней Руси.

Только комплексное изучение на основе марксистско-ленининского метода дает возможность от Руси киевской углубиться в Русь докиевскую, понять ее место и значение в системе культур и политических образований современных ей Западной и Восточной Европы. Такова первая проблема, которой занят был сектор.

Этот же комплексный метод изучения материала позволяет пойти дальше, углубиться и в вопросы сложения русского и братских — украинского, белорусского и молдавского народов, а также и в проблему этногонии славянства. Это чрезвычайно тонкая и сложная проблема являлась второй основной проблемой, над которой работал сектор, вернее, над правильной постановкой и выработкой правильных путей ее разрешения.

В связи с постановкой больших исторических проблем и выдвижением историко-культурной тематики начали проводиться систематические обследования отдельных районов, систематическое археологическое изучение древнерусского города, а в самое последнее время и сельских поселений. Особо важное значение имело обследование Верхнего Поволжья, где были открыты многочисленные памятники I тысячелетия н. э.— поселения, генетически связанные с предыдущей эпохой, а также обследования в бассейне Оки по древнему водному пути, связывавшему среднюю Оку с верхним Доном, на среднем Дону и т. д.

Чрезвычайно интересны и важны работы по изучению древнерусского города, начатые только в недавнее время, после 1930 г. Большие работы были начаты в Новгороде — в новгородском кремле, на Ярославском дворище, на Славне, на Рюриковом городище. Особое значение имели работы в Киеве — исследование Десятинной церкви, Софии Киевской, городских кварталов с жилищами-землянками киевских ремесленников, исследование киевского некрополя IX—X вв. и древнейшего до-Владимирова города. Наконец, проведены были многолетние работы во Владимире и его окрестностях, в частности исследование княжеского феодального замка в Боголюбове, в результате чего явилась возможность дать полную реконструкцию этого замечательного памятника древней Руси, в основе которого лежит схема древнерусских хором. Работы велись и в Суздале, и в Дмитрове, и в Калинине, и в

Смоленске, и в псковском кремле и в целом ряде других феодальных центров Руси.

В самые последние годы приступлено было к исследованию и изучению сельских поселений, в первую очередь владельческих — феодальных усадеб. В предвоенные годы такие работы были начаты в Новгородской земле, на территории древней Деревской пятины, и дали положительные результаты.

Немало ценных материалов дала и археологическая служба на новостройках: на трассе московского метро, трассе канала Москва — Волга, где преобладают ранне-средневековые могильники и селища, на территории постройки Калужской ГЭС, несколько ниже слияния Угры и Оки, на Средволгострое и т. д.

В результате нового подхода к добытому материалу и нового осмысления ранее известного явилась возможность иначе представить себе наиболее древние периоды Руси и первые этапы древнерусского государства. Все это нашло свое отражение в больших коллективных работах Института, в особенности в обобщающем 3-томном труде — «История культуры древней Руси», а также в первом томе «Истории СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства», изданном на правах рукописи.

Мы можем теперь с полным правом сказать, что древняя Русь домонгольского периода, в частности X—XI вв., не только не была отстающей от западноевропейских государств, о чем свидетельствуют и письменные источники, но в некоторых отношениях стояла выше их. Вспомним слова Иллариона: «Не в худе бо и незнаеме земле владычество ваша (Владимир), но еже слышима и видима во все концы земли». Древнюю Русь знают и Восток и Запад, в представлении которых стольный Киев выступает как соперник Константинополя, а Русь в целом (Ruscia) в перечне стран, славных своими достижениями в области художественного ремесла, занимает почетное место — между Грецией и арабскими странами, оставляя далеко позади себя Францию и Германию. Слава о русском золоте и богатстве Руси вошла на Западе в поговорку: «Ne le ferei por tot l'or de Roussie». Образ богатой и могущественной Руси постоянно выступает во французском эпосе.

Наряду с этой проблемой культуры древней Руси перед коллективом встал и другой вопрос, тесно связанный с первым,— проблема этногенеза русского народа, этногенеза славян и расселения древнерусских племен — вопрос сложения того этноса, который является носителем этой культуры.

В этой области Институт только начал работу. Результатом этих предварительных работ и явился VI том «Материалов по археологии СССР», посвященный этногенезу славян. К сожалению, почти весь тираж его погиб во время блокады Ленинграда. Летом 1940 г. совместно с Институтом археологии Академии Наук Украинской ССР была предпринята специальная археологическая экспедиция для обследования ряда районов среднего Поднепровья. Ту же задачу преследовали и разведывательно-раскопочные работы Института археологии Академии Наук УССР в районе порогов Днепра, где был собран большой материал по «культуре полей погребений» первых веков нашей эры.

Работая над вопросом славянского этногенеза, коллектив Института настойчиво выдвигает те или иные гипотезы, но именно как гипотезы, подлежащие дальнейшей проверке. Коллективу Института часто приписывают мнение о тождестве между скифами и славянами Поднепровья. Но это не так. Работники Института прекрасно отдают себе отчет в том, что никакого знака равенства между скифами и славяна-

ми древней Руси, тем более между населением трипольской культуры и населением древней Руси, ставить нельзя, но можно и нужно говорить об единстве исторического процесса, об единстве культурного развития, которое имеет место на этой территории. Мы можем и должны говорить об единстве этногонического процесса на широкой территории среднего Поднепровья, среднего Поднестровья, верхнего Повислянья, нижнего Подунавья и далее на запад, как о территории славянского этногенеза, исследование которого без археологических материалов — наиболее объективных — невозможно.

Занимаясь историей культуры древней Руси, Институт изучал ее не изолированно, а во взаимодействии с культурами окружающего ее мира. В этой связи стоит проводившееся работниками Института изучение средневекового Крыма. Очень важна и другая сложная проблема, которой занимался сектор — алано-хазарская, теснейшим образом связанная с вопросом этногенеза славян.

Внимание сектора привлекала еще более тесно связанная с проблемой славянского этногенеза гото-гуннская проблема, которой придавал такое исключительное значение Н. Я. Марр. «Готский вопрос,— говорил он,— один из основных в истории Восточной Европы. Без его разрешения или хотя бы правильной постановки его решения, думается, этногоническая проблема народов Европейского Востока едва ли сдвинется с места, на котором она застряла». Археологические материалы дают возможность документально опровергнуть все измышления германского фашизма о германской принадлежности культуры северного Причерноморья первых веков н. э., в частности так называемой «культуры полей погребений» и так называемой «готской культуры» и «готского стиля». Существование какой-то особой «готской» культуры в северном Причерноморье первых веков н. э., созданной здесь готами, как утверждают фашистские лжеученые, нет и не было. Так называемая «готская» культура — это культура старого местного оседлоземледельческого населения, сложившаяся в результате многовекового развития местного населения в сложном и постоянном взаимодействии с греческой, эллинистической и римской культурой античных причерноморских колоний. Наивысшего своего расцвета она достигает лишь в послеготский период, в конце IV и на рубеже V в. и распространена на гораздо более широкой территории, чем та, на которой письменные памятники локализируют готов.

В перспективе — продолжение столь успешно начатых работ по исследованию истории древней Руси и проблеме сложения восточного славянства и его расселения; в перспективе — большая работа по изучению памятников древнерусской культуры, пострадавших от немецкого варварства. Выполнение этой задачи — первый долг советских археологов.

ЮБИЛЕЙНОЕ ЗАСЕДАНИЕ ЕЛАБУЖСКОЙ ГРУППЫ ИИМК

18 апреля 1944 г., день 25-летия ГАИМК — ИИМК, Елабужская группа Института отметила открытым заседанием, на котором с речью «25 лет ГАИМК» выступил М. И. Артамонов, вкратце охарактеризовавший путь, пройденный Институтом за это время.

У колыбели советской археологии, как науки с совершенно новыми установками и новыми методами сравнительно со старой дореволюционной археологией, стоял Николай Яковлевич Марр, страстный искатель

истины, революционер, не боявшийся ломать установившиеся научные каноны и прокладывать новые пути. Унаследовав от б. Археологической комиссии функции охраны археологических памятников, новое учреждение, по мысли его основателей, должно было своими исследованиями охватить всю материальную, т. е. овеществленную культуру человечества, что и определило его название.

ГАИМК — ИИМК за Советский период прошел сложный путь. Первое время уточнялась и совершенствовались методика полевых археологических работ, широко использовались приемы сравнительно-типологического анализа памятников и классификации их по культурно-историческим группам. Вместе с тем перед работниками ГАИМК был поставлен вопрос об увязке археологии со смежными историческими дисциплинами. Эта проблема, выдвинутая Н. Я. Марром, была направлена против формалистического вещеведения и сводилась к требованию изучения вещей в их функциональной, социальной значимости. Особенно горячо Н. Я. Марр ратовал за увязку данных археологии с выводами разрабатываемого им нового учения об языке.

Единственным путем к достижению поставленной цели явилось вооружение научных работников ГАИМК марксистско-ленинской методологией. С 1929 г. начинается привлечение в состав ГАИМК историков, не связанных с археологическим материалом. Незнакомство их со спецификой археологической науки явилось причиной того, что от крайностей формализма научные работники были увлечены в другую крайность абстрактного социологизирования и пренебрежения к фактическим данным. Однако наряду с этим ГАИМК дал конкретно-исторические исследования, связанные, главным образом, с полевыми археологическими работами (в частности на новостройках), которые охватили огромные пространства и дали новые высокоценные материалы.

Вхождение ГАИМК в систему Академии Наук СССР способствовало выдвижению на первый план специально археологических вопросов при тесном контакте Института с родственными институтами, разрабатывающими определенные исторические дисциплины. В этих новых условиях содержание археологии стали понимать как историю в ее широком аспекте, основывающуюся на специфическом изучении вещественных остатков прошлого, преимущественно тех эпох, для которых они являются основными источниками. ИИМК с первых моментов организации приступил к обобщающим коллективным трудам по древнейшей истории СССР, истории культуры древней Руси, истории античного Причерноморья, истории отдельных народов СССР и к написанию ряда специальных исследований, из которых особенно важными являются исследования по этногенезу восточных славян.

Задача продолжения и завершения начатых работ является первоочередной задачей Института. Столь же важными задачами в дальнейшем явятся мобилизация имеющихся и подготовка новых кадров исследователей и ревнителей археологии.

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
вып. XIII ИМЕНИ Н. Я. МАРРА 1946 год

V. ИНФОРМАЦИЯ

А. Н. Зограф, *Античные монеты*

Эта монография безвременно погибшего во время блокады Ленинграда Александра Николаевича Зографа, известного русского нумизмата-классика, подготовлена к печати и намечена к изданию в ближайшее время. Сейчас она хранится в виде рукописи в Институте истории материальной культуры АН СССР. Рукопись заключает в себе 29 печатных листов (640 страниц машинописного текста) и снабжена большим количеством иллюстраций, подобранных с исключительной тщательностью. Первые семь глав книги посвящены общим вопросам античной нумизматики. В первой главе дан критический обзор истории исследования античных монет — от эпохи Возрождения до наших дней. Во второй дан очерк возникновения монет и техники монетного дела у греков и римлян. В этой же главе имеется новый в нашей литературе очерк античных монетных дворов. В третьей главе трактуется вопрос о весах, системах, номиналах античных монет и о их роли в денежном обращении. Понятию монетного типа, систематике античных монет и приемам их датировки и определения отведены главы IV—VII. Этот общий отдел занимает немного менее половины всей работы. На русском языке подобных работ до сих пор не было, что еще более повышает ценность ее. В труде широко использована вся новейшая общая и специальная литература — как советская, так и зарубежная. А. Н. Зограф, первый среди наших нумизматов, полностью приводит в своих исследованиях метод сличения штемпелей — это последнее достижение нумизматики, полностью его обосновывает и дает блестящие примеры его применения. Всюду в этой части рассеяны отдельные его собственные построения, всегда тщательно обоснованные и убедительные.

Вторая часть работы (главы VIII—XI) последовательно посвящены монетам Тиры, Ольвии, Херсонеса и Боспорского царства. Эти главы содержат множество оригинальных выводов и поправок к прежним построениям. К тому же это первый полный очерк нумизматики греческих городов Причерноморья с учетом всех открытий и работ, сделанных при жизни автора. Работа в этой части просто неоценима для советских нумизматов. Не меньшее значение она имеет и для международной нумизматики. Еще до ее написания многие положения были высказаны А. Н. Зографом в его отдельных статьях и приняты, как поправки, рядом западных специалистов. Особенно его работы отразились на взглядах Е. Г. Миниза и М. И. Ростовцева.

Б. Н. Граков

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ — Вестник древней истории

ГТГ — Государственная Третьяковская галлерея

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения

ЗВО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества

ЗРАО — Записки Русского археологического общества

ЗРОРАО — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества

Изв. КИАИ — Известия Кавказского историко-археологического института в Тифлисе

ИАК — Известия Археологической комиссии

ОАК — Отчеты Археологической комиссии

КС ИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры

МАК — Материалы по археологии Кавказа, изд. Моск. Археологического общества

МАР — Материалы по археологии России, изд. Археологической комиссией

МИА СССР — Материалы и исследования по Археологии СССР, изд. ИИМК АН СССР.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

РГО — Русское географическое общество

ТОВ — Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа.

MDAFA — Mémoires de la Délégation archéologiqne française Afganistan

MEA — The Museum for Eastern Antiquities

DRAS — Journal of the Royal Asiatic Society

OZ — Ostasiatische Zeitschrift

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

I. Статьи и доклады

Е. Ю. Кричевский О роли межплеменных сношений в древнейшей истории 3

Р. Гиршман. Раскопки французской Археологической делегации в Бегграме (Афганистан) 10

В. В. Гольмстен Буртасы . 17

А. П. Смирнов и *Н. Ф. Калинин.* Реконструкция Булгарской бани XIV в. 26

А. Л. Якобсон. Из истории армянского средневекового зодчества . 33

П. Н. Третьяков. Восточно-славянские племена в свете археологических исследований последних лет 39

Г Ф. Корзухина. О технике тиснения и перегородчатой эмали в древней Руси X—XII вв. 45

Н. Н. Воронин. Боголюбовский киворий 55

В. Н. Лазарев. Два новых памятника русской станковой живописи XII—XIII вв. 67

С. А. Тараканова. К вопросу о крепостных стенах Пскова 77

II. Полевые исследования

Л. М. Славин. Археологические исследования Украинской Академии Наук за 25 лет 81

М. В. Воеводский. Деснинская археологическая экспедиция 1940 г. 89

Г. П. Сосновский. Обследование палеолитических стоянок у г. Красноярска 95

А. П. Окладников. Археологические исследования 1940—1943 гг. в долине р. Лены и древняя история северных племен 99

В. П. Мизинова. Археологические разведки в районе г. Елабуги Татарской АССР 108

А. Н. Бернштам. Некоторые итоги археологических работ в Семиречье . 110

М. М. Худяк. Работы Нимфейской экспедиции Государственного Эрмитажа в 1939—1941 гг. 119

III. Тезисы диссертаций, защищенных в дни Великой Отечественной войны

С. Н. Бибиков. Позднепалеолитические поселения в навесе Шан-Коба и в гроте Мурзак-коба в Крыму 126

А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетии до н. э.. 130

Г. В. Подгаецкий Предскифский период на Среднем Дону 134

Л. П. Харко. Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском . 137

Г Д. Белов. Херсонес Таврический 142

С. П. Толстов. Древний Хорезм 143

Г. В. Григорьев Тали-Барзу как памятник домусульманского Согда 150

В. Н. Чернецов. Основные этапы истории Приобья от древнейших времен до X в. н. э. 153

М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. 156

А. П. Смирнов. Волжские булгары 158

А. Л. Якобсон. Архитектура средневекового Херсонеса 160

Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси 162

Н. Н. Воронин. Владимиро-суздальское зодчество XI—XIII вв. 165

М. А. Ильин. Русское зодчество XVI столетия 167

IV. 25 лет Советской археологии (в связи с 25-летием ГАИМК—ИИМК АН СССР)

Сессия Отделения истории и философии АН СССР 171

Пленум Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра 7—10 июня 1944 г. . 184

Юбилейное заседание Ташкентской группы ИИМК 191

Юбилейное заседание Елабужской группы ИИМК 201

V. Информация

Б. Н. Граков. А. Н. Зограф, «Античные монеты» . 203

Редакционная коллегия
Ответственный редактор академик *Б. Д. ГРЕКОВ.*
Зам. ответственного редактора *Т. С. ПАССЕК.*
Члены редколлегии: *С. Н. БИБИКОВ, С. В. КИСЕЛЕВ, С. А. ТАРАКАНОВА, А. Л. ЯКОБСОН.*

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИИМК, вып. XIII

*

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор Издательства *С. Т. Попова*
Технический редактор *Е. Н. Симкина*
Корректор *Л. Н. Николаева*

*

РИСО АН СССР 2219. А—05534. Тип. заказ 69.
Подп. к печ. 13 VI 1946 г. Формат бум. 70×108/16.
Печ. л. 13. Уч.-изд. л. 20¼. Тираж 4000.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
32	15 св.	И. Ф. Калинин	Н. Ф. Калинин
34	6 сн.	стредокрестьем	средокрестьем
40	8 св.	делекой територии	далекой территории
72	12 сн.	ὑπίρδνρον	ὑπέρθυρον
72	15 сн.	δέσιρ	δέησιρ